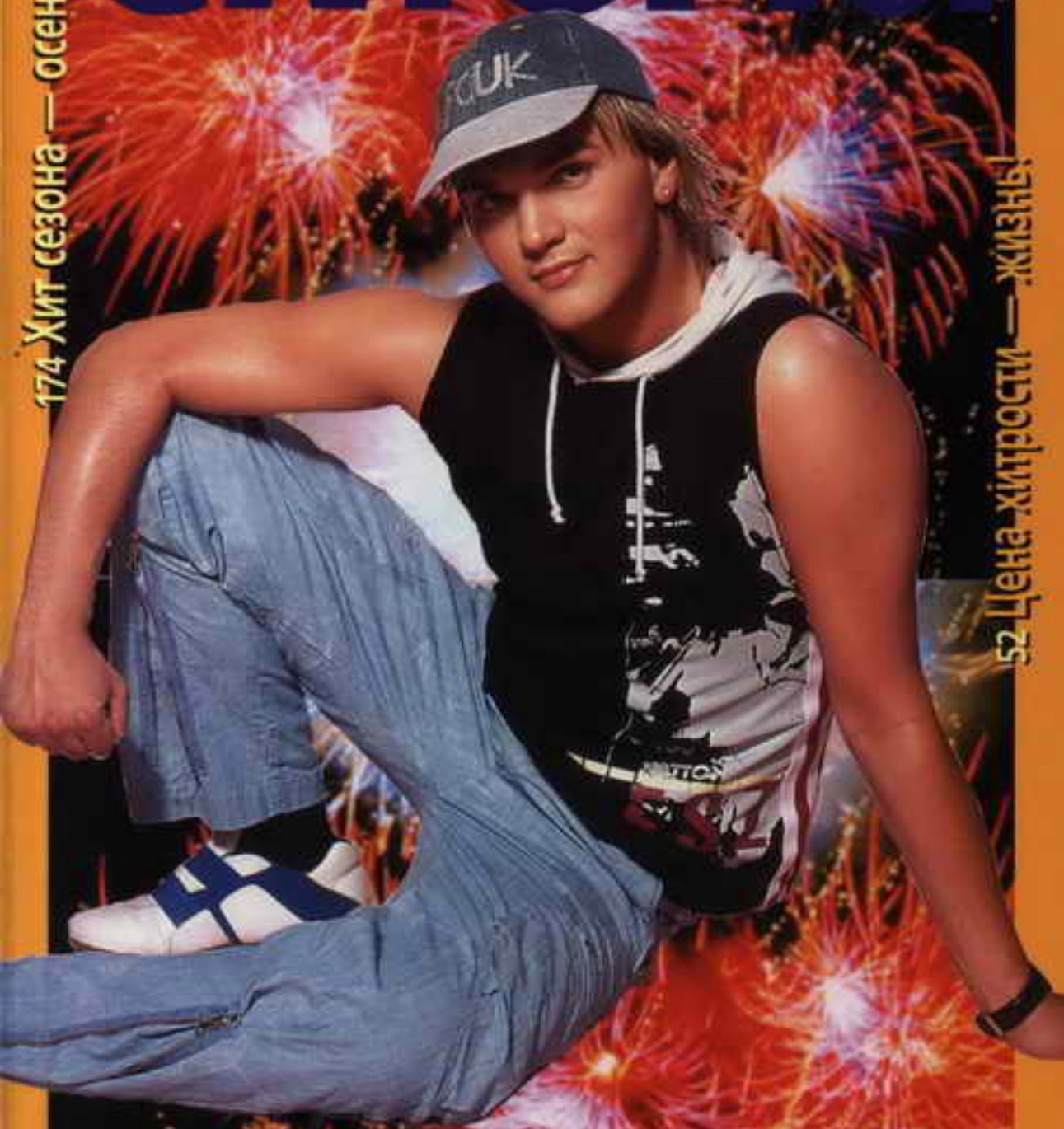

СМОНА

ноябрь 04

174 Хит сезона — осень

125 Цена хитрости — жизнь

168 Молодой бульвар: Александр Панайотов

ШИНОН
стр. 4-9

главный редактор

Михаил
Низилов

редколлегия

Николай
Левичев

главный художник

Виталий
Федоров

зам. главного редактора

Тамара
Чичина

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

2004
ноябрь (168)

Сдано в набор 15.09.2004.
Подписано к печати 25.10.2004.
Печать офсетная.
Заказ № 9101
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994

212-15-07 — для справок.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: jurnal@smena-id.ru

www.smena-id.ru

Отдел распространения:

257-31-37,

sales@smena-id.ru

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Рег.№ 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ".

Отпечатано в ФГУП "Смоленский
полиграфический комбинат"
по адресу: 214020, Смоленск,
ул. Смольянинова, д. 1.

**Журнал выходит
12 раз в год.**

© "Смена", 2004

наследие веков

Игорь Опарин

4 Шинон

Ирина Олимах

10 Макс Эрнст

издалека

Любовь Русева

26 Питомец Лавры
Сергиевой

love story

Светлана Бестужева-Лада

35 Сандрильона из
Городиц

▼ стр. 26

стр. 162 ▶

стр. 156 ▶

стр. 10 ▶

детектив

Андрей Дышев

52 Семь желаний

звезды мирового экрана

Владимир Нислов

128 Белокурая бестия

← стр. 128

▼ стр. 4

молодой бульвар

Марина Фетисова

140 Чудо, да и только!

Максим Башнеев

148 Подайте, люди добрые

Римма Савичева

152 Знакомство с продолжением?..

Елена Воробьева

156 Загадка, магия и отстраненность

Екатерина Постникова

162 Общага за забором

Ольга Быстрых

168 Народный и любимый

Полина Теслер

171 Чья игра бейсбол?

Алла Пустынова

174 Краски осени

Екатерина Макарова

180 Правильный развод

Расковал

Ник Сигарищенко

184 Телеоборзение

Лоренс Блок

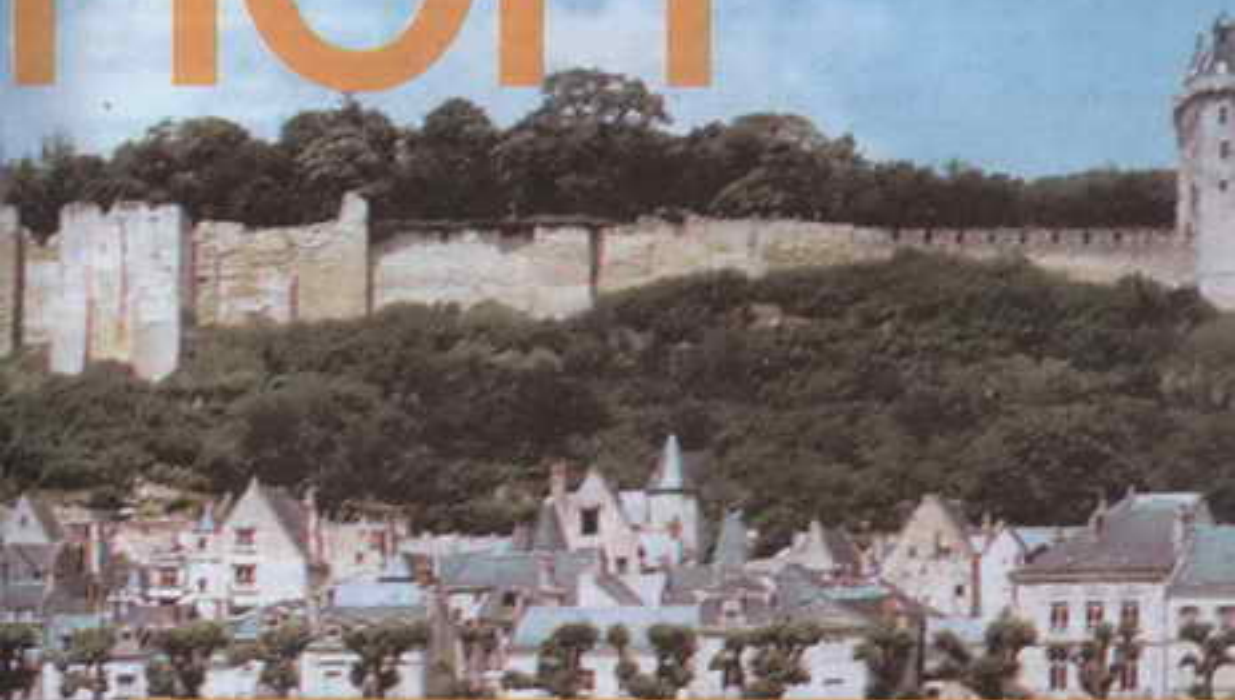
МОНА

Курортный роман, завязавшийся между одним опытным аферистом и молодой замужней женщиной, привел к неожиданной развязке и стал роковым для обоих. Она пыталась обвести его вокруг пальца, а он, поняв это, решил ей отомстить, и месть его оказалась очень своеобразной и страшной...

ШИ

НОН

Во Франции очень много старых замков, и каждый имеет свою историю. Среди них — и Шинон. Его древние стены видели и высочайшие взлеты духа, и падение во грех, и триумфы, и жестокие поражения...

Шинон лежит на стыке провинций Турени и Анжу, на берегу реки Вьенна — одним из притоков Луары. Когда-то все сооружения замка — крепости Сен-Жорж, Мелье и Кудрэ — образовывали единую мощную фортификационную линию длиной в 500 метров. Тут были и крепостные башни, и стены с бойницами, подъемные мосты, глубокие рвы. А внизу, у подножия утеса, рос город Шинон, город, в котором в 1498 году родился Франсуа Рабле, создатель Гаргантюа и Пантагрюэля, описавший Шинон на страницах своей бессмертной книги.

Самое первое упоминание о Шиноне встречается в знаменитой летописи Григория Турского — он рассказывает, как в 446 году римский правитель Галлии Эгидий захватил город, принадлежавший тогда вестготам. А потом на берегах Вьенны долго ничего не происходило — во всяком случае, такого, что осталось бы в истории. Город снова появился на исторической арене только в X веке. В те времена земли Шинона принадлежали семейству Блуа. Но граф Анжуйский, Жоффруа Манте, самый опасный соперник Блуа, так мечтал завладеть древней крепостью, что, собрав свои войска, выступил против Блуа и, выиграв битву при Сен-Мартен-Лио, получил от Тибальда Блуа воделенный Шинон.

Жоффруа, молодой и честолюбивый, сделал весьма выгодную партию — женился на дочери английского короля Генриха I Матильде. У них родился сын, которого назвали в честь английского дедушки Генрихом. Детство мальчика прошло в родовых замках Анжу, местах спокойных и удивительно живописных — среди чистых рек, густых лесов и холмов, поросших дроком. Юный Генрих любил украшать свой шлем веточкой дрока, на местном наречии называемой "планта генеста". Отсюда и пошло его прозвище — Плантагенет. В 1154 году, после кровопролитной войны, сын Жоффруа Генрих Анжу Плантагенет становится королем Англии Генрихом II.

К тому времени двадцатилетний король, как в свое время его отец, успел выгодно жениться. Его жена Элеонора, недавно разведенная со своим первым мужем, французским королем Людовиком VII, была самой бо-

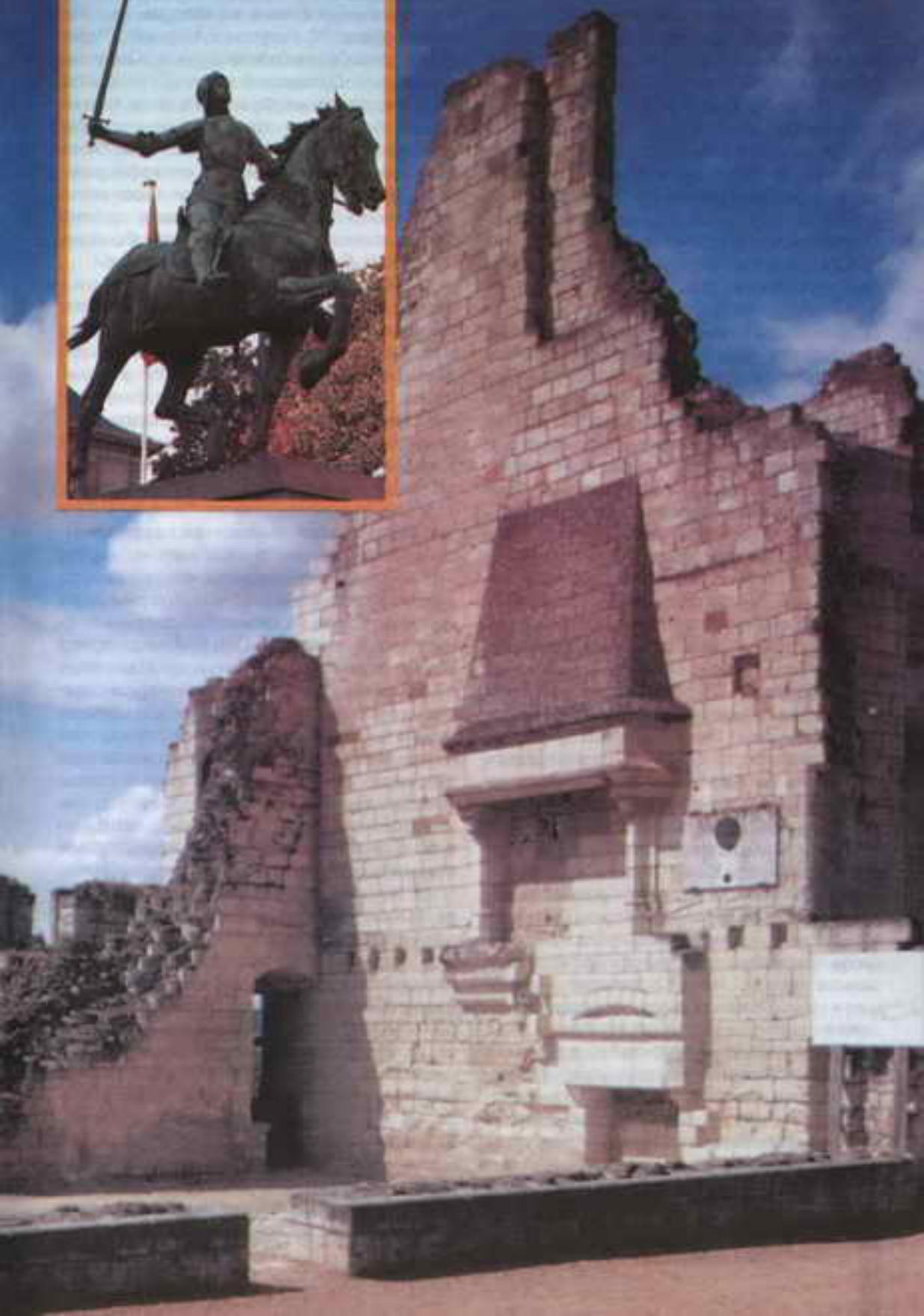
гатой женщиной Европы. По размерам ее герцогство Аквитания почти не уступало всей тогдашней Франции. Женившись на Элеоноре, Генрих II присоединил к Английскому королевству добрую треть Франции. Король Франции от всей этой ситуации был совсем не в восторге, но пришлось смириться. Шинон, родовое владение Анжуйских, теперь тоже стало собственностью английской короны.

Генрих II Плантагенет обнес замок крепостной стеной и завершил строительство главных крепостных сооружений, включая форт Сен-Жорж. Замок стал самой могучей цитаделью Англии на континенте.

После смерти Генриха на английский престол взошел его сын, легендарный Ричард Львиное Сердце. Придя к власти, он тут же отправился в крестовый поход. Ричард, это воплощение рыцарских идеалов, всю свою жизнь посвятил войне и крестовым походам, отвоеванию Иерусалима у неверных. В Сирии, где он неутомимо воевал с врагами христианства, его запомнили "похожим на ежа из-за стрел, вонзавшихся в его панцирь". Его называли "божьем паладином". Смерть его была нелепой. При осаде замка Шалю в Аквитании — замок принадлежал непокорному вассалу — его ранили в плечо стрелой из арбалета. "Муравей загубил льва", — сказал один из современников великого короля. Началась гангрена. Придворные врачи ничем не могли помочь своему сиятельному пациенту. Перед смертью Ричард пожелал, чтобы его перевезли в Шинон.

Все мы помним, как русские цари собирали русские земли, так вот, французские короли тоже занимались подобными делами — собирали свои, французские земли. Особенно прославился на этом поприще трезвый, жестокий, расчетливый Филипп II Август, отвоевавший у англичан их континентальные владения. Недаром его называли Расширителем. 27 июля 1214 года французы нанесли сокрушительное поражение войскам английского короля Иоанна Безземельного (брата Ричарда, ставшего королем Англии после его смерти). Именно в Шиноне, замке-крепости, имевшем такое важное стратегическое значение, заключили мир, по которому Иоанн отказался от всех французских владений Англии к северу от Луары. Так Шинон снова перешел в собственность французских королей.

Прошло примерно сто лет, и в 1308 году Шинон стал свидетелем драматических событий. Подземелья замка по приказу короля

Франции Филиппа IV Красивого превратились в тюрьму для рыцарей тамплиеров во главе с их магистром Жаком де Моле. Стены донжона в Кудре до сих пор хранят их таинственные письмена.

14 мая 1314 года тамплиеры и их Великий магистр Жак де Моле были заживо сожжены в Париже. Из пламени костра Жак де Моле проклял короля и его потомство.

Проклятие тамплиера очень скоро сбылось — через год король умер, а вскоре из Лондона пришли плохие вести: молодой английский король Эдуард III требовал себе французский престол. Началась Столетняя война.

События складывались для Франции весьма неудачно. Французы отдавали англичанам одну провинцию за другой. В 1425 году дофин, будущий король Карл VII, избрал Шинон своей столицей и расположился там с Генеральным Советом. К концу 1428 года Париж и почти все королевство захватили англичане. Впрочем, это не мешало Карлу наслаждаться жизнью — развлекаться на пирах и охотах. И делал он это столь блистательно, что один из его лучших рыцарей заметил как-то: "Извините, сир, но я еще ни разу не видел короля, который бы так весело терял свое королевство".

И вновь Шинону пришлось стать местом, где разыгралась одна из кульминационных сцен во французской истории.

25 февраля 1429 года в замке появилась Жанна д'Арк. Аудиенцию у дофина ей назначили на 8 марта. Она поселилась на постоялом дворе, у форта Кудре. Там и привиделись ей во сне святые Екатерина и Маргарита. "Жанна, ты предназначена самим небом помочь дофину", — сказали они ей.

И вот 8 марта сюда, после наступления темноты, привели Жанну. В зале горело более пятидесяти факелов, в нем собрались триста вооруженных рыцарей и сеньоров. Она сразу же нашла — каким-то особенным чутьем — среди множества собравшихся дофина, хотя раньше никогда с ним не встречалась, и подошла к нему. Обнажив голову, преклонила колени и попросила выслушать ее. Дофин и его приближенные с удивлением разглядывали девушку, которая во всеулышание заявила, что послана в этот мир, чтобы короновать Карла в Реймсе. Дофин, которому больше всего на свете хотелось стать королем, сразу поверил ей.

Собрав большой отряд и обоз с продуктами, Жанна выступила в поход. Она появилась

у стен осажденного Орлеана на белом коне, с развевающимся стягом, на котором был начертан девиз: "С Иисусом и Марией!" Через десять дней Орлеан освободили, и Жанну стали называть Орлеанской девой. Слух об этой девушке, посланной Франции в столь тяжкое время, облетел всю страну. А Жанна продолжала свой поход — и вот уже Реймс снова принадлежит французам, и в его кафедральном соборе, где раньше всегда короновали французских королей, короновали дофина Карла, ставшего теперь королем Франции Карлом VII. Пророчество Жанны сбылось!

В 1430 году у крепости Компьен она из-за предательства своих же французов попала в плен к бургундцам, которые выдали ее англичанам. А те, вместе с французами, продавшимися англичанам, устроили в Руане процесс, обвинив ее в колдовстве. Колдуний в те времена мракобесия и господства инквизиции ждал лишь один приговор — сожжение на костре. И на центральной площади Руана, на глазах огромной толпы зевак, Жанну д'Арк сожгли заживо. Лишь в 1456 году с нее сняли все обвинения в колдовстве и официально признали национальной героиней. (Правда, надо сказать, что существуют ученые, которые считают всю историю Жанны д'Арк одной из самых грандиозных мистификаций в истории. Они утверждают, что Жанна происходила из очень высокого рода и была отнюдь не сожжена на костре — вместо нее сгорела совсем другая женщина, а Жанну увезли в безопасное место, где она прожила инкогнито четыре года, потом благополучно вышла замуж и умерла своей смертью. Версия эта пока не доказана, так что будем верить замечательной романтической истории об Орлеанской девице, спасшей Францию от отвратительных англичан.)

В 1444 году Карл, ставший королем благодаря Жанне д'Арк, познакомился с Аньес Сорель, красавицей, придворной дамой Изабеллы Лотарингской. Целых пять лет король не мог думать ни об одной другой женщине — Аньес завладела всем его существом. Он дарил ей богатые земли и роскошные драгоценности, ее наряды были великолепны, а шлейфы платьев — длиннее, чем у самой королевы. Желая продемонстрировать не только наряды, но и к расоте своего тела, фаворитка ввела в моду декольте. Король, не задумываясь, бросал все — государственные дела, свою беременную супругу, — и уезжал с Аньес. Он как умел развлекал ее, устраивал для нее рыцар-

ские турниры, спектакли, дарил подарки. И, конечно же, возил в свой любимый Шинон. Карл даже построил для прекрасной Аньес специальный особняк Робердо, перед северной стеной крепости, — сюда в любой момент он мог свободно проходить по подземному переходу.

Сменившие Карла на французском престоле Людовик XI, Карл VIII и Людовик XII тоже не раз бывали в Шиноне. Они любили эту суровую крепость, с которой связано столько ярких эпизодов французской истории...

18 декабря 1498 года Людовик XII принимал здесь Чезаре Борджиа, эмиссара папы римского Александра VI. Борджиа привез буллу, аннулировавшую брак Людовика и Жанны Французской, что позволило королю взять в жены Анну Бретонскую. Этому предшествовала длинная история.

Людовик XII страстно влюбился в овдовевшую Анну Бретонскую. Он всячески утешал ее, осыпал подарками, часто навещал. И жаждал сделать своей женой. Но возникла одна проблема — у него уже была жена, Жанна Французская, жалкая, горбатая, некрасивая, на которой его женили насильно. И король обратился в Рим к папе с просьбой расторгнуть его брак. Папа Александр Борджиа не отличался смирением и отсутствием мирских желаний — корыстный и сладострастный, он отдыхал среди танцовщиц своего балета, служившего ему таким лекарством от скуки. Частенько молоденькие девушки танцевали перед ним почти обнаженными. Зная папу, король решил — если тот откажется, он пошлет в Рим деньги или несколько придворных красавиц. Папа действительно согласился на то, чтобы начать бракоразводный процесс. Вся процедура выглядела отвратительно, но в конце концов Людовика и Жанну развели. Но по-прежнему требовалось разрешение папы на повторный брак — дело в том, что Анна и Людовик были кузенами, и в этом случае выдавалось особенное разрешение.

И вот папа выставил свои условия: до рукоположения в сан у него родился незаконнорожденный сын Чезаре, который, будучи архиепископом Валенсии, уже давно мечтал избавиться от монашеского сана, чтобы без всяких преград предаваться любовным утехам. Все знали о его бурной кровосмесительной связи с сестрой Лукрецией, но Чезаре этого было мало. И вот в обмен на разрешение брака папа потребовал для своего сыночка герцогство Валентинуа и руку французской прин-

цесссы! Королю ничего не оставалось, как согласиться, и Чезаре Борджиа с папской буллой прибыл в Шинон, где и вручил ее королю. Людовик постеснялся жениться на своей любимой Анне и стал подыскивать невесту для нового герцога Валентинуа. Оказалось это не простым делом — девушки, зная о сомнительной славе достойного отпрыска рода Борджиа, папского сыночка, не хотели выходить за него замуж. Наконец согласилась Шарлотта д'Альбре, (и тоже не просто так, а после того, как ее брат получил от папы сан кардинала!). И где же провели первую брачную ночь сиятельные молодожены? Конечно же, в гостях у короля в Шиноне. Рассказывают, что Борджиа, желая молодой жене показать себя во всей красе, попросил у местного аптекаря специальное снадобье, но тот подsunул ему слабительное. В результате итальянец всю ночь бегал в отхожее место. На другой день Чезаре, стораю от стыда, покинул Шинон и свою жену, с которым больше так и не встретился.

Шли годы... В замке сменялись обитатели и владельцы, однажды его купил кардинал Ришелье, тот самый Ришелье, герой романов Дюма. Его наследников Шинон мало интересовал, и постепенно замок превращался в руины. От большого тронного зала, где дофин Карл принимал Жанну д'Арк, остались западная стена и камин. От форта Сен-Жорж, возведенного Генрихом Плантагенетом, сохранились лишь подземная крипта с капеллой Святого Георгия. По-прежнему возвышается лишь Башня часов, возведенная в XIII веке и названная так, поскольку звон ее колокола помогал людям отсчитывать время. (Теперь в башне — музей Жанны д'Арк.) Но когда думаешь, что эти стены видели Генриха Плантагенета, Ричарда Львиное Сердце, Орлеанскую деву, красавицу Аньес Сорель, многих французских королей, понимаешь — Шинон жив, пока жива память об этих людях, вписавших блестящие страницы не только во французскую, но и в мировую историю.

А совсем недавно о Шиноне снова заговорили — неизвестные злоумышленники похитили бронзовый бюст Франсуа Миттерана, президента Франции в 1981-1995 годах. Миттеран, до того, как стать президентом, двадцать два года возглавлял мэрию Шинона. В мае 1999 года торжественно открыли музей, посвященный ему. Центральное место в музее занимал бронзовый бюст, который вдруг кому-то очень понравился или не понравился...

МАКС ЭР

■ Макс Эрнст — один из самых дерзких, самых отчаянных экспериментаторов в искусстве XX века. В своих странных, причудливых композициях он, бунтовщик и диссидент, выразил отрицание буржуазного мира, общепринятых ценностей и норм. Он создал мир, населенный странными, порой агрессивными существами, мир безумных фантазий и красок. При этом во Вселенной Эрнста столько тонкого юмора, иронии. Вот почему его картины иногда заставляют ужаснуться, а иногда рассмеяться. Нередко зрители, глядя на его коллажи и фроттажи, испытывали шок и потрясение — такие холсты редко вешают дома. Эрнст поражает, возмущает, выводит из себя. Заставляет думать, страдать. И никого не оставляет равнодушным.

Макс Эрнст родился в 1891 году, в маленьком немецком городке Брюле, недалеко от Кельна. В семье — семеро детей! По-видимому, обстановка была достаточно теплой и сердечной — старшие Эрнсты любили своих детишек и друг друга. Макс так рассказывал о своих родителях: "Филипп Эрнст по профессии — преподаватель в школе для глухонемых детей, по призванию — художник, властный, крепкий физически человек, хороший католик, всегда в добром настроении; Луиза, нежная мать, обладавшая чувством юмора и любившая сказки". Детям позволялось следовать своим

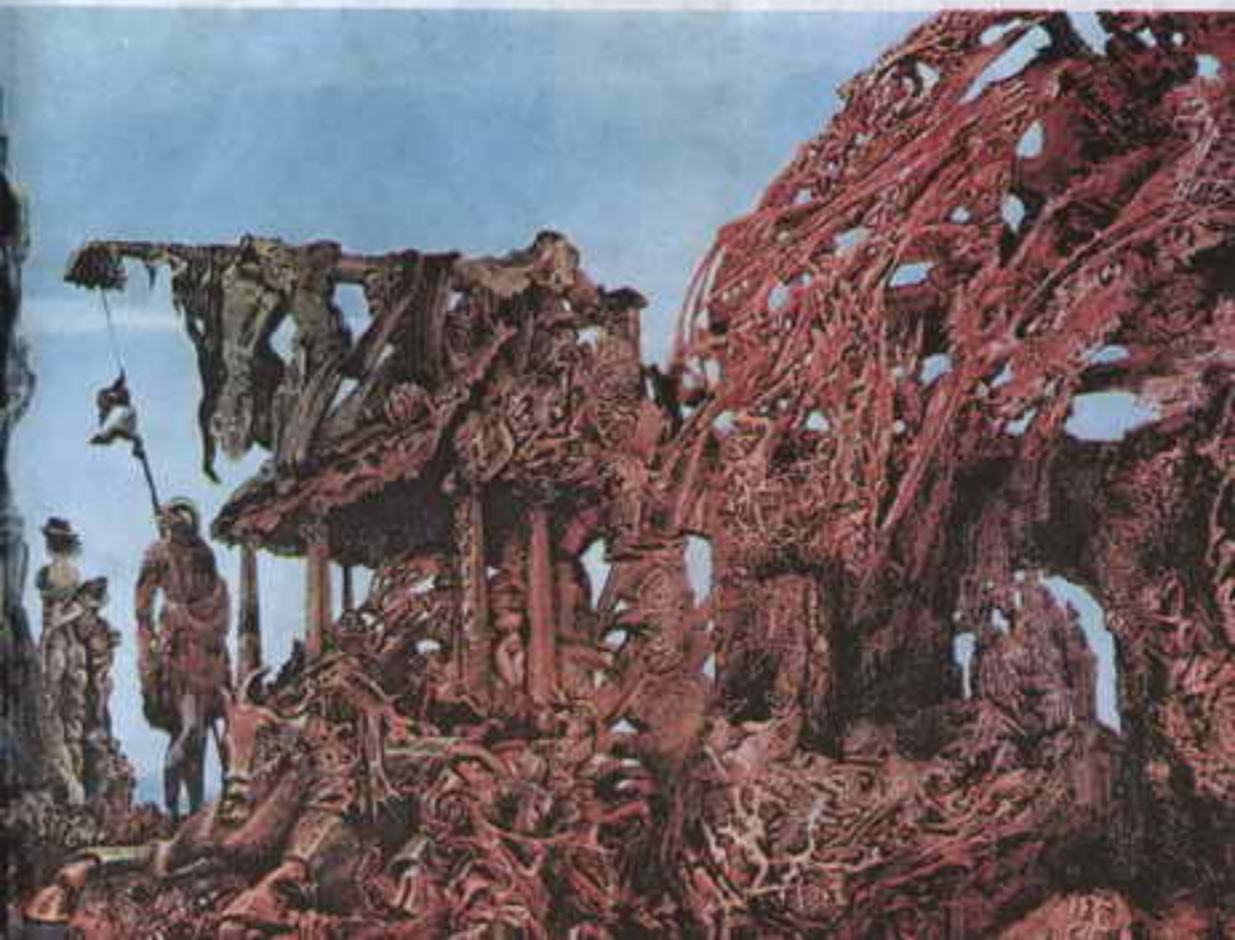
Европа после дождя. 1940—1942.

НСТ

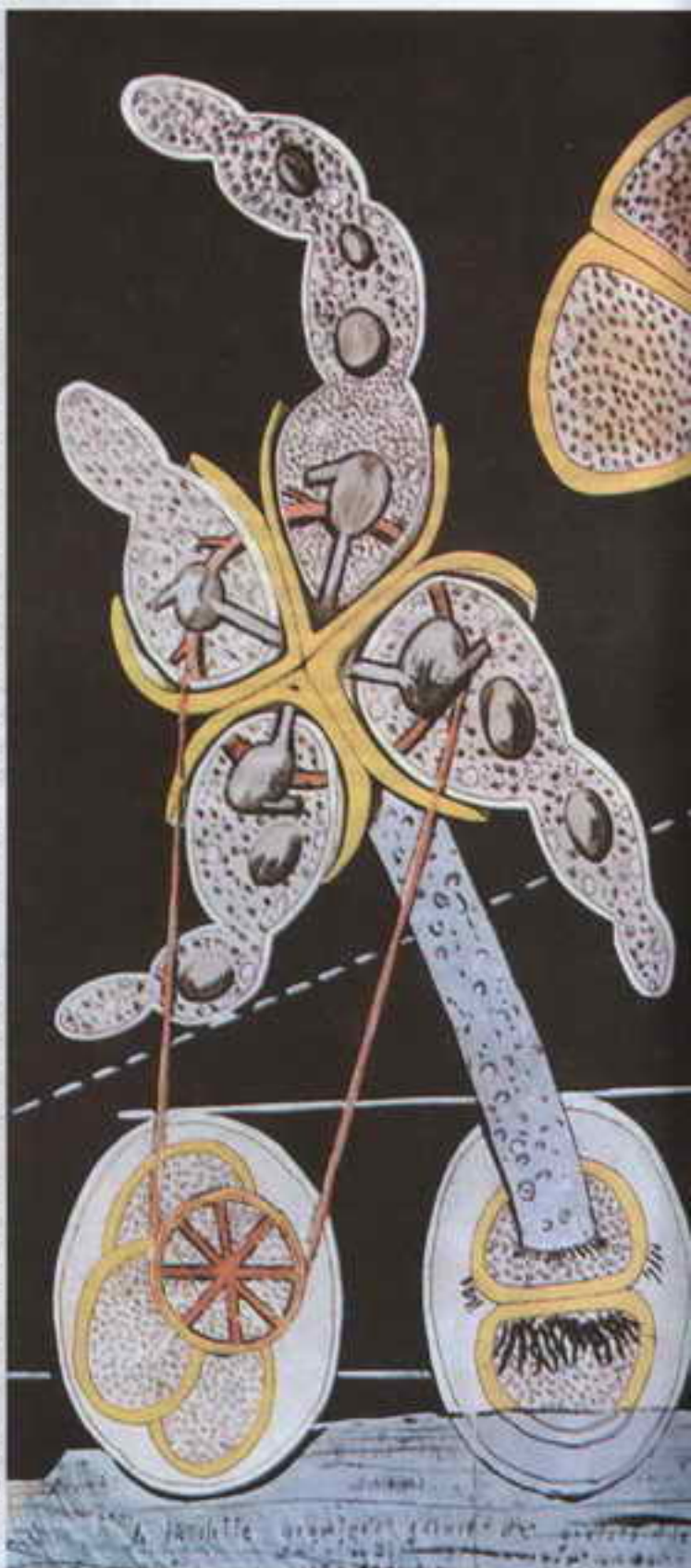
желаниям, ими занимались, учили. Они были талантливые, дети господина учителя, и очень разные. И судьбы их сложились тоже по-разному: Эмили, вслед за отцом, стала учителем; Луиза поступила в монашеский орден и погибла во время войны; Карл избрал профессию врача, а Аполлония (дома ее звали Лони) вышла замуж за искусствоведа Лотара Претцеля, который потом организовал множество выставок своего шурина Макса. Еще две сестры умерли в детстве.

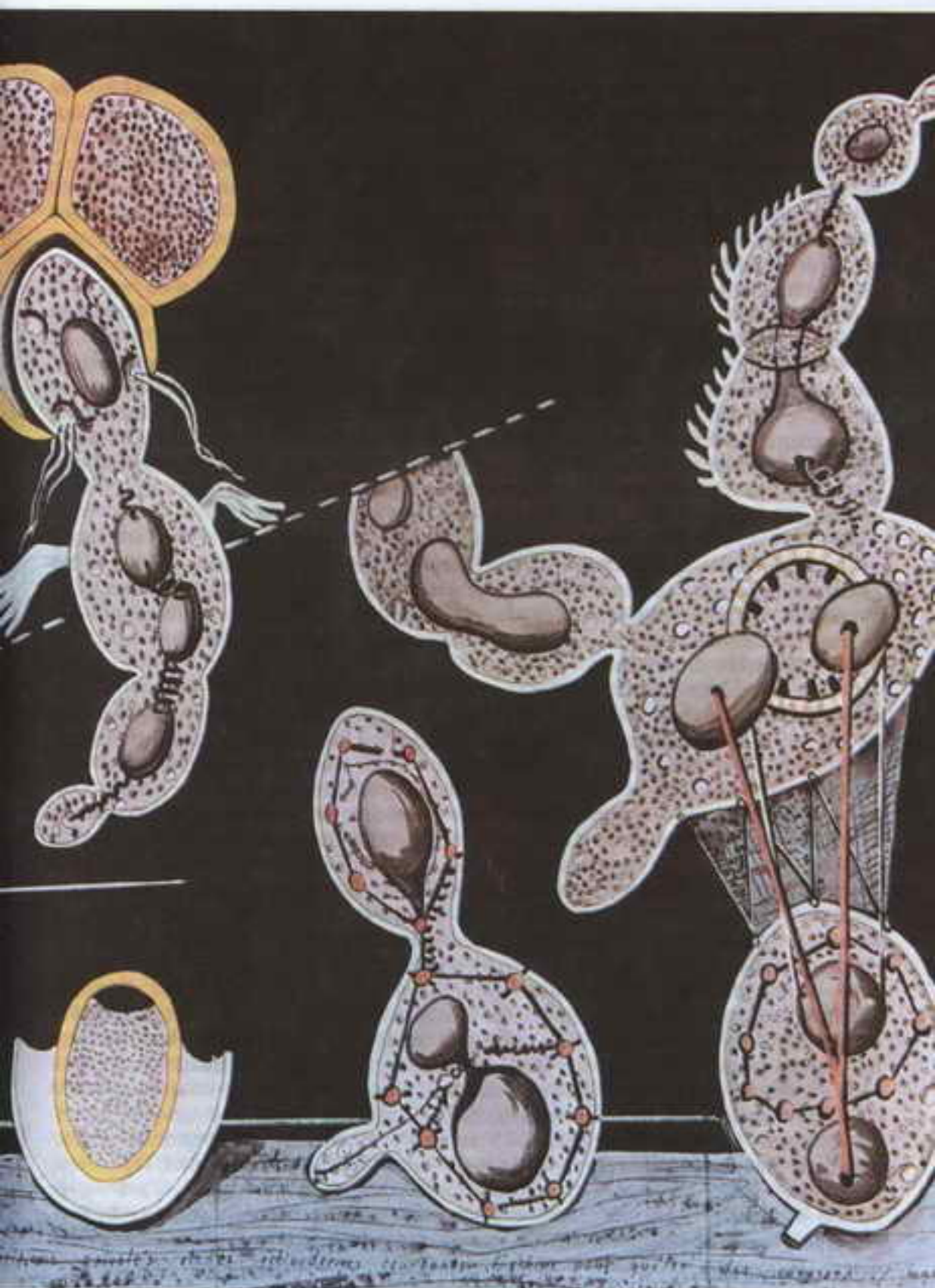
Макс всегда отличался некоторой нервозностью и впечатлительностью. Он тяжело переживал семейные беды, при этом в одном ряду — смерть сестры Марии и любимого какаду. У него был независимый и строптивый характер, и подчиняться строгим порядкам в школе и дома — а отец

проявлял строгость не только к своим ученикам, но и к детям — было для Макса настоящей мукой. А жизнь за пределами этого замкнутого круга "дом-школа" казалась заманчивой и невероятно увлекательной. Сам он писал об этом периоде своей жизни так: "Преходящие радости, восторги, революционные стихи, истории выдуманных или действительных путешествий, словом, все, что наши воспитатели называли ничтожным, а преподаватели закона Божьего — тремя источниками зла (внешние радости, плотские удовольствия, тщетные стремления жизни) привлекали меня необычайно. Внешние радости брали верх. Смотреть вокруг было моим любимейшим занятием. Мои глаза жаждали не только того чудесного мира, который вторгался в них извне, но и другого, таинственного и тревожного, который вырастал и вновь вырастал в моих мечтах".

В 1908 году Макс поступает в Боннский университет, на философский факультет, надеясь там найти свободу мышления и мысли. Он изучает философию и историю искусств, но его особый интерес вызывает психология. Он посещает психиатрические клиники, и в одной из них ему показывают картины, созданные душевнобольными. Их болезненные фантазии, поразительный выплеск бессознательного производят на Макса огромное впечатление. По его собственному признанию, именно эти своеобразные вернисажи послужили для него толчком к принятию важнейшего в его жизни решения —

Стекланный велосипед. 1920.

стать художником. И уже в 1909 году он серьезно занимается живописью. Его кумирами становятся Ван Гог, Мане, Гоген и Кандинский. Огромное влияние на него оказал знаменитый экспрессионист Август Маке, член объединения "Синий всадник" — этот яркий художник трагически погиб на полях сражений Первой мировой войны. Но пока в Европе мир, и молодые, свободные, дерзкие художники, объединенные почитанием Маке, и, как вспоминал Макс, "жаждой жизни, свободы, стремлением к абсолютному познанию", пишут первые работы и пробуют их выставлять. Впервые Макс демонстрирует публике свои достижения в живописи в 1913 году — сначала в Бонне, в книжной лавке Фридриха Когена — именно там проходили встречи и жаростные дискуссии его приятелей — а затем в кельнской галерее Фельдмана. Но чисто художественным творчеством он не ограничивается — Эрнст еще и пишет статьи на темы философии, о немецких экспрессионистах, о границах познания — его, этого молодого и думающего художника, очень многое волнует и интересует.

Летом 1913 года он едет в Париж, знакомится с Делоне и Аполлинером, смотрит, что делают его коллеги-французы, и начинает писать полукубистские-полуабстракционистские картины. Голова у него закружилась — все казалось безумно интересным, и так захотелось стать ниспровергателем традиционных ценностей! Понятное дело, отец, приверженец старого искусства, не одобрил опыты сына и со свойственной ему суровостью и нетерпимостью высказал свое неодобрение. Бесконечные ссоры в конце концов надоели, и Макс с удовольствием уехал из родного дома.

В 1914 году началась Первая мировая война. Мир словно сошел с ума — Европу захлестнули волны крови, смерть творила свой бал. Не обошла война и Эрнста. Его мобилизовали, и он попал в артиллерийские войска. И тут ему крупно повезло — благодаря командиру, молодому лейтенанту, весьма прогрессивно мыслящему и неплохо образованному, а главное, видевшему на выставках работы Макса, — художника переводят в штаб полка.

Наконец война кончилась, Макс демобилизовался и вернулся в Кельн. После ужасов войны так хотелось какого-то тепла, любви, счастья. И он женится — на своей соученице по университету, красивой, белокурой, типичной немке Луизе Штраус. Вскоре у них рождается сын Ульрих, которого счастливый отец называет то Джимми, то Минимаксом, Маленьким Максом. Луиза, или Лу, а иногда Роза — в семье Эрнстов любили разные прозвища — работает в музее и получает помощь от отца, богатого шляпника. У Эрнста не очень складываются отношения с родственниками жены — им не нравится богемный зять. Он им не понятен, непонятны и его странные коллажи — этот якобы художник наклеивает на бумагу какие-то картинки, которые вырезает бог знает откуда — каких-то старых книг, учебников, газет, и называет свои странные композиции произведениями искусства! Да он просто сумасшедший! — думают почтенные буржуа Штраусы.

А между тем в Кельн приезжает старый друг Эрнста Ханс Арп. И вот приятели вместе со своими единомышленниками Бааргельдом, Фрейдлихом, Херле и другими основывают "Центр Дада W/З", пытаются издавать журнал и устраивать выставки, однако у них ничего не получается — журнал запрещается издавать, выставки закрываются, а афиши и каталоги — конфискуются. Возмущение общественности вполне понятно. Ведь что такое эта "Дада"? "Дада" на языке французской детворы означало "маленькая деревянная лошадка", но, конечно же, молодые художники, работавшие в разных странах Европы — во Франции, Швейцарии, Германии, вкладывали в это маленькое слово совсем иной смысл. Быть с "Дада" — значит, ни во что не верить, все опровергать, отрицать все установленные в мире ценности, все буржуазные принципы, страстно желать все перевернуть вверх ногами, — общество, искусство, классовые отношения, отношения между мужчиной и женщи-

ной. Даже понятие Бога. Ничто не свято. Ничто не достойно уважения. Инициаторы движения — румын Тристан Тцара, эльзасец Ханс Арп, испанец Пикабия и француз Дюшен. Лучше всего восприняли "Дада" во Франции. Ниспровергателей всего и вся поддержали Аполлинер, Арагон, Бретон, к которым присоединились Сандрар, Пикассо, Модильяни, Кандинский.

Не удивительно, что каждая акция дадаистов была связана со скандалом. Особенно прославилась выставка, устроенная приятелями Эрнста в 1920 году в Кельне. Вход на вернисаж проходил через мужской туалет, где зрителей встречала полуголая девица, распевавшая похабные куплеты. Эрнст выставил в этом замечательном месте топор — чтобы особо возмущенные могли выплеснуть свою ярость и что-нибудь порубить. А еще там установили аквариум с красной водой, в котором плавали будильник, парик и деревянная рука. Все это просто привело в бешенство кельнскую публику, а некоторые даже попытались опрокинуть аквариум. Пришлось вызвать блюстителей порядка. Естественно, очень скоро полиция закрыла выставку. Отец Эрнста, уважаемый преподаватель и примерный католик, не смог спокойно пережить этот скандал, одним из организаторов которого стал его сын. Потрясенный до глубины души моральным падением Макса, он отрекся от него и лишил наследства.

Насыщенный о кельнской бурной жизни, в город приезжает Поль Элюар вместе со своей женой Галой (Елена Дьяконова, став женой Элюара, получила имя Гала, "праздник". Так называли любившие ее мужчины. Этой женщине выпала яркая судьба, ей было суждено стать возлюбленной трех выдающихся людей — французского поэта Элюара, двух художников — немца Макса Эрнста и испанца Сальватора Дали). Элюар, конечно же, знакомится с Эрнстом и его друзьями.

Эрнст — высокий, мускулистый, сильный, совсем не похожий на людей искусства. Веселый и непринужденный, он сразу вызывает симпатию. Белокурый, голубоглазый Макс по-настоящему красив. Ему тридцать лет, он на четыре года старше Галы и на пять — Элюара, но выглядит моложе супругов. Картины Эрнста, в которых свобода и безумие, поразительные проникновения в суть вещей, полеты в область бессознательного сочетаются в какой-то удивительной гармонии, производят огромное впечатление на Элюара. Французский поэт стал первым, кто смог по достоинству оценить его живопись и принять ее. Элюар много рассказывает художнику о Париже, говорит, что именно там, где работают и творят Бретон и Пикабия, Пикассо и Тцара, рождается новое искусство, и Макс принимает решение — он должен ехать в столицу Франции.

Немцу тогда в послевоенное время было в Париже непросто. Ведь все немцы — боши. Заклятые враги французов. А кроме того, и специфическая слава Эрнста — бунтаря и смутьяна, нарушителя порядка... Итак, ему не позволено въезжать во Францию. Но устроить скандал — что может быть заманчивее для настоящих дадаистов? И Тцара, тогдашний вождь парижских дада, устраивает выставку этому бошу Эрнсту, картины которого ему безумно нравятся. Особенно нравятся его своеобразные коллажи — немец наклеивает на картон различные, не связанные друг с другом изображения, и получающиеся композиции приобретают законченный смысл. Материалы для коллажей Макс вырезает из книг, газет, из старых гравюр и учебников. И названия у его картин-коллажей соответственные, вполне в духе дада: "Маленький прыщ в слюнной железе, пульсирующий тик-так", "Объем человека, исчисляемого аксессуарами жены", "Улитка в распространенной комнате"... Публика не оценила Эрнста — его картины ждал оглушительный провал. Но этот провал означает лишь то, что он действительно создает шедевры дадаизма! А в апреле Макс проводит несколько дней в полицейском участке — его арестовали за пропаганду порнографии и призыв к беспорядкам, и это тоже в духе дадаизма.

В ноябре к Эрнсту в Кельн приезжает по-прежнему боготворивший художника Элюар с Галой. Они отдыхали в Тироле и решили навестить художника. Они проводят вместе неделю — им всем хорошо: они ходят на танцы, в цирк, они ведь все так молоды. Мягкий, медлительный Элюар — полная противоположность Эрнсту, большому, резкому, быстрому, скрывающему за внешней веселостью свои чувства и сомнения, свои муки и переживания. Макс — настоящий гений, твердит Поль, разве можно его не любить? И восторженный Элюар покупает две работы Макса — "Слон Целебес" и "Царь Эдип".

Они вместе не только в жизни, но и в творчестве. Макс делает иллюстрации к стихам Поля "Повторения". Затем последовала еще одна совместная работа — "Злоключения бессмертных". Великолепно исполненные коллажи, в основном из старинных гравюр, прекрасно соответствовали тексту, создавая единство слова и образа. Книга появилась в продаже в июле 1922 года, и друзья решили отпраздновать это событие — Элюар с Гала приехали в Тироль, и Эрнсты проводят с ними все лето. Туда же приезжает Тцара и Арп со своими подругами. И вот на глазах у всех начинается история любви, любви Макса и жены его лучшего друга Поля. В конце концов Макс оставил Лу

Последний лес. 1960—1969.

и Минимакса и переселился к Элюарам. Влюбленные не скрывали своих чувств, и Поль не пытался удержать Галу — он так увлечен Максом, что готов отдать ему даже жену. "Я люблю Макса больше, чем Галу", — писал он в те дни. Заго Лу не готова на подобные подвиги самопожертвования, она не столь терпима. Позже она обвинит Галу, спровоцировавшую Макса, и Поля-соглашателя. "Эта русская женщина с черными волосами и восточными черными влажными глазами решила владеть двумя мужчинами сразу, не сумев вовлечь меня в авантюру соблазнения Поля", — с горечью написала она. Но больше всех нервничала Гала — никак не могла сделать выбор. Горячая, порывистая, несдержанная, она устраивала дикие сцены.

Наконец лето закончилось. Все разъехались. Эрнст отправил жену и сына в Кельн, а сам, воспользовавшись паспортом Элюара (ему по-прежнему запрещен въезд во Францию, и Поль отдает ему свой, заявив в консульстве об утере паспорта), уехал в Париж, где его с нетерпением ждали Гала и Поль. Итак, Макс — в Париже, без денег и документов. Он живет у Элюаров, все дни проводя вместе с Галой (Поль по утрам уезжал на работу в контору отца). Без паспорта ему опасно выходить на улицу — могут принять за немецкого шпиона. Наконец Макс достали фальшивые документы, и он с трудом нашел работу — на маленькой фабрике сувениров, там общаться ему ни с кем не хотелось, и за неразговорчивость он получил прозвище — Немой. А по выходным дням Макс пишет большую картину — "Встреча друзей", которая стала своеобразным подношением Элюарам. На этом большом групповом портрете изображены все члены их кружка, а кроме того еще и Достоевский, де Кирико и даже Рафаэль — кумиры Эрнста в искусстве. На картине присутствует только одна женщина, — конечно же, Гала, Гала, способная разбудить в мужских душах безумную страсть и невыносимое страдание...

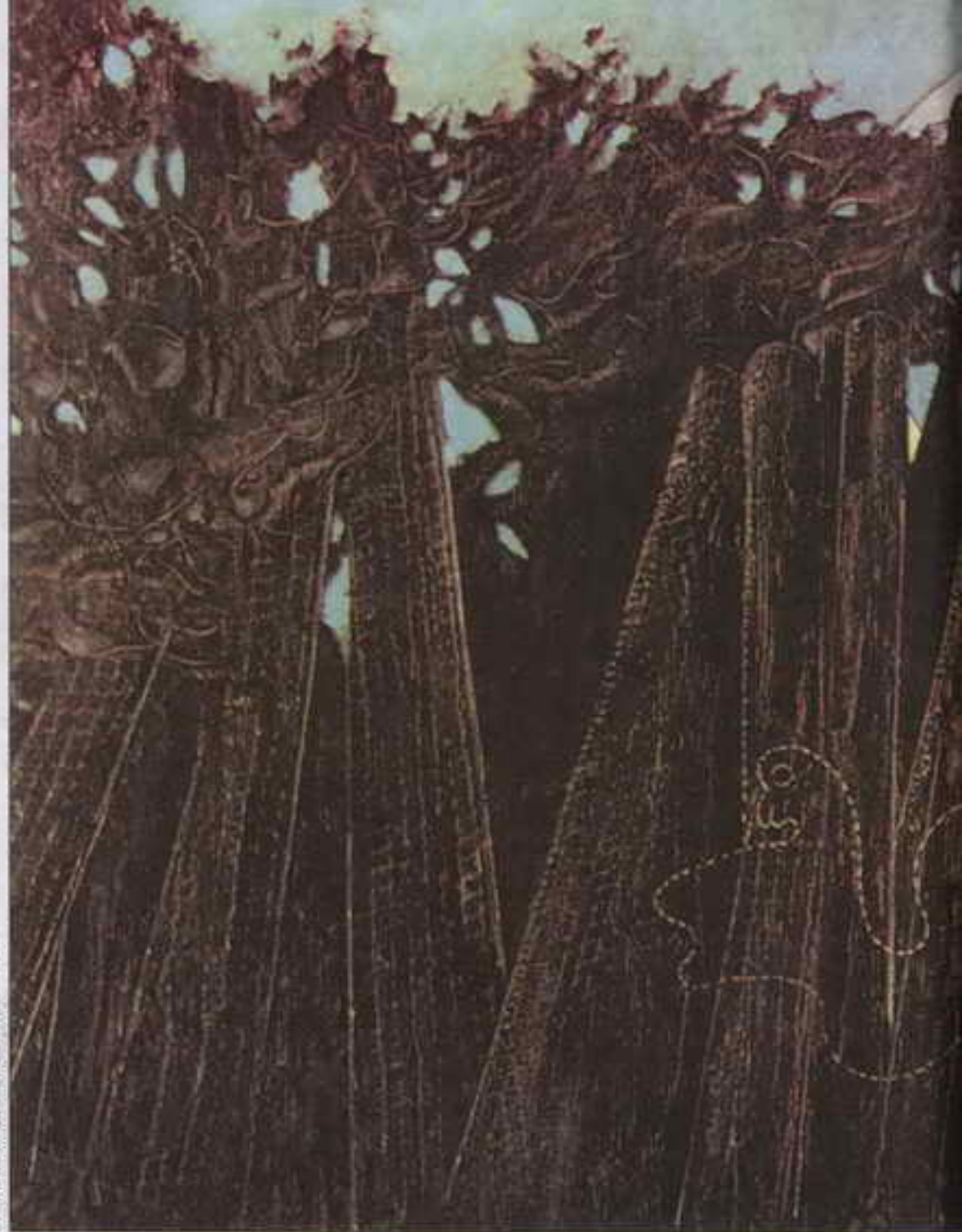
Друзья Элюаров наблюдали эту жизнь Поля, Макса и Галы втроем без особого воодушевления. Им жалко Поля, прячущего свою тоску за внешней терпимостью, они обвиняют Галу, которая играет обоими друзьями. И Элюару все труднее мириться с таким положением дел, он чувствует себя чужаком в собственном доме. Так проходит год, в Париж приезжает Луиза. Она пытается вернуть мужа в лоно семьи, но у нее ничего не получается.

А между тем дадаисты все чаще ссорятся. Бретон призывает к примирению, предлагая друзьям довести дадаизм до революционного бунта. Его программа четкая и ясная: "Бросайте вашу жену, оставьте любовницу, бросьте надежды и страхи... покоряйте дороги, идите вперед!"

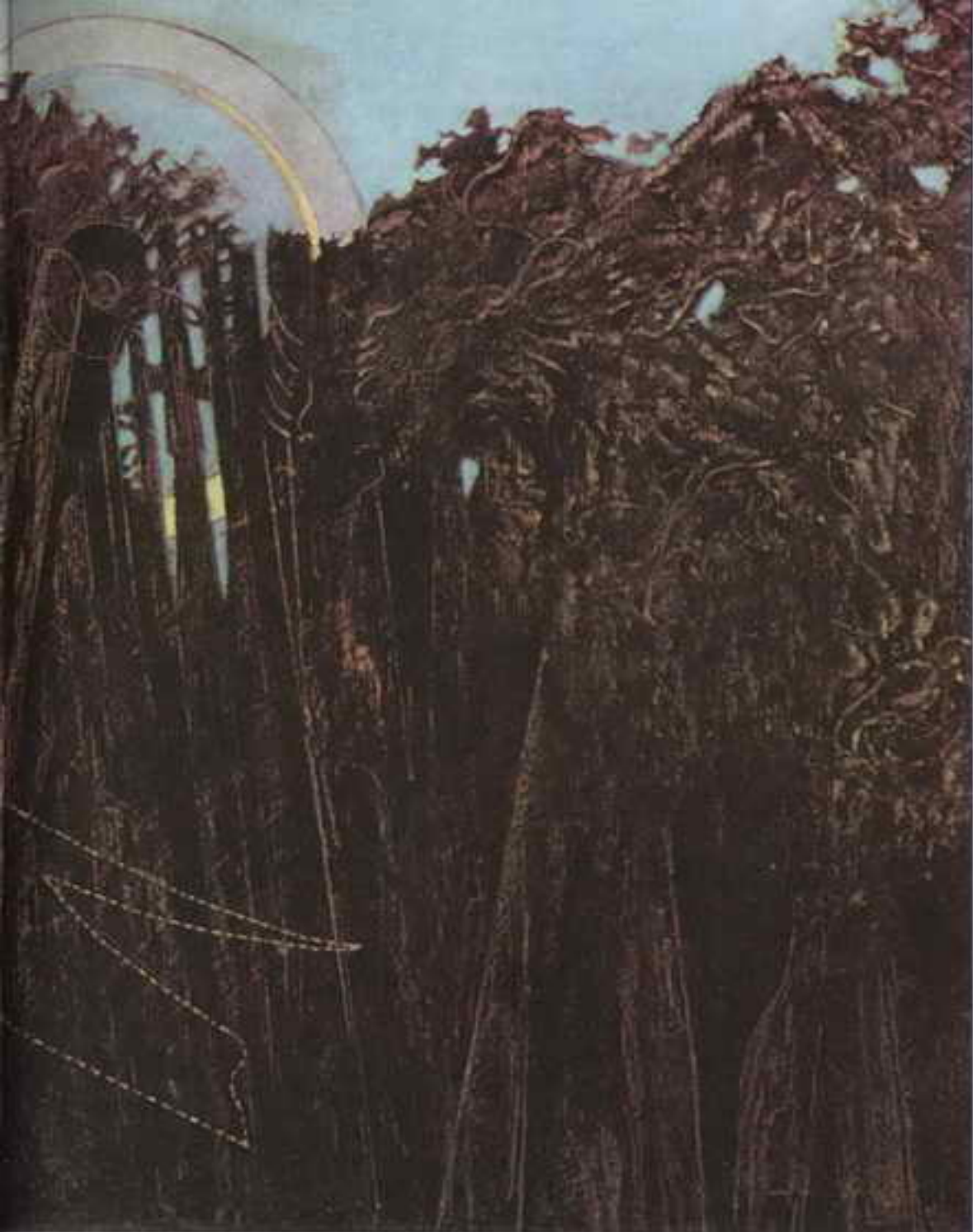
И Макс Эрнст покоряет новые дороги. На его полотнах — все, что его волнует, вся его жизнь. Вот "Женщина, старец и цветок" и "Юбю-император" — резкий выпад против отца; вот "Воспоминания о Боге" — обращение к переживаниям детства; "Прекрасная садовница" — история его любви к Гале. В "Непорочном зачатии", в картине "Пресвятая Дева наказывает младенца Иисуса" и других он старается освободиться от гнета религиозного воспитания. Потом эти его картины фашисты занесут в списки "дегенеративного искусства", которое необходимо уничтожить. В его полотнах — толкования снов, бессознательного, навязчивых идей, неожиданные сочетания, подчеркнутый эротизм и изменение пространства — все то, что потом будет принято на вооружение сюрреализмом.

Гала и Поль Элюары переехали в Обонн, небольшой городок под Парижем. У них большой дом, и там, конечно же, есть место для мастерской Макса. Новоселье они праздновали втроем — Макс, Элюар, Гала. Жизнь, наполненная любовью, мукой, дружбой и творчеством, продолжалась.

В новом доме Макс заканчивает картину "Пьета, или Революция ночью. Полная таинственности работа". Она украсила гостиную, а чуть позже ее купил Бретон. На

картине изображен усатый, в костюме и котелке буржуа, на его коленях — безжизненное тело юноши. На втором плане стоит мужчина с закрытыми глазами, опущенными плечами и грустным лицом. "Пьета" — триумф галлюцинаций, мечтаний и неосознанного. Постепенно весь дом Элюаров становится музеем Макса — стены покрывают фрески, отражения кошмаров и прекрасных видений художника. Гостиная становится чудесным садом, где царствует Гала. Маленькая детская, где живет дочь Элюаров Сесиль, превращается в сказочный лес, там живут волшебные животные и

растут удивительные цветы. Поль восхищен всем, что делает друг, он покупает ему холсты и краски, готов все терпеть ради него, как полагает Поль, настоящего гения.

Но Поль страдает — не может смириться с тем, что его Гала теперь любит Макса. Однажды он не выдерживает этой жизни втроем и исчезает. "Не ищите меня", — просит он в прощальной записке. После четырех месяцев разлуки они все-таки нашли Поля. Это случилось в Сайгоне. Макс понимал — теперь ему нужно уйти. И вернувшись во Францию, он переселился из Обонна в Париж. Снял мастерскую на Монмар-

тре. Денег у него нет, порой даже голодает. Верный Элюар не бросал друга в беде, помогал ему деньгами и купил несколько картин — творчество Эрнста по-прежнему не представляет для парижских меценатов и галерейщиков никакого интереса. Гала отказалась от любви к Макс, но Поль по-прежнему его друг. Продолжается и их совместное творчество — они выпускают сборник "Отсутствие тишины", там стихи Поля о любви и иллюстрации Макса — двадцать портретов Гала. Колдунья Гала — героиня и муза этого сборника.

На следующий год Макс Эрнст встретил в художественной галерее двадцатилетнюю блондинку Мари-Берт Оранш. Она — воспитанница монастыря и дочь высокопоставленного юриста. Вспыхивает страстная любовь, и девушка ради любимого покинула семью. Что весьма не понравилось ее отцу господину Ораншу, он вызвал полицию и заявил, что этот немец, этот полубезумный художник совратил его несовершеннолетнюю дочь! Избежать суда Макс удалось только благодаря друзьям — Бретон и Деснос помогли влюбленным бежать на остров Нуармутье. Несколько месяцев потребовалось Мари-Берт, чтобы вырвать у отца разрешение на брак. Свадьба состоялась в 1927 году. Они счастливы, и у Макса прилив вдохновения. На его картинах — вызов всем приличиям, любовь — вот что важнее всего на свете, утверждает художник в своих полотнах "Обрученная с ветром", "Молодежь, презирающая матерей", "Макс Эрнст, демонстрирующий девушке голову своего отца"...

Вернувшись во Францию, Макс придумывает новый метод — метод фроттажа, ставший, по его словам, фундаментальным новшеством изобразительного языка авангардистов. В чем же заключается эта новая техника? Эрнст переводил на бумагу текстуру какой-нибудь рельефной поверхности (куска холста, обоев, листьев и т.д.), и получалось изображение, "не укладывающееся в наш зрительный опыт", напоминающее "нечто виденное, но давно забытое". Сам он в процессе работы над фроттажами доводил себя до галлюцинаций и в случайных линиях видел фантастические пейзажи. Он придумал еще один метод — гроттаж, выскабливание: наносил на холст густой слой краски и потом несколько раз соскабливал его. А еще он брызгал краски на холст — назывался этот метод "дриппинг", или же клал на одну только что законченную картину другую — так получались совершенно неожиданные изображения на обоих полотнах, и на его картинах возникали фантастические пейзажи, невиданные живые существа, насекомые и обитатели морских глубин. В 1926 году галерея Жанны Буше издала "Естественную историю" Макса Эрнста в виде папки с тридцатью четырьмя фроттажами, снабженными забавными подписями. Предисловие, трогательное и остроумное, написал Ханс Арп. Оригиналы были выставлены годом позже в Брюсселе. На сей раз произведения Эрнста вызвали интерес у публики, особенно в литературных кругах, ведь зрителю предлагались не только странные, не похожие ни на что изображения, нет — появилась свобода вообразить что-то свое, стать соавтором этих удивительных картин.

И вот, поддерживаемый своими друзьями-поэтами Элюаром, Десносом и Пере, соревнующимися в смелости комментариев к его полотнам, Эрнст решился на большую выставку — в марте 1926 года он выставляет в галерее Ван Леера тридцать живописных работ и восемьдесят рисунков и фотомонтажей. Вторая выставка, на которой были показаны пятьдесят картин, носила название под стать его картинам: "Его птица, его новые цветы, его летающие леса, его проклятия, его сатана".

Так, постепенно, благодаря и скандалам тоже, стена безвестности и неуспеха разрушалась. Эрнста заметили меценаты, у него появились почитатели, различные

парижские, брюссельские, даже немецкие и американские галереи выставляли его работы. Новая любовь осветила творчество Макса, украсила его полотна лукавством и теплотой, вдохновила на создание цветущих форм, ярких кристаллических образований, летающих существ. Он — созидатель и господин целого мира, он — победитель.

Бедная Мари-Берт и не предполагала, что их страстная любовь с Максом продлится так недолго. Уже в 1933 году у Макса, большого жизнелюба и любителя женщин — небольшая интрижка с Мере Оппенгейм, в 1936 году — с Леонор Фини. А потом он вообще ушел от нее. 1937-1938 годы он жил с Леонорой Каррингтон. Но любовные приключения приносили ему радости и вдохновение только на короткое время, оставляя после себя лишь горечь и усталость, а еще — острое ощущение одиночества.

Между тем мир стоял на пороге новой войны. На родине Макса набирал силу национал-социализм. Уже в 1933 году Эрнст был занесен гитлеровцами в черный список. Художник остро чувствовал надвигающуюся опасность, в его творчестве появляются новые ноты, новые темы — он словно хочет предупредить людей о грядущей беде, о трагедии, которая вот-вот войдет в их жизнь. Он пишет жалкую, съезжившуюся карту Европы ("Европа после дождя"), руины городов ("Весь город"), предательство и коварство ("Нимфа Эхо и Радость жизни").

В 1938 году, не желая принимать участие в ссорах парижских сюрреалистов и чувствуя нарастающую напряженность в мире, Эрнст с Леонорой Каррингтон перебрались в деревушку Сен-Мартен-д'Ардеш и поселились в крестьянском доме, который Макс сам переоборудовал и украсил настенными рельефами. Но в этом уютном доме, поистине его доме, где все, по сути, сделано его руками, Макс не удалось укрыться. Первого сентября 1939 года немецкие войска начали вторжение в Польшу, и уже 3 числа того же месяца Великобритания и Франция объявили войну Германии. Немца Эрнста тут же арестовали и интернировали как представителя враждебной державы. И только ходатайство старого и верного друга Элюара его спасло — Макса выпустили на свободу. В следующем году его снова арестовали, теперь уже немцы. Он бежит, его ищет гестапо. Ему пришлось пережить поистине адские два года. Элеонора была доведена до безумия. Зловещая игра в прятки — он вне закона на своей родине и гоним французами. В 1940 году он оказался в Марселе, где познакомился с Пегги Гугенхайм, миллионершей, дочерью основателя знаменитого нью-йоркского Музея современного искусства. Пегги нравятся его картины, она покупает у него несколько работ, да и сам художник вызывает у нее теплые чувства. В мае 1941 года со множеством холстов он переходит французско-испанскую границу, затем попадает в Лиссабон, где ему пришлось прожить еще два месяца, и наконец отплывает в США, где его уже ждет сын Джимми. Но и там все оказывается не просто — Макса некоторое время держат в лагере перемещенных лиц на печально знаменитом острове Эллис-Айленд. Но его вновь выручают друзья, главным образом влиятельная и богатая Пегги Гугенхайм. Он ей очень симпатичен, этот несчастный и такой талантливый немец. И она выходит за него замуж — миллионерша Пегги может позволить себе даже такие экстравагантные поступки. Однако брак с наследницей миллионов Гугенхаймов распался довольно скоро. И после нескольких месяцев, проведенных в ее роскошном особняке, Макс возвращается к привычной жизни весьма небогатого художника. Удивительно, что и в эти столь тяжелые для него времена, времена преследований, арестов, скитаний, он сумел создать довольно много значительных произведений.

Постепенно его творчество стало известным в США. В 1942 году вышел очередной номер издаваемого Фордом журнала "Вью", и весь он посвящен Макс. Кар-

тины сопровождалась текстами Генри Миллера, Амадео Озонфана и Андре Бретона. А в конце того же года Макс встретился с очередной своей женщиной — художницей Дороти Таннинг, молодой, красивой, умной и образованной, которая принесла некоторое успокоение в его измученную душу. Вместе они провели несколько замечательных месяцев в Аризоне, среди красных гор и индейских поселений. И Макс снова пишет.

Однако его выставки, которые друзья устраивают в Нью-Йорке и Калифорнии, в Беверли-Хиллз, успеха не имели. Америка — не его мир, он чувствовал это все острее и в 1953 году решил вернуться в Париж. Наконец в 1958 году Эрнст получил французское гражданство. Он по-прежнему много работает, использует свои находки — метод фроттажа, создает новые коллажи. Понемногу мир его признает. Его работы с успехом экспонируются в крупнейших городах мира — в Нью-Йорке, Лондоне, в Женеве, Праге и в его родном городе Кельне. В 1954 году его удостоивают Гран-при на Венецианском бьеннале, в 1958 году появляется большая монография, посвященная его творчеству. В 1959 году в Париже проходит торжественное чествование мастера в Национальном музее современного искусства. Вскоре подобные торжества прошли в Нью-Йорке, Лондоне, Кельне и Цюрихе. Его выставки с огромным успехом открылись в Стокгольме и Амстердаме, и снова в Нью-Йорке — Америка его признала как крупнейшего мастера XX века.

В 1971 году по случаю восьмидесятилетия его выставки состоялись в крупнейших городах по обе стороны Атлантики. В 1976 году Макс Эрнст умер. Умер за день до своего восьмидесятипятилетия, в Париже, в городе, который сделал его настоящим художником, который подарил ему любовь, друзей, и, наконец, такой заслуженный успех.

А его картины, наполненные чудовищными, странными видениями, горечью, иронией, скорбными пророчествами, а порой и юмором, продолжают свою жизнь, украшая собрания лучших музеев мира. И, может быть, именно сейчас, в наше сложное время, после страшных взрывов 11 сентября 2001, когда все человечество ищет пути выживания, когда мы все так остро ощутили свою уязвимость и незащищенность, искусство Макса Эрнста, нелогичное, безумное, яркое и чувственное, в котором отразились катаклизмы века ушедшего, поможет решить проблемы века только что начавшегося...

ПИТОМЕЦ ЛАВРЫ СЕРГИЕВОЙ

иллюстрация Геннадия Новожилова

"...его мысль не лишена была смелости, но он не считал смелость доблестью мысли. Истину он не любил открывать вдруг, чтобы ее неожиданное появление не смутило ума или не внушило ему надменной уверенности, что пытливому уму легко найти ее". /В.О. Ключевский/

Колокольный перезвон окутал Троице-Сергиеву лавру 9 июня этого года. Крестный ход, пение молитв — это честные мощи святителя Филарета покидали обитель Преподобного Сергия Радонежского. Здесь он учился, здесь принял постриг, здесь взошла его звезда, здесь он и упокоился.

Митрополита московского и коломенского Филарета современники называли "митрополитом Всероссийским", "теплым молитвенником", "природным Патриархом" русской Церкви, "московским Златоустом", "Филаретом Мудрым", "учителем русской Церкви" и "великим мужем Христовой Церкви". Влияние на духовную жизнь нашего Отечества, на государственные дела было столь велико и авторитет у россиян столь высок, что время деятельности "питомца лавры Сергиевой" по праву называют филаретовской эпохой.

В 1994 году на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов) был причислен к лику святых.

Будущий святой появился на свет в маленьком благочестивом городке, богатом своим политическим и церковным прошлым. В XVIII столетии древняя Коломна была еще епархиальной. Среди двух десятков святынь и церквей Воскресения, в которой венчался великий князь московский Димитрий Донской с суздальской княжной Евдокией. У стен коломенского Кремля не единожды собиралась рать, отсюда она уходила навстречу татарским полчищам.

26 декабря 1782 года в семье коломенского священника Михаила Дроздова родился сын Василий. До девяти лет воспитанием ребенка занимались родители, авторитет которых был непререкаем. Как образованный человек Михаил Федорович Дроздов имел обширную библиотеку и рано прирастил сына к чтению. Незаурядным умом отличалась и его жена — Евдокия Никитична. Она дожила до глубокой старости (умерла в 1853 году) и всегда имела огромное влияние на сына. Василий глубоко и нежно любил свою мать. Немалую лепту в воспитание мальчика внес и дед с материнской стороны — коломенский священник Никита Афанасьевич, у которого Василий часто и подолгу жил.

Проучившись 9 лет в Коломенской духовной семинарии, Дроздов завершил свое образование в Троице-Сергиевой лавре. Уровень преподавания там был гораздо выше и не уступал духовным академиям, поэтому из провинциальных семинарий учащихся зачисляли классом ниже. Но Михаил Федорович, уверенный в знаниях своего сына, настоял на экзаменах. "Сделали мне экзамен, спрашивали из логики дефиниции. Я дал ответ. Вечером пришел вместе с отцом к ректору Августину, который тут же в своих покоях заставил написать диссертацию на вопрос: *an dantur ideae innatae*. На это ничего не мог бы я отвечать по урокам своего прежнего наставника, но по своей любознательности, роюсь в книгах своего отца, читал я учебник по философии Винклера. Там я получил об этом вопросе немного понятия. И моими ответами были довольны. Меня приняли в философский класс".

В Троицкой семинарии Дроздов проучился до 1803 года. "Отлично остр, прилежен и успешен" — так характеризовал его ректор архимандрита Евграфа. Он же писал его отцу: "Вы подлинно имеете драгоценный залог и свидетельство Божияго к вам благоволения в талантах, а паче в честном поведении сына вашего".

Незадолго до окончания семинарии в Троице-Сергиеву лавру приехали коломенские граждане, которые просили его согласиться стать священником Вознесенской приходской церкви. Но Дроздов отказался от этой чести.

— Я еще думаю учиться.

Выпускные экзамены принимал сам митрополит Платон, он оставил в семинарии Василия, назначив учителем греческого и еврейского языков. Первая же проповедь Дроздова, которую он произнес в Троицком соборе в день освобождения Сергиевой лавры от поляков, вызвала восторг. "А у меня появился отличнейший проповедник, учитель Дроздов, — пишет епископу Дмитровскому Августину Платон. — Я сообщу его проповедь, и удивитесь".

Платон назначает Дроздова проповедником и поручает ему преподавать в высшем классе — "пиитическом". Под руководством требовательного наставника Василий стремительно растет и вскоре становится учителем высшего красноречия и риторики. "Я пишу по-человечески, — говаривал митрополит, — а он пишет по-ангельски".

Путь к глубоко философскому взгляду на жизнь был тернист. В юношеские годы Василий немало размышлял о несовершенстве человеческого рода. В год поступления в лаврскую семинарию Дроздов писал Михаилу Федоровичу: "Иногда один с моею скукою, ходя по обнаженному саду, погружаюсь я в мрачную задумчивость и на всяком предмете, на который устремляется мысль моя, кажется, читаю слово мудрого: *vanitas vanitatum*". Незадолго до окончания курса в семинарии Василий делится с отцом: "Я получил Ваше трогательное письмо. Чувствую цену доверенности, с которою Вы ближе показываете мне свое положение и позволяете участвовать в своих мыслях. Они подаю мне случай внимательнее размыслить о свете. Я представляю, что и я некогда должен вступить на сию сомнительную сцену, на которую теперь смотрю со стороны, где нередко невежество и предвзвездок рукоплещет, освистывает злоба и зависть... И мне идти по сему пути, где мечут под ноги то камни, то золото, о которые равно удобно претывается неопытность или неосмотрительность... Я молю Бога, чтобы далее и доле хранил Вас для меня, дабы, при руководстве Ваших советов и Вашей опытности, легче мог я сыскать свою".

Путь будущего святителя помог выбрать наставник. Под влиянием митрополита Платона Дроздов решил не возвращаться в "свет", и в июле 1808 года он подал прошение о пострижении в монашество. "Не знаю точно, понравится ли вам новость, которую скажу теперь: впрочем, если в Ваших письмах говорит Ваше сердце, надеюсь, что я не оскорбил Вас и не поступил против Вашего соизволения, сделав один важный шаг по своей воле; по довольному, смею сказать, размышлению. Батюшка! Василья скоро не будет, но Вы не лишитесь сына, который понимает, что Вам обязан более, нежели жизнью, чувствует важность воспитания и знает цену Вашего сердца. Простите мне; я не думал осмелиться хвалить Вас, и не знаю, как это вырвалось..."

16 ноября "Василья" не стало, но появился в России инок Филарет, нареченный в честь праведного Филарета Милостивого. Отныне начинается стремительный взлет молодого священнослужителя, имя которого хорошо будет известно Европе и к которому устремится вся Россия. Пройдет всего три месяца, и Филарета по приказу Св. Синода переведут в Петербург. Это очень расстроило Платона, у которого были свои виды на ученика. Митрополит горько жаловался викарию

¹ Света свет.

Августину, что у него "берут", "отнимают" Филарета. Писал Платон петербургскому митрополиту Амвросию: "...прошу Филарета отпустить ко мне; я крайнюю имею нужду в ректоре".хлопоты старца напрасны — в России началось коренное преобразование духовно-учебных заведений, и даровитый священник нужен в столице. Филарет стал ректором духовного училища при Александро-Невской Лавре. Но административные и хозяйственные заботы не удовлетворяют его. Не греет душу и преподавание философии. "Вы знаете, думаю, что я люблю богословию, ибо нахожу в ней утешение: но теперь должен заниматься холодною философиею", — писал он отцу 14 февраля 1809 года.

Такое положение длилось недолго: через год Филарет становится бакалавром богословских наук в Санкт-Петербургской духовной академии. Здесь-то и развернулись его необычайные разносторонние дарования. О преподавательском таланте писал один из учеников будущего святителя: "Филарет был...росту среднего, смугл видом, власы средние темнорусые, браду долгую имел, лицом всегда светел, весел быть казался, у него были глаза острые, пронизательные, вид постен, строг и приятен; поступь у него была нескорая, важная. Голос тих, тонок, но ясен; речь внятная, говорил остро, высоко, премудро, но все более к уму, менее же к сердцу. Свободно делал изъяснение священных писаний: как бы все лилось из уст его. Привлекал учеников так к слушанию себя, что когда часы кончались ему преподавать, всегда оставалось великое усердие слушать его еще более без ястия и пития. Оставлял он сильные впечатления от учений своих — всем казалось истинно, приятно, совершенно его учение... Оратор мудрый, красноречивый, писатель искусный. Все доказывало, что он много в науках занимался... Сила, красота, достоинство и слава Духовной Академии был один Филарет".

Но особую популярность Филарет завоевал своими проповедями. Ни одно мало-мальски крупное событие в Петербурге не проходило без его "Слова". Поучения-теплого молитвенника, звучавшие с церковной кафедры, завораживали, заставляли над многим задуматься и многое переосмыслить. Иван Сергеевич Аксаков отмечал, что проповеди Филарета — неподражаемое художественное важное слово, глубоко проникавшее в тайны Богопознания. 8 июля 1811 года "за отличие в проповедывании слова Божия" Филарет был возведен в сан архимандрита.

11 марта 1812 года Филарет стал ректором Санкт-Петербургской Духовной академии и профессором богословских наук. Он учредил образцовые порядки, переработал академический устав. Архимандрит читает лекции, пишет труды, произносит проповеди, присутствует в духовной консистории и принимает участие в реформировании семинарий, уездных и приходских училищ. Позже, вспоминая об этом периоде своей жизни, Филарет признается, что никогда так много не работал и считал себя свободным от занятий, когда у него "за раз было только одно дело на руках, а не три или пять". Семь лет он оставался в должности ректора. Но где бы ни преподавал питомец лавры Сергиевой, он поднимал образование на высокий уровень.

Архимандрит Филарет стал первым действительным доктором богословия в России. Он удостоился докторской степени на основании "светлейших доказательств учености, священной и церковной, представленных в академических чтениях, в церковных речах, а особенно в классических сочинениях, и увенчанных искренним осуществлением на деле христианского учения".

1821 год стал не только новым этапом в жизни Филарета, но с этого периода начинается "золотой век" Московской епархии, которой он управлял почти

полвека. Не зря современники назвали митрополита Московского "природным Патриархом" русской Церкви — в Синоде без его присутствия не решали ни одно важное дело. Деятельность этого выдающегося деятеля пришлась на один из самых трудных периодов в истории Русской Церкви, во времена распространения мистических обществ и входившего в моду атеизма. Мудрый Филарет, теплый молитвенник, стал столпом Православия. На этом поприще святитель совершил поистине великий подвиг — с 1816 года он деятельно работал над переводом на русский язык книг Священного Писания. Это деяние стоило не только колоссального труда, но и больших духовных сил в борьбе за осуществление его.

Мне, например, как современному светскому человеку непостижима логика иерархов, упорно противившихся переводу Библии на понятный каждому русскому человеку язык. Однако это факт.

Попытка перевести Священное Писание на живой разговорный язык народа была предпринята Петром Великим, который поручил это дело известному пастору Эрнсту Глюку. Богослов, филолог и проповедник, хлопотавший перед шведским королем Карлом XI об учреждении в Лифляндии русских школ, при помощи русского монаха Пичуговского монастыря перевел на русский язык славянскую Библию, которая погибла в 1702 году при взятии Мариенбурга. По просьбе русского царя он сделал перевод Нового Завета, но в 1705 году скончался, и судьба его переводов неизвестна.

В Европе уже в конце XVIII века стали переводить Библию на современные языки, особенно серьезно этим занимались протестанты. Возникли Библейские общества, которые переводили и широко распространяли Священное Писание. Такое же создано было и у нас по инициативе князя Голицына. Подготовленный им проект император Александр I утвердил 6 декабря 1812 года. Российское Библейское Общество занималось изданием и распространением Библии, в том числе и среди тех, кто нуждался в ней, но не мог ее приобрести, бесплатно раздавали немущим, пересылали в тюрьмы и на каторгу. Священное Писание перевели на 14 языков. Жившие в Российской империи финны, немцы, армяне, калмыки, поляки, французы, латыши, грузины, литовцы, татары... могли его читать на понятном им языке, но только не русские.

Оказывается, наш с вами великий и могучий язык недостаточно выразителен для Священного Писания! Переломить сопротивление духовенства было сложно, и на начальном этапе без вмешательства царя не обошлось. В 1815 году Общество преподнесло ему экземпляры, напечатанные на разных языках. Тогда-то Александр и выразил желание "доставить и россиянам способ читать слово Божие на природном своем российском языке..." Указания были даны Синоду в феврале 1816 года, а тот, в свою очередь, не одобрил перевод на русский язык и его издание, а поручил это дело ректору Петербургской Духовной Академии Филарету.

Будущий святитель и его ученики рьяно взялись за святое дело. Евангелие от Матфея перевел Павский, от Марка — архимандрит Поликарп, от Луки — архимандрит Моисей и от Иоанна — сам Филарет. Уже через два года Четвероевангелие напечатали. Кроме того, к печати были подготовлены и Деяния Апостольские. Первейшей задачей стал полный перевод на современный русский язык всей Библии. Филарет написал целую программу принципа перевода — он непременно должен учитывать возможные разночтения оригинала, поверяя их с наиболее адекватным греческим, еврейским, латинским или церковно-славянским вариантами данного текста именно в интересах соблюдения подлинности смысла и точ-

ности православных догматов. Сам он основывал свой подход к переводу на двух непреложных истинах самого Писания: "Не мудрствуйте паче, еже подобает мудрствовать" и "испытайте писаний, яко вы мните в них имети живот вечный".

Интерес к русскому переводу Евангелия был настолько велик, что весь тираж разошелся в мгновение ока. Но эта жажда народа не была утолена, поскольку изменилась политика, и с падением князя Голицына, Библейское общество было закрыто. В опалу попал и Филарет — самый ревностный поборник перевода Библии на русский язык.

Не могли некоторые иерархи примириться с тем, что Библию будут читать повсеместно — слушайте слово Божие в храмах, причем на не понятном большинству россиян языке. Перевод Священного Писания приостановили, уже переведенные и отпечатанные первые восемь книг Библии в продажу не пустили, а отдельные издания Пятикнижия Моисеева были сожжены; прекратили и продажу Нового Завета на русском языке.

Так "духовные пастыри" попытались остановить столь важное дело, и оно заглохло на долгие тридцать лет. Но святитель был истинным христианином, он умел терпеливо ждать. Тем временем его ученики — протоиерей Павский и архимандрит Макарий — продолжали перевод Ветхого Завета с еврейского подлинника на русский язык.

Время святителя и его сподвижников пришло с воцарением Александра II. На коронацию нового государя в 1856 году собрались в Москву все высшие иерархи русской церкви, все члены Св. Синода. Этим воспользовался митрополит Филарет, чье красноречие расположило многих в пользу заветного его дела. Благодаря энергии "всероссийского патриарха" 20 марта 1858 года состоялось определение Св. Синода, высочайше утвержденное 5 мая того же года, о том, что "перевод на русский язык сначала книг Нового Завета, а потом постепенно и других частей Священного Писания необходим и полезен..."

Занялись переводом все четыре наши духовные академии (Петербургская, Московская, Киевская и Казанская), а прочитывал и делал правки Филарет, несмотря на весьма преклонный возраст. Когда в 1860 году первые плоды напряженного коллективного труда — Четвероевангелие — было выпущено, Филарету Мудрому исполнилось 78 лет. Титанический труд продолжался, но, к сожалению, вся Библия (вместе с неканоническими книгами) вышла в свет на русском языке лишь в 1876 году, уже после кончины святителя. Она стала бессмертным памятником поистине святого труда почти всей жизни святителя. Отныне слово Божие мог читать каждый. Перевод возбудил новый интерес к Священному Писанию, а это, в свою очередь, вызвало оживление духовной литературы и духа миссионерства.

Кроме того, митрополит Московский и Коломенский продолжал духовно просвещать россиян и своим живым словом. Достаточно вспомнить, что он за сто дней объехал всю Тверскую епархию, причем проповедовал в каждой церкви.

Возглавляя московскую патриархию в течение сорока шести лет, Филарет совершенно перевоспитал и изменил духовенство Первопрестольной. Святитель поднял на значительную высоту духовные учебные заведения своей епархии и подготовил целые поколения ревностного православного духовенства.

Но Филарет был не только "великим мужем Христовой Церкви", но и мужем государственным. Именно он составил манифест 19 февраля 1861 года об освобождении крестьян.

В связи с его именем необходимо вспомнить еще один важный эпизод в истории нашего Отечества — изгнание наполеоновских войск, которое стало возможным, как вещал Филарет, только благодаря высокой духовности русского народа.

25 декабря 1812 года император Александр I издал указ о построении храма Христа Спасителя. Этим император хотел воздать благодарность Богу Промыслителю, спасшему Россию от нашествия французских полчищ и увековечить в памяти потомства тяжкую годину Отечественной войны.

Строительство же Храма осуществил Николай Павлович, который пожелал, чтобы живопись его напоминала "о всех милостях Господних, ниспосланных по молитвам праведников на русское царство в течение девяти веков". Расписывали храм лучшие художники, и он стал поистине художественным музеем России.

Торжественная церемония закладки храма Христа Спасителя состоялась 10 сентября 1839 года в присутствии императора Николая I, а возглавил ее митрополит Московский и Коломенский Святитель Филарет.

Многогранная деятельность выдающегося церковного служителя и Гражданина была оценена светскими и духовными властями. Его неоднократно награждали, в том числе и орденами, среди которых орден Св. апостола Андрея Первозванного — "за ревностное и многодеятельное служение в архипастырском сане". Ему был пожалован бриллиантовый крест для ношения на клобуке.

Высочайшие благодарности сыпались на Филарета за составление Краткой Священной истории и пространного катехизиса, за наставления для воинов, за особенное, постоянное попечение о благоустройстве Московской духовной академии, за непрерывные заботы о духовном просвещении паствы, за щедрую поддержку благотворительных и воспитательных учреждений.

Во время Восточной войны митрополит Филарет поддерживал государство не только молитвами, но и финансами. 10 января 1854 года ему была объявлена высочайшая благодарность и благодарность Св. Синода за приношение от Св.-Троицкой лавры и от Чудова монастыря 50.000 рублей на воинов. 18 марта 1855 года получил благодарность от императора за пожертвованные 110.600 рублей на военные надобности от Московской епархии. 31 октября 1862 года Филарета благодарит императрица за пожертвованные 10.100 рублей от духовенства Московской епархии в пользу пострадавших от пожара жителей Санкт-Петербурга.

Но митрополит жертвовал не только деньги своей епархии, он отдавал людям все, что получал в награду. Нося имя праведного Филарета Милостивого, он подражал этому святому в делах милосердия. Нескончаемым потоком текла бедным его милостыня. Денег после него не осталось.

За все деяния учителю Русской Православной Церкви предоставили право "предношения креста в священнослужении", ношение креста на митре и двух пангий на персях. При этом ему пожаловали украшенную драгоценными камнями панагию на бриллиантовой цепочке, а в вознаграждение заслуг собственно государственных пожалованы портреты императора и двух его предшественников.

Святитель Филарет, проживший долгую жизнь, оказал очень сильное влияние на все русское общество. Воплощая в себе образ "пастыря доброго", он объединял всех любовью, верой, состраданием и человеколюбием. Православный народ чтит святителя Филарета, как теплого молитвенника. Люди, приходившие к нему, получали исцеления после его молитв. Исцеления продолжались и по кончине его, у его мощей.

Сборники его проповедей много раз переиздавались и сразу же раскупались. Труды первого российского доктора Богословия были переведены на французский и немецкий языки и пользовались популярностью в Европе.

По жизни своей он был истинный монах, строгий подвижник. Никто не знал, когда он отдыхал. Келейник, уходя от него поздно вечером и приходя ранним утром, одинаково заставлял его за занятиями.

Существует немало свидетельств пророчества мудрого Филарета. В письмах Оптинского старца Амвросия есть такие строки: "Запомнил я слова митрополита Филарета, который не советовал делать ризы на иконы, потому что приближается время, когда неблагонамеренные люди будут снимать ризы с икон".

Предвидя грядущую катастрофу, этот человек, тем не менее, всегда верил в торжество добра и наказание зла. Филарет наставлял своего брата в письме: "Берегись, сколько можно, знакомства и сообщения с людьми, коих нравы сомнительны. Когда видишь худой пример, не соблазняйся мыслию, что люди не наказанно делают зло; зло, не наказанное вскоре, готовит большую беду тому, кто сделал оное. Старайся исполнять свое дело тщательно и верно, сколько можешь; а затем меру успеха и благосостояние свое поручай Богу, прибегая ко Нему часто тайною сердечною молитвою; а Он сохранит тебя... Писано мне о книгах тебе потребных. Но учение... не многими книгами, а размышление о читанном и слышанном. Теперь можешь читать философские сочинения Цицерона, что и для знания и для языка полезно".

Как и многим святым, Филарету дано было знать точную дату своей смерти. За несколько месяцев до кончины святитель увидел во сне своего отца, который сказал ему: "Береги 19 число". Старец, несмотря на немощь, служил Литургию и 19 сентября, и 19 октября. Настал последний день его жизни — третье по счету "19 число". 19 ноября 1867 года великий муж Христовой Церкви с особым чувством совершил Божественную литургию и, вернувшись домой, отошел к Господу. Святитель был погребен в дорогой его сердцу святой обители великого подвижника земли русской — преподобного Сергия Радонежского, следуя его примеру, он объединял свой народ, духовно очищал его и дал каждому Свет — Библию.

Потому-то наставник наследника российского престола так настаивал, чтобы будущий император непременно присутствовал при погребении Московского митрополита. "... Ради Бога, если есть какая-нибудь возможность, приезжайте в Москву на похороны митрополита Филарета... Нынешняя минута очень важна для России, для народа. Весь народ считает погребение Филарета делом всенародным: он жаждет и ждет приезда в Москву Государя. Его Величеству нельзя приехать — народ будет спрашивать: отчего? Лучшим ответом на этот вопрос, лучшим удовольствием народных желаний было бы присутствие Вашего Высочества. Оно засвидетельствовало бы пред всеми полноту участия, принимаемого царским семейством в народной и государственной утрате, и заставило бы сердце народное заботиться еще сильнее любовью к Государю и к Вам. Я думаю, все верные слуги государевы думают, что в такие исторические минуты, если народ жаждет видеть посреди себя самого Государя, и Государь приехать не может, — вы нераздельны. Ради Бога, Ваше Высочество, не поставьте мне в вину эти слова, внушенные сердцем, горячо преданным Государю, Вам и России, русским сердцем, и приезжайте, если можете. Вашего Императорского Высочества верноподданный Константин Победоносец. 24 ноября, 7 часов утра".

10 июня 2004 года мощи святителя торжественно доставили в Первопрестольную, отныне они — главная святыня восстановленного храма Христа Спасителя, который в 1839 году при закладке освятил Филарет.

Подобно изображению Спасителя, сидящего в белом хитоне с раскрытой книгой, в которой написано: "Аз есмь свет миру", святитель Филарет был светом россиян, всего православного люда.

САНДРИЛЬОНА

Глава шестая. Крушение основ

После успешно сданной зимней сессии умная вечерница Азлита, вняв увещеваниям "дяди" и "тети", перевелась на дневное отделение.

Главную роль в этом переходе сыграл аргумент Нины Филипповны, что деньги, получаемые на почте за месяц, Азлита может заработать шитьем. Понятно, что она не горит желанием становиться швеей-надомницей, так и не надо. Но ведь и для того, чтобы работать "почтаркой", совершенно не обязательно уезжать из Городищ. Слово "почтарка", похоже, подействовало.

Вопреки ожиданиям Антона, его внезапное сообщение о том, что он намерен с фиктивной своей кузиной сочетаться вполне законным браком и жить в любви и согласии, особого шока у родителей не вызвало. Наоборот, было принято более чем благосклонно.

Причин было несколько. Во-первых, бракосочетание предполагалось не завтра, а лишь после того, как Антон отбудет полугодовую обязательную военную подготовку в качестве офицера-переводчика при Генштабе. Разумеется, не в захолустном гарнизоне, а в стране под названием Иран.

Нина Филипповна сообщение восприняла более чем спокойно и даже с некоторым облегчением: на работу за границу сынок поедет с надежной спутницей. Вопрос к сыну был только один:

— А как на твою женитьбу посмотрят бабушка с дедушкой? Тебе ведь известно, как они относятся...

Антон прервал ее на полуслове и заявил, что бабку с дедом-генералом берет на себя: поворчат и перестанут. Должны же они понять, что речь идет о счастье единственного внука!

— А Азлита согласна с таким сценарием? — для проформы поинтересовался присутствующий тут же Игорь Александрович. — Или ты намерен ее просто поставить перед фактом? Это было бы очень в твоем стиле, сын. Не взыщи за прямоту, я по-отцовски, любя.

— Ну, па, ты даешь! Хочу видеть Азлиту, которая делает что-то по принуждению. Спорим, ты бы тоже этого хотел?

Спорить Игорь Александрович, естественно, не стал. На возникшее позже у Нины Филипповны подозрение в том, что женитьба сыночка может оказаться некоторым образом вынужденной, привел разумные контрдоводы, к тому же, возможно, фантазия сыночка дала очередной бурный всплеск, и он просто выдал желаемое за действительное. Вот так.

ИЗ ГОРОДИЩ

Игорь Александрович, будучи инженером человеческих душ, почти угадал истину. Устав намекать на пылкие чувства, желание провести вечер "вдвоем, по-человечески", взывать под запертой дверью к девичьей жалостливости и прочей романтической чепухе, Антон в конце концов спросил, что называется, в лоб:

— А замуж за меня пойдешь?

Тут, по его понятиям, кузина должна была пасть к нему на грудь и разразиться счастливыми слезами. Или хотя бы сказать: "Да, замуж — выйду", и перейти к практической части ритуала. То есть хотя бы к первому поцелую.

Но он и тут ошибся, поскольку ответ был таков:

— Выйду замуж за того, кого полюблю.

— А меня сможешь?

— Любовь зла... — усмехнулась девушка.

— Но ты выйдешь за меня, если полюбишь?

— Если полюблю — выйду.

— Клянешься?

Азлита в ответ загадочно улыбнулась, и Антон постарался достойно ретироваться. И... предупредить родителей о том, что невеста уже имеется. Он надеялся, что предупрежденные родители невесту поберегут. Полгодика. А там видно будет. С тем и отбыл за рубежи Отечества.

А Азлита как жила, так и продолжала жить. Училась, шила, играла с Игорем Александровичем в компьютерные игры, помогала Нине Филипповне принимать гостей. Сдала экзамены, перешла на второй курс. И все хорошело...

— Гоша, — спросила как-то Нина Филипповна мужа, — сдается мне, что Аля все-таки не вполне нормальна. Ей скоро двадцать, а она еще ни на одно свидание не ходила.

— Откуда ты знаешь? Не обязательно же вечерами встречаться. Переспать можно и днем, — легкомысленно отреагировал супруг.

— Тебе лучше знать, — отпарировала его жена. — Нет, она вообще какая-то холодная. Женское начало в ней, по-моему, крепко спит.

— Как я ему завидую, — вздохнул муж.

— Кому?

— Алиному женскому началу. Оно крепко спит, а ты мне даже слегка уснуть не даешь. Ниночка, не бери в голову. Темпераменты бывают разные...

— Опять тебе виднее, — повторилась супруга, но дискуссию о женских темпераментах благоразумно прекратила. Неизвестно, что может ляпнуть мужик в полусне, потом обоим будет неловко.

Так или иначе, семейных проблем, требовавших немедленного разрешения, не существовало. А посему Нина Филипповна со спокойной душой отправилась на отдых к излюбленному россиянами Черному морю.

А Игорь Александрович великодушно от своего законного вояжа на отдых отказался. Сказал, что поживет на даче у родителей.

— Вот придется через полгода свадьбу играть, а у нас денег — шиш. Как ты будешь смотреть в глаза своим приятельницам? На маму у меня надежда слабая, она еще долго дуться будет.

Практичность мужа приятно поразила Нину Филипповну, и возражала она уже больше для проформы:

— Но не можешь же ты все лето просидеть в Москве!

— А я и не собираюсь. Сказал же: поеду к родителям, устрою себе клубнично-малиновый месяц. Заодно и стариков развлеку.

На том и порешили.

Нина Филипповна отбыла в Болгарию, а ее супруг, соблюдая данное обещание, отъехал в "поместье", как неофициально называлась генеральская дача в историческом подмосковном месте Архангельское, — на клубнику, малину и прочие парниковые огурцы. Дышать деревенским воздухом, словом. Но выдержав ровно неделю, Игорь Александрович под предлогом "предельно важной деловой встречи" сбежал в город.

В квартире было чисто, тихо и пусто. Позвав Азлиту и не получив ответа, Игорь Александрович решил ополоснуться с дороги. Разоблачился в спальне и отправился в ванную. Открыв дверь, он окаменел и онемел: лицом к нему, держа в руках мочалку, стояла обнаженная Азлита.

Нужно отдать должное Игорю Александровичу: если бы нагая девица ойкнула хотя бы, если бы стала делать судорожные движения, пытаясь полотенцем, халатиком или просто руками прикрыться, все бы обошлось. Ретировался бы в свою комнату, а погода и извинился бы за неловкость. Но она стояла совершенно неподвижно, молча и в упор глядя на Игоря Александровича...

Поставьте себя на его место. "Бес попутал" — самое подходящее определение. И настолько Игорь Александрович себя не помнил, что самое, пожалуй, страшное для себя обнаружил уже, как говорится, задним числом. В супружеской постели рядом с ним оказалась девственница, чего в нашей нынешней жизни решительно не бывает, а если и случается, то только в сентиментальных любовных романах.

Игорь Александрович ожидал слез, упреков, заламывания рук — словом, всего, что уместно в таком случае. Не дождался. Азлита лежала рядом с ним ничуть не более взволнованная, чем обычно. Только глаза были закрыты.

— Аля, — жалобно протянул Игорь Александрович. — Аля, прости меня. Ну почему ты не сказала? Я бы никогда, ни за что... Девочка, прости меня...

— Простить? — От удара ее распахнувшихся зеленых глаз он даже вздрогнул. — За что?

— Ну, как за что... За... Ну...

— Мне вас прощать не за что. Вы ведь меня любите?

— Конечно! То есть, я хотел сказать... Разумеется... Господи, а как же Антон?

— А при чем тут он? Я-то не его люблю. И замуж за него не собираюсь.

— Но он говорил...

— Я ему сказала, что выйду замуж за того, кого полюблю. Он почему-то решил, что это о нем. А я люблю вас. Вот за вас замуж и вышла.

— То есть как? Я женат.

— Ну и что? Любите-то вы меня. И сейчас — со мной. А если захотите, со мной и останетесь.

— Но...

— А если не захотите, уйду. Не волнуйтесь, навязываться не буду. Год ждала — еще подожду, я терпеливая. — Аэлита, не торопясь, встала, потянулась так, что у Игоря Александровича снова все перед глазами поплыло и в висках застучало. — И тихо добавила: — Все будет так, как вы решите. Нужна вам — буду у себя в комнате. До завтрашнего утра. Не нужна — уйду. А за то, что было, спасибо. — И исчезла.

На рассвете Игорь Александрович тихонько приоткрыл дверь в ее комнату. Девушка сидела на кушетке, поджав под себя ноги и глядя куда-то в стену. Он сделал шаг и, встретив уже знакомый взгляд, сделал еще два шага вперед. Всего лишь.

Комната-то была совсем крохотная...

Глава седьмая. Вре́мя выбирать

Сказать, что Игорь Александрович недолго выбирал между любовью и долгом, значило бы погрешить против истины. Во-первых, потому, что любовь нагрянула более чем внезапно, если, конечно, считать любовью проведенные — не без приятности! — часы в постели. И, во-вторых, выбирать отнюдь не было любимым занятием мэтра. Обычно выбор за него делали другие, чаще всего — жена. А он мог принять или отказаться.

Если предположить, что Игорь Александрович вообще ни о чем не думал, значило бы погрешить против истины. Думать-то он, конечно, думал, но вовсе не о том, что теперь должен жениться, как честный человек. А о том, поиграть ли еще немного в эту, прямо скажем, азартную и затягивающую игру под названием "внезапная страсть", или — ну ее совсем!

Второй вариант был весьма разумен, но тогда нужно решать, что же делать с Аэлитой дальше, ибо совершенно неизвестно, что сотворит с собой "соблазненная и покинутая" юная девица, а взять такой грех на душу... увольте! Первый же вариант был хорош еще и тем, что позволял оттянуть время выбора и поступка, а там, не исключено, все само собой решится, устаканится, рассосется... Или, наконец, приедет Нина Филипповна. А пока — пока можно позволить себе юную любовницу, не слишком, к тому же, дорогостоящую. Увы, увы и еще раз увы, но Игорь Александрович во многих отношениях был очень далек от идеала, как и большинство мужчин, впрочем, и последующие две недели был просто счастлив, обретая, простите за банальность, вторую молодость.

Первый весьма болезненный щелчок Игорь Александрович ощутил тогда, когда на один день оторвался от Аэлиты и отправился к своим родителям, чтобы объяснить, какие такие неотложные и предельно важные дела удерживают его в городе и не дают отдохнуть по-человечески. Ехать, естественно, не хотелось, но увильнуть от визита возможности больше не было: мама начинала сердиться, а до крайностей допускать не следовало. Поэтому и поехал.

То ли жара тому причиной, то ли взаимное раздражение, но разговор "отцов и детей", вернее сыночка с мамочкой, как не заладилась с первого казенно-прохладного поцелуя, так дальше и шел через пень-колоду. Тем более что мать интуитивно почувствовала: женщина!

— Гоша, ты можешь морочить голову кому угодно, даже Нине, но со мной этот номер не пройдет. Какая "доработка сценария", какая "озвучка ролика",

какие "переговоры с партнерами"?! Сезон отпусков, все поразъезжались, а вокруг тебя кипит деловая жизнь? Не смей меня, умоляю!

— Мамуля, ты живешь представлениями эпохи застоя, — с нарастающим раздражением отбивался сыночек. — Сейчас деловая жизнь, как ты выражаешься, не замирает ни на минуту. Нет такого понятия "сезон отпусков", ну нету, понимаешь! А я — человек гонорарный, и твое желание видеть меня привязанным к колышку около куста малины в саду может мне дорого стоить — в прямом и переносном смысле. И вообще, я не маленький мальчик, кажется, могу поступать по своему усмотрению...

— Если бы по своему! Уверена, что в данном случае ты как раз поступаешь по чьему-то еще усмотрению. Все-таки у Нины — ангельское терпение! Я бы такого... мужа, как ты, действительно держала на привязи.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего особенного, кроме того, что ты опять спутался с какой-то юбкой...

— Мамуля, — вооружась терпением, попытался "покачать права" Игорь Александрович, — не все мужчины похожи на твоего мужа и моего отца. Некоторые, представь себе, увлекаются иногда другими женщинами. И на их семейной жизни это никак не отражается.

— Ты несешь чушь! То есть, конечно, не в том, что касается твоего отца: он действительно святой человек, жаль, что ты не унаследовал от него некоторые черты характера.

— Да, упрямство — это от тебя, родная. Но я не в претензии, виртуозное владение словом — это тоже твое наследие. Папа у нас молчун.

Последнее было абсолютной истиной. Папа-генерал в эту перепалку вступать не собирался, но скандал набирал обороты, а этого генерал не любил и на каком-то этапе все-таки счел необходимым вмешаться.

— Да будет тебе, мать. У тебя только одно на уме. А может, просто решил с друзьями пообщаться, в преферанс перекинуться, на рыбалку съездить. Большой грех — взрослый мужик отказался со стариками-родителями на даче сидеть! Да меня бы кто попробовал заставить...

— А тебя и заставлять не надо было! Тебя от дома всю жизнь только вместе с половицами отодрать можно! А этот...

— А я, мамуля, между прочим, из своего дома тоже никуда не рвусь. Каждую ночь там ночую — можешь проверить. Пора бы тебе знать, что для меня дом важнее юбкой, как ты изволишь выражаться, юбки. И отец прав — эка невидаль, взрослый мужик в кои веки раз решил пожить в свое удовольствие. Интересно, что бы ты запела, если бы я поступил, как сейчас принято: взял бы да и женился на молоденькой?

Вопрос вырвался у Игоря Александровича исключительно в приступе раздражения. Но вырвался — и обратно его уже не вернуть. Хотя в какой-то степени, возможно, подсознательно, мэтр и забросил этакий "пробный шар", на всякий, как говорится, случай. Хотя жениться в данный конкретный момент ни на ком, в том числе и на Аэлите, не собирался.

Реакция мамы на возможный экстравагантный поступок испугала Игоря Александровича не на шутку. Хотя бы потому, что отреагировала мадам генеральша лишь на предположение. Неожиданно даже для собственного супруга, она превратилась в разъяренную тигрицу.

— Ты с ума сошел?! — орала она, даже не заботясь о том, что соседи могут услышать. — Тебе шестой десяток, вся голова седая, о внуках пора думать, а у тебя вон что на уме! Если какая-то девка собирается тебя окрутить, то имей в виду, она просто зарится на твою квартиру, деньги и все остальное...

— Что — остальное?

— Да уж, конечно, не на твои стать и красоту! Просто рассуждает: нашелся старый дурак, который будет прыгать вокруг на задних лапках и исполнять все прихоти. Если уж ты так любишь молоденьких — найми себе секретаршу. Только с медицинским образованием, потому что через год тебе понадобится сиделка. И не говори мне о любви, это просто смешно в твоём возрасте!

— Здравьете! — не на шутку оскорбился мэтр. — А когда ты в твоём возрасте твердишь о вашей с отцом любви — это нормально, да? Вы не сумасшедшие?

— Нашей с отцом любви, слава Богу, шестой десяток, как и тебе. И я вышла замуж по любви не за сценариста с почти мировым именем и неплохими заработками, а за нищего младшего лейтенанта. И полстраны за ним вслед объехала, в таких халупах жили — тебе во сне не приснится. Это — любовь. И то до свадьбы я к нему в постель не лезла. А современные девицы, которые женатому человеку в жены набиваются, — это ведь уму непостижимо! Дурь, блажь и распущенность!

— Мама, мама, уймись! Никто ни на ком не собирается жениться, и вообще ты абсолютно права. Но дай же мне хоть иногда свободно вздохнуть. Что ты меня опекаешь, как... грудного ребенка. Ей-богу, смешно.

— Никто тебя не опекает. Но на будущее, чисто теоретически, запомни: если выкинешь такой дикий номер, можешь здесь больше не появляться! Живи со своей голубкой хоть на чердаке — костями лягу, но квартиру разменивать не дам. Антону понадобится, да и тебе будет куда вернуться, когда там надоешь. Жаль, не я твоя жена! А Нина — ангел, в обиду ее не дам, учти.

— Все, — счел нужным снова вмешаться отец. — Маневры закончили, отбой. Ни вару, ни товару, он тебя дразнит, ты поддаешься. Хватит, давайте чай пить. Иначе черт знает до чего договоритесь...

Так что визит во второй его части сошел благополучно, но в Игоре Александровиче прочно угнезвился червячок сомнения, который и начал его грызть уже на обратном пути в Москву.

Мамулины вопли относительно нравственности и безнравственности в принципе были просто сотрясанием воздуха. Не для нее, конечно, — для сыночка, жившего совсем в иных моральных параметрах. Но вот недвусмысленное предложение в случае чего выметаться из до боли родного дома... Об этом мэтр в своем любовном упоении как-то не задумывался. А тут — задумался. И пришел в ужас. Подъезжая к дому, Игорь Александрович решил: "Хорошенького понемножку. Завтра, пожалуй, поговорю с загадочным другом, попробуем решить, как выпутываться. В конце концов можно для Али квартиру снять... А там видно будет. Одна голова хорошо, а две — лучше".

Вот с этими благими намерениями мэтр и вступил под сень родного дома. И тут же о них забыл, равно как и обо всем остальном. Потому что навстречу ему стремительно выбежала Аэлита, потому что были ее руки, губы и... вкусный ужин в уютной, любимой кухне. И ночь впереди, сулившая новые радости...

— А это еще что такое? — осведомился поздно вечером мэтр, обнаружив на письменном столе узкий и длинный конверт явно "не нашего" исполнения. — По почте пришло? Почему без штемпеля?

— Курьер принес, — ответила Аэлита.

Игорь Александрович вскрыл конверт и поморщился.

— О Господи, опять прием в посольстве... Каждый год одно и то же. И ведь не хожу туда давно, так нет — все равно шлют.

— В какое посольство?

— Какая разница? Ну, во французское. Национальный праздник у них завтра. День взятия Бастилии. Представляешь, если бы мы каждую снесенную церковь или замок так отмечали?

Но Аэлита улыбнулась шутке лишь из вежливости. Для нее, по-видимому, прием в посольстве отнюдь не был доухой и лишней головной болью. Но...

— Ты не пойдешь? — спросила она с некоторым сомнением в голосе.

— А что я там забыл? — искренне удивился Игорь Александрович. — Солидные люди на такие приемы не ходят. Толпа народу, всякие халавщики, дешевенькие вина, бр-р-р!

— Как бы я хотела хоть разочек на это посмотреть! — вырвалось у Аэлиты.

— Девочка моя, но ведь это — скучища жуткая... — И тут мэтр замолчал. Действительно, серьезные люди на такие приемы не ходят, значит, шанс встретить друзей и близких знакомых — минимальный. А возможность доставить Аэлите удовольствие, причем бесплатное... — Знаешь что, пожалуй, мы туда завтра сходим, — сказал он, любясь собственным благородством. — Ну, поскучаю вечером, зато тебе будет интересно. Хочешь?

Ответом ему был поцелуй, и не один. А ради этого можно было бы пойти не то что на прием во французское посольство — на лекцию общества "Знание" о способах разведения непарного шелкопряда.

Мэтр не учел только одного: для Аэлиты этот первый совместный выход в свет означал куда больше, чем думал он сам. Для нее это было своего рода признанием серьезности намерений, первым шагом на пути к...

Впрочем, мэтр не учел и второго: нынешняя Москва сильно полюбила светские тусовки, и кто мог встретиться паре тайных любовников, один Бог знал.

А бес, как обычно, был склонен к недобрым шуткам...

Глава восьмая. Каждому — свое

Откровенный восторг Аэлиты от предвкушения визита в посольство, да не какое-нибудь, а французское, не просто умилил, но несколько даже и заразил, в общем-то, пресыщенного светской жизнью Игоря Александровича. Поэтому он с удовольствием помог своей юной возлюбленной усесться в машину и с чувством почти законной гордости повел ее под руку к дверям здания из красного кирпича на Якиманке.

Их появление не осталось незамеченным. Дежурная улыбка стоявшего у входа в зал посла сменилась откровенным восхищением. А его в высшей степени подтянутая и светская супруга вместо дежурного "счастлива видеть вас", пропела: "Ваша дочь — само очарование, мсье". И тут же кто-то из стоявших во втором ряду наклонился к уху мадам. Два слова — и улыбка супруги посла стала более чем казенной: "Простите, мсье, я хотела сказать — ваша супруга".

Игорь Александрович почувствовал первый тревожный укол. "Действительно, старый дурак", — успел подумать он, пока его не ослепила вспышка фотоаппарата.

Когда несколько дней спустя мэтр увидел злополучное фото в одной из очень популярных газет, то даже застонал от досады — настолько явственно на его лице отразилась эта самая мысль. И похож он был не на солидного, respectable мужчину, а на мальчишку, которого застали с поличным у запретной банки варенья. Одним словом, без слез не взглянешь.

Но это было уже потом, через несколько дней. А тут Игорь Александрович постарался выбросить из головы дурацкие страхи и внешне уверенно повел Аэ-

литу внутрь помещения к длинным столам с угощением, отмечая боковым зрением, что никого из знакомых в зале, вроде бы, нет.

Увы, мир, как известно, тесен! Хотя, некоторые считают, что не мир тесен, а прослойка узкая. Та самая прослойка, к которой принадлежали супруги Бережко. Посему через пятнадцать минут кто-то легонько похлопал Игоря Александровича по плечу.

Как выяснилось, довольно близкий приятель, неоднократно бывавший в их доме и прекрасно знавший Аэлику. Тем не менее приятель ограничился легким кивком в ее сторону и попросил мэтра "на пару слов".

— Старичок, ты не заболел? — с показным участием спросил приятель. — Все мы люди, все человеки, но сюда-то зачем было тащить малышку? Меня уже человек восемь спросили, кем она тебе приходится...

— А ты не знаешь, кем? Племянницей.

Приятель коротко хохотнул.

— Нет, ты определенно нездоров. Племянниц так под ручку не поддерживают, на племянниц так не смотрят. На вас же крупными буквами написано, в каких отношениях вы состоите.

— Иди к черту! — обозлился Игорь Александрович, всегда гордившийся своим умением сохранять непроницаемое выражение лица.

— Я-то пойду и даже не обижусь. И Нине ничего не скажу, люблю ее почти как тебя. Но какотреагируют остальные — ума не приложу. Бывай, старичок. — И отошел.

Разгневанный мэтр хотел вернуться к Аэлите, но около нее уже стояла какая-то дама с бокалом в руках. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что дама была не просто дамой, а когда-то состоявшей с Игорем Бережко в очень неформальных отношениях и не слишком корректно им отстраненная. Проще говоря, одна из мимолетных отставных любовниц. Только этого не хватало!

— О, милый, — проворковала дама и схватила его за рукав пиджака. — Говорят, ты женился? Вот на этой очаровательной крошке, не так ли? И давно? Судя по вашим лицам, у вас все еще медовый месяц? Теперь понимаю, почему я тебя не устроила: тридцать пять лет. Женщина такого возраста для тебя, конечно, глубокая старуха. А вы довольны своим мужем, милочка? Или для вас возраст не имеет значения, главное, чтобы человек был... хороший?

Аэлика не проронила ни слова, но в какой-то момент подняла глаза и в упор посмотрела на резвящуюся даму. Та поперхнулась на полуслове.

— Боже мой, у меня от этой духоты разболелась голова. Простите...

Она повернулась, чтобы уйти, но так неловко, что зацепилась каблуком за какую-то микроскопическую выемку в паркете и упала. Красное вино из бокала вылилось прямо на светло-голубое платье, судя по всему, немалой стоимости. Половина присутствовавших на приеме повернула головы на шум, произошедший в связи с этим инцидентом. К Игорю Александровичу в этот момент подошла одна из близких подруг Нины Филипповны — та самая, которая в свое время раскритиковала внешность Аэлики.

— Вот приятный сюрприз, Игорь! Вдвойне приятный, коль скоро ты не переживаешь, а ведешь себя как настоящий мужчина.

— Что я должен переживать? — окончательно ошалел Игорь Александрович.

Подруга Нины Филипповны старательно округлила глаза.

— Как, ты не знаешь? Прости, ради Бога, но ты с такой красоткой... Я и решила... Прости...

— Не тяни кота за хвост! — рявкнул мэтр, перекрывая звучавший в зале аккордеон. — Чего я не знаю? При чем тут красotka?

— Ох, Игорь, не кричи так. Просто мне рассказали, что за твоей Ниной в Болгарии начал ухаживать такой немец. Моя приятельница позавчера вернулась, видела их там в баре. Рост под два метра, плечи — во, морда — застрелись. Ну я и подумала...

— Ты лучше не думай, у женщин от этого лишние морщины появляются, — завелся Игорь Александрович. — Что вы ко мне прицепились все? Раз в жизни пришел на прием не с женой, а с племянницей жены...

— Вот именно, — сухо подвела итог подруга. — Раньше ты таких проколов не допускал.

И ушла, оставив мэтра в состоянии, описать которое можно было бы двумя не совсем сочетающимися словами: ожесточенная паника. Посему на приеме он с Аэлитой не задержался и вскоре отбыл домой в более чем поганом настроении.

Как назло, Аэлита еще усугубила это состояние, сообщив, что нездорова, и посему будет спать в своей комнате, дабы "не дразнить никого напрасно". Неизвестно, имела она в виду себя или своего возлюбленного, но факт оставался фактом: ночь они провели врозь.

Неделя до приезда Нины Филипповны стала далеко не самой приятной в жизни Игоря Александровича. Наступил день возвращения, и он отправился в аэропорт встречать Нину Филипповну, унося в памяти застывшее лицо Аэлиты и так и не приняв никакого конкретного решения.

Супругу он встретил — загоревшую, посвежевшую, похорошевшую. А поскольку определенную вину перед нею все-таки ощущал, то по дороге купил роскошный букет роз и преподнес оторопевшей супруге. Почему оторопевшей? Да потому, что не в привычках Игоря Александровича было дарить жене цветы чаще раза в год — на день рождения.

— Что случилось? — спросила она, глядя то на букет, то на мужа. — Соскучился? Что-то натворил? Выглядишь, кстати, усталым...

— Нина, нам надо поговорить, — услышала она в ответ.

Увы, даже гениальные люди в экстремальных ситуациях, как правило, говорят все-таки штампами.

— Прямо сейчас? Может, дома поговорим, если что-то серьезное?

— Можно и дома, — обрадовался отсрочке Игорь Александрович, начисто забыв, что существует такое явление, как женское любопытство.

— Нет уж, выкладывай. Опять обещал кому-нибудь роль в несуществующем фильме? Залез в долги? Соблазнил чужую жену?

Последний вопрос должен был, по замыслу Нины Филипповны, несколько разрядить обстановку и напомнить мужу о ее, урожденной Шуваловой, знаменитой терпимости к его шалостям. Но ответ оказался несколько иным.

— Нам нужно расстаться!

Хорошо, что к этому моменту Нина Филипповна уже села в машину. Человека, находящегося в вертикальном положении, такой новостью вполне можно сбить с ног.

— Ты сошел с ума, — пролепетала она. — Не знаю, что тебе такого наговорили, но у меня с этим немцем ничего не было. Посидели два раза в баре, он меня проводил до пансионата...

— Нина, мы ведь интеллигентные люди, в личную жизнь друг друга никогда не лезли. Ты взрослый человек, прекрасно знала, что можешь себе позволить,

а что нет. Но пойми и меня... — И Игорь Александрович умудрился прямо по пути изложить суть дела. Мол, так и так: у тебя с немцем то ли было, то ли нет, у меня с Аэлитой то-то и то-то, ты, как хочешь, а мне нужен развод. И дело не в том, что ты — легкомысленная женщина, и не в том, что я — старый ловелас. Просто так сложились обстоятельства.

Нина Филипповна молча слушала мужа, а когда приехали домой, тихо проговорила:

— Хорошо, если ты так настаиваешь, мы разведемся. Но пока никаких квартирных вопросов я решать не намерена. Во всяком случае, до возвращения Антона. А до этого еще почти полгода — самое маленькое. Надеюсь, твои родители не откажут мне в гостеприимстве, так что это время как-нибудь перетерплю. Все остальное — твои проблемы, включая объяснение с сыном. Прошу тебя только об одном: избавь меня от встречи с этой... твоей пассией. Либо отвези меня сразу в Архангельское, за вещами я приеду позже, либо позвони ей, попроси пару часов погулять.

Совершенно потрясенный Игорь Александрович выбрал второй вариант.

Собрав все необходимые вещи, Нина Филипповна вызвала такси, великодушно избавив супруга от необходимости провести с ней еще как минимум час. Только напоследок сказала:

— А что ты, вернее, мы о ней знаем? Мне-то уже все равно, а на твоём месте я бы заинтересовалась: кто она, Аэлита наша распрекрасная? Вдруг не та, за кого мы, то есть ты, её принимаешь. Не страшно, а?

Глава девятая. Загадочная русская душа

А теперь давайте ненадолго вернемся к прошлому. Во всем том, что в начале нашего повествования рассказала Игорю Александровичу о себе Аэлита в спальном вагоне скорого поезда, правды было процентов тридцать. Об отце — все правда. Остальное — легенда. Никаких трех сестер-малолеток не было, равно как и трехлетнего братика. То есть брат имелся, но старший, отслуживший в армии и осевший где-то в Сибири по месту прохождения срочной службы. Отец действительно погиб в результате несчастного случая и трезвым при этом отнюдь не был. Обнаружив, что все его "изобретения" годятся разве что для научной фантастики, да и то варианта 50-х годов, Иван Николаевич Семенов крепко запил. И уже, как говорится, "не просыхал". Чем, впрочем, из ряда его знакомых, соседей и коллег никак не выделялся.

Аэлита помнила отца другим. Пусть мать тогда и ворчала, что все свободное время здоровенный мужик торчит в сарае и чертит невесть что, да еще пишет и пишет, но мужа своего любила и претензии выражала для порядка. Непьющий, небыющий мужик, с золотыми руками и светлой головой — да ей, по понятиям местных баб, следовало ему ноги мыть и воду пить. Дал же Бог счастья!

Аэлита родилась как раз тогда, когда отец особенно активно посещал местную библиотеку, где, помимо прочих книг, прочитал классика отечественной литературы Алексея Толстого. Причем не избранное, а полное собрание сочинений. А поскольку в это время конструировал очередной летательный аппарат, то имя Аэлита было просто predetermined новорожденной.

Вместе со странным именем девочка получила и не слишком стандартную наследственность. От отца — невероятную тягу к знаниям и потрясающую фантазию. От матери — воловье терпение и недюжинную силу воли.

Училась Аэлита превосходно. Зато в остальных сферах жизни постоянно были проблемы, и немалые. Мать рассчитала, что дочь постепенно возьмет на себя часть домашней работы — не тут-то было. То есть прикажут — выполнит, причем быстро, аккуратно, не придерешься. Но по собственной инициативе пальцем не шевельнет и, если не позаботиться заранее, исчезнет с книжкой на целый день.

Со сверстниками же отношения вообще никак не вытанцовывались. Мода на заморские фотомодели с ногами "от шеи" и явными признаками недокормленности до Городищ так и не добралась, поэтому парни предпочитали девчат "пофигуристее".

И развлечения местной молодежи Аэлиту не устраивали. То ли она перечитала книжек про великосветскую жизнь и бессознательно сравнивала ее с местными танцульками и их продолжением — не в пользу, разумеется, танцулек. То ли не хотела стоять в сторонке, пока какой-нибудь особенно жалостливый кавалер с "бычком" в зубах и ароматом "принятого на грудь" не потянет за руку: "Да ладно, цапля, пошли, спляшем". В общем, после двух коротких выходов в местный "бомонд" она все вечера просиживала дома. Нелепая гибель отца как-то помогла объяснить эту тягу к одиночеству, но ближе от этого бывшим одноклассникам Аэлита не стала.

И вот тогда — исподволь, постепенно — стал зарождаться план: скопить денег, уехать в большой город, выйти замуж так, чтобы будущий муж был значительно старше ее и неплохо устроен в жизни. И уж под его крылом получить образование, профессию и жить спокойно, забыв Городищи как кошмарный сон.

Первая часть плана была достаточно реальной. Но куда бы она ни устроилась работать, размеры доходов были бы известны матери до копейки. А при тех грошах, которые получала мама-стрелочница, много не "заначишь". Следовательно, нужно было найти какой-то тайный источник. И он образовался в виде ежедневных выходов к поездам дальнего следования с продуктами питания. Прибыль, конечно, небольшая, но относительно стабильная. Аэлита определила себе год на подготовку и, как человек целенаправленный, в этот срок наверняка бы уложилась. Но тут вмешался Его Величество Случай. Поезд тронулся раньше времени, и она осталась в купе с элегантным пожилым мужчиной, источавшим дружелюбие и благожелательность.

Молчание во время стычки с проводницей и горькие слезы были экспромтом, но также сработали блистательно. Конечно, Игорь Александрович не знал, что плакать "взаправдашними слезами" Аэлита могла в любой момент. Каким образом ей это удавалось, она вряд ли сумела бы объяснить, но способности свои знала прекрасно. Так же, как и возможность добиться от человека чего угодно, пристально посмотрев ему в глаза.

Матери Аэлита написала, что выходит замуж за дипломата и на долгий срок покидает страну. Пусть только вышлет ей — до востребования! — нижеперечисленные документы и ждет возвращения дочери из дальних странствий. Зная стальную волю любимой доченьки, мать выполнила все беспрекословно и даже во сне запретила себе видеть нескорое свидание с дочуркой. Лишь бы дал Бог счастья, а с ее головой не пропадешь.

Возможно, Аэлита и нашла бы себе мужа среди друзей-приятелей Антона, но все молодые люди непременно хотели сначала "попробовать", а там видно будет. Антон первоначально шел тем же незатейливым путем и, лишь проколловшись, задумал жениться.

Но "муж-мальчик", ничем себя не проявивший, Аэлите был не интересен. Если уж выходить замуж по расчету, то такому, чтобы сразу получить все.

Тем не менее стать женой Игоря Александровича в планы Аэлиты никаким боком не вписывалось. Она лишь собиралась постепенно навести его на мысль о том, что неплохо бы поискать для нее, Аэлиты, мужа среди мужчин его круга и его возраста. А таковые в кругу супругов Бережко водились, причем некоторые даже были на данный момент свободными от очередных супружеских уз. Так что оставалось запастись терпением — и все бы получилось, как задумывалось.

Но... опять вмешался Его Величество Случай. Интуиция заставила Аэлиту не откликнуться, когда неожиданно вернувшийся с дачи Игорь Александрович позвал ее, заставила затаить дыхание и замереть, когда его шаги стали приближаться к двери ванной комнаты. Она же, родимая, помогла пустить в ход самое сильное оружие — взгляд.

А вот дальше было сложнее. Главное — не пережать, не изображать из себя жертву. Пусть мужик сам соображает, как выпутываться из положения. За год характер изучен предостаточно: на подлость не способен, значит, что-то предпримет. В идеальном варианте — сделает предложение. В самом худшем случае — устроит все прекрасно, и никто ничего не узнает. Да еще и жена ему поможет.

И на этот раз интуиция не подвела. Оставалось терпеливо ждать возвращения пока еще законной супруги и расставлять последние точки.

Ожидая приезда Нины Филипповны, Аэлита готовилась к любым вариантам, кроме... того, который в результате получился. То есть собиралась сражаться до последнего вздоха, но и на тебе — противник отступил без боя. Именно это Аэлилу и напугало больше всего.

Значит, думалось ей, у мадам есть какие-то особые причины не устраивать скандалов и не пытаться немедленно вернуть заблудшего мужа в лоно семьи. Ловушка, по-видимому, приготовлена где-то дальше. Зная характер Игоря Александровича лучше, чем кто бы то ни был, Нина Филипповна наверняка рассчитывала на что-то такое, чего молодая соперница даже не представляла себе.

Кое-что прояснилось, когда Аэлита поняла: развода придется подождать. Нина Филипповна не спешила, Игорь Александрович не настаивал. Но в качестве компенсации довольно часто вывозил Аэлилу "в свет", представляя супругой. И, заметим, не послушался Нину Филипповну: не стал интересоваться правдой о новоиспеченной "супруге".

Аэлита, сперва робко, а потом с нарастающим пылом, бросилась в эту жизнь, перестав, наконец, рассчитывать каждый свой шаг. Месяц спустя уже почти каждый вечер Игорь Александрович, хотелось того ему или нет, "надевал фрак и соответствовал". Театральные премьеры, просмотры кинофильмов, вошедшие недавно в моду и вызывавшие тихую ненависть у мэтра "презентации" чего угодно — посещалось все. Редкий вечер Игорь Александрович мог провести в любимом кабинете, в привычном кресле под тихий лепет телевизора. А уж ночью...

Впрочем, сам виноват. Аэлита была девушкой сугубо неопытной, приступами головной боли, дикой усталости и прочими "уважительными причинами" увиливания от исполнения супружеских обязанностей не пользовалась. Во-первых, не знала, что так можно поступать, а во-вторых, не испытывала в этом необходимости.

Мэтр же испытывал не многим ведомое сладостное чувство Первого Наставника и Единственного Учителя. Все, что Азлита умела, — она узнала от него. Все, что узнавала, — было его заслугой. Ну и так далее.

А между тем кульминация истории свершилась, и пора переходить к тому, что называется развязкой. Мы давным-давно знаем, что все самое интересное начинается только после свадьбы. Самое интересное для читателей и порой самое страшное — для героев.

Так и случилось.

Глава десятая. Его пример — другим наука

В одно далеко не прекрасное утро, месяца три спустя после самоустранения Нины Филипповны из генеральской квартиры, Азлита проснулась от легкого прикосновения к плечу и, полусонная, потянулась навстречу любимому. Но ее порыв оказался прерванным в самом начале. Ибо это движение было последним, которое смог сделать Игорь Александрович перед тем, как потерять сознание. Сказать что-либо у него уже не было ни сил, ни времени.

Первоначально Азлита сама чуть не лишилась сознания от испуга. Вот так, на ровном, что называется, месте человек бледнеет, синеет и практически перестает дышать... Так что несколько драгоценных минут было потеряно вовсе не из-за злого умысла, как потом кое-кто утверждал, а исключительно из-за шокового состояния молодой женщины, которая, как ни странно, впервые в жизни увидела тяжело больного человека вообще. Тем более — умирающего.

Потом, конечно, всплыл в памяти спасительный пароль "03", начались бессмысленные переговоры с диспетчером, на вопросы которого Азлита была не в состоянии толково ответить, мучительное ожидание машины, наконец, приезд врачей и приговор: "Обширный инфаркт. Госпитализация без вопроса, хотя можем и не доездить".

В отделение реанимации Азлиту, естественно, не пустили. И ее заявление о том, что она жена, не вызвало ничего, кроме скептических усмешек. В конце концов главный из врачей, оглядев Азлиту с ног до головы, изрек: "Вы его жена? Тогда тем более не пуццу. Больному нужен полный покой и минимум острых ощущений".

Несколько часов болталась она по больничному вестибюлю, пока, наконец, не увидела снова врача и не бросилась к нему с немым вопросом. А тот, уже порядком уставший, на ходу бросил:

— Если у больного, кроме вас, есть близкие родственники, лучше им сообщить. Детям там, внукам. Он может не дожить до завтра.

Азлита, как сомнамбула, направилась к телефонной будке во дворе и набрала номер, по которому никогда не звонила, но тем не менее знала наизусть — номер генеральской дачи в Архангельском.

— Нина Филипповна, не кладите трубку. Игорь Александрович в больнице, если вы поторопитесь, то можете успеть...

— Так я и знала! — услышала она в ответ. — Что с ним? Сердце? Сию минуту выезжаю. Сиди в больнице, никуда не уходи, можешь понадобиться. Все, пока.

Азлита вернулась в вестибюль, уселась в самом дальнем углу и мрачно задумалась — не столько о настоящем, сколько о будущем.

К роли молодой безутешной вдовы, тем более незаконной, она была решительно не готова. Хотя бы потому, что никаких ощутимых выгод ей эта роль не давала. Мэтра она по-своему, но любила, других мужчин замечала лишь по-

стольку-поскольку. И вообще рассчитывала лет двадцать как минимум прожить полноценной, обеспеченной жизнью.

Потом, конечно, все возможно, но что с ней будет после сорока лет, Азлиту пока не волновало. Этот возраст казался ей таким же далеким и нереальным, как полеты на Марс. О завещаниях и прочих "прелестях" послепохоронных будней Азлита знала только из книг. В том кругу, в котором она выросла, о завещаниях слыхом не слыхивали хотя бы потому, что вещь эта была сугубо бесполезной. А то, что разыгрывалось вокруг фамильных поместий, драгоценностей и солидных денежных сумм, так это не для нее. Хотя бы потому, что никакого завещания Игорь Александрович, естественно, не писал и не мог писать. Да и свадьбы-то пока не было.

Из квартиры выкинут, благопристойно, с соблюдением правил хорошего тона, но выкинут. И если Нина Филипповна может снова поиграть в благородство и какое-то время потерпеть, то мама-генеральша, женщина изначально простая и незатейливая, таких тонкостей не поймет и не одобрит.

Обратно — в Городищи? Да лучше сразу — под тот же скорый фирменный поезд, на котором она когда-то приехала покорять столицу. Покорила...

И ведь что особенно смешно: с московской пропиской, которую ей, кстати, сделала Нина Филипповна, никто в студенческое общежитие не возьмет. Даже в гостиницу не пустят. Вот уж воистину "ловушка для Золушки"!

За невеселыми размышлениями Азлита пропустила появление Нины Филипповны и очнулась только тогда, когда ее окликнули вполголоса:

— Аля, поезжай... поезжайте домой. Здесь вам делать нечего, он по-прежнему без сознания. Скоро приедут его родители... я думаю, вам с ними лучше пока не встречаться.

Подмечено было абсолютно точно: такой встречи Азлите хотелось меньше всего. Поэтому она покорно поднялась и пошла к выходу. Ссутулившаяся, потерянная... И вопреки всякой логике, Нина Филипповна ее пожалела. Правда, лишь на какое-то мгновение, поскольку растрачивать время на подобные эмоции было непозволительно.

Ровно через час после ее приезда у постели больного собрался консилиум в составе медицинских светил. Стоит ли говорить о том, что все закончилось благополучно? Лечение пошло, и двое суток спустя врачи объявили, что жить пациент будет, но лишь в том случае, если будет жить по-другому. То есть никаких перегрузок, волнений, спиртного, сигарет, острого, жирного, соленого, сладкого... Из напитков желательны минеральная вода и некрепкий чай. Соки, естественно, поскольку — витамины. И главное — свежий воздух и покой, покой и свежий воздух. Медицина же сделала все, что было в ее силах. В общем, как говорится, "извините за внимание, спасибо за беспокойство".

Когда Нина Филипповна наконец была допущена в палату, то неизвестно, кто выглядел более бледным и обессиленным: она или ее все еще муж. Но если последний выглядел не блестяще по вполне понятным причинам, то она-то вынуждена была решать одновременно две задачи: предложить свою кандидатуру в качестве сиделки и медсестры и по возможности деликатно сообщить, что Азлиту он больше не увидит, потому что так захотела сама Азлита.

— Нина Филипповна, — сказала девушка, услышав о том, какую жизнь предлагается отныне вести ее любимому, — простите, но я тут явно лишняя. Ухаживать за больными, честно говоря, не умею. Если мы обе будем топтаться около Игоря, то, кроме лишних волнений, ему это ничего не даст. Так что третий, по моему, должен уйти, третий — лишний. В данном случае уйду я. Вы женщина

трезвая, тактичная, постарайтесь объяснить все Игорю. А я завтра... Ну, в самом скором времени... В общем, искать меня не надо, я все равно не вернусь.

Когда мэтр открыл глаза, Нина Филипповна уже кое-что придумала.

— Нина? Вот уж не ожидал... Значит, мои дела настолько плохи...

— Твои дела настолько хороши, что я решила не доверяться случайным людям, а самой довести все до ума. Не веришь мне — спроси врачей. Мне показалось, что лучше меня за тобой никто ухаживать не сможет, просто из-за отсутствия достаточных знаний о твоём организме. А тебе нужно пока смиренно лежать, выполнять все указания врачей и поправляться. Ты был на волосок, если честно...

— Знаешь, ничего не помню. Заснул дома, проснулся — черт знает где. Белые халаты, уколы... Ниночка, а домой мне нельзя? Ты же знаешь, терпеть не могу больницы.

Нина Филипповна несколько растерялась. То ли инфаркт дал осложнение в виде потери памяти — по-научному амнезии, как говорит их сын, то ли супруг таким вот нестандартным образом пытается объяснить, что все возвращается на круги своя. Погусарил, погулял — и довольно, а супруга, как в старые добрые времена, пусть улаживает конфликты, смягчает удары и сглаживает всевозможные острые углы. От Игоря Александровича можно было ждать чего угодно.

— Чем благоразумнее ты будешь, тем скорее окажешься дома, — осторожно вступила она в следующий этап беседы. — Давай договоримся так: ты делаешь все, что я говорю, а я делаю все возможное, чтобы ты скорее оказался дома. Такой вариант устраивает?

Такой вариант его, видно, устраивал, потому что он закрыл глаза и, похоже, задремал. И в дальнейшем, на протяжении почти двух недель, вел себя кротко, послушно, серьезных разговоров не заводил, лишних вопросов не задавал. То есть свою часть договора выполнял неукоснительно.

Выполнила свою часть и Нина Филипповна, забрав мужа домой при первой же возможности, под расписку. И уже дома, в окружении привычных предметов, то есть там, где и стены, как принято считать, помогают, задал наконец Игорь Александрович тот самый вопрос, которого так боялись все его близкие.

— Нина, ты ко мне совсем вернулась?

— Если не возражаешь, совсем, — спокойно ответила Нина Филипповна. — А остальное пусть тебя не заботит.

В общем-то, излюбленная Ниной Бережко тактика выжидания принесла блестящие плоды — хотя инфаркт мужа в ее планы, разумеется, не входил. Как человек трезвый, она предусмотрела даже несколько вариантов дальнейшего устройства судьбы Аэлиты. Например, как более приемлемый для самой Нины Филипповны: продажа семейного кольца и покупка небольшой комнаты для "Золушки". Было еще несколько промежуточных вариантов, но жизнь распорядилась по-своему, и в кои веки Нине Бережко не пришлось ничего делать самой — все решилось без нее.

Когда Антон два месяца спустя благополучно вернулся в родные пенаты, то обнаружил лишь то, что папа медленно поправляется после инфаркта, а мама его оберегает и опекает. Картина абсолютно нормальная, хотя и не очень веселая. Но, слава Богу, хоть так обошлось.

Естественно, Антон спросил:

— А где же Аля? Куда подевалась моя нареченная?

— Уехала, — честно ответила мать. — Как раз тогда, когда случилось это несчастье. Адреса не оставила, а мне было не до того...

Замечу, что впоследствии ту же версию изложила Антону и бабка, хотя ей куда труднее было удержаться и промолчать.

Так что Антон оказался, пожалуй, единственным человеком в Москве, так и не узнавшим о романе собственного отца. Конечно, такое неведение — из ряда чудес, но и они ведь иногда случаются, хотя значительно реже, чем хотелось бы.

А что же Азлита? Как с ней распорядилась судьба? Так вот, прежде всего существует масса слухов, один другого "достовернее". Судите сами.

Говорят, например, что Азлита вышла замуж за какого-то очень богатого шведа и теперь процветает в Скандинавии. Но потом выяснилось, что все сторонники этой версии в свое время посмотрели кинофильм "Интердевочка" с аналогичным финалом.

Говорят еще, что Азлиту видели в какой-то загородной резиденции "крутых людей", где она играла роль хозяйки дома или главной дамы в этом самом доме. Но кто же пустит посторонних свидетелей в такую резиденцию?

А еще говорят, что Азлита все-таки уехала к себе в Городищи и открыла там модный салон. Теперь в эти самые Городищи ездят те, кому некогда ждать очереди у Славы Зайцева, а в Париж по каким-то причинам ехать не с руки.

Но эти слухи на самом деле достоверны только в одном пункте: Азлита уехала. Уехала, не предъявив ни малейших претензий на какую-то там жилплощадь или материальные блага. Даже простенького колечка из фамильных ценностей не прихватила. Взяла только подарки Игоря Александровича да личные вещи. Не нужна Азлите московская жилплощадь и семейные бриллианты и изумруды Бережко ни к чему. Наоборот — помешали бы воплотить в жизнь следующий этап.

Азлита не стала менять ни образа жизни, ни рода занятий. Только переехала в Санкт-Петербург, где поселилась у вдовы всемирно известного музыканта, бывшего друга-соперника Нины Филипповны по консерватории. Фамилия нам ни к чему, а зовут почтенную даму Стелла Станиславовна.

Она-то и приняла беглянку с распростертыми объятиями, измучившись вдовьим одиночеством и устав единолично нести тяжкое бремя хозяйки эlegantного и респектабельного великосветского салона. Да и получить компаньонку, экономку, стряпуху и горничную в одном лице за "стол и кров" — плохо ли? Тем более такую, которая привлекает в дом самое изысканное общество и которая так крепко насолила задавакам Бережко?

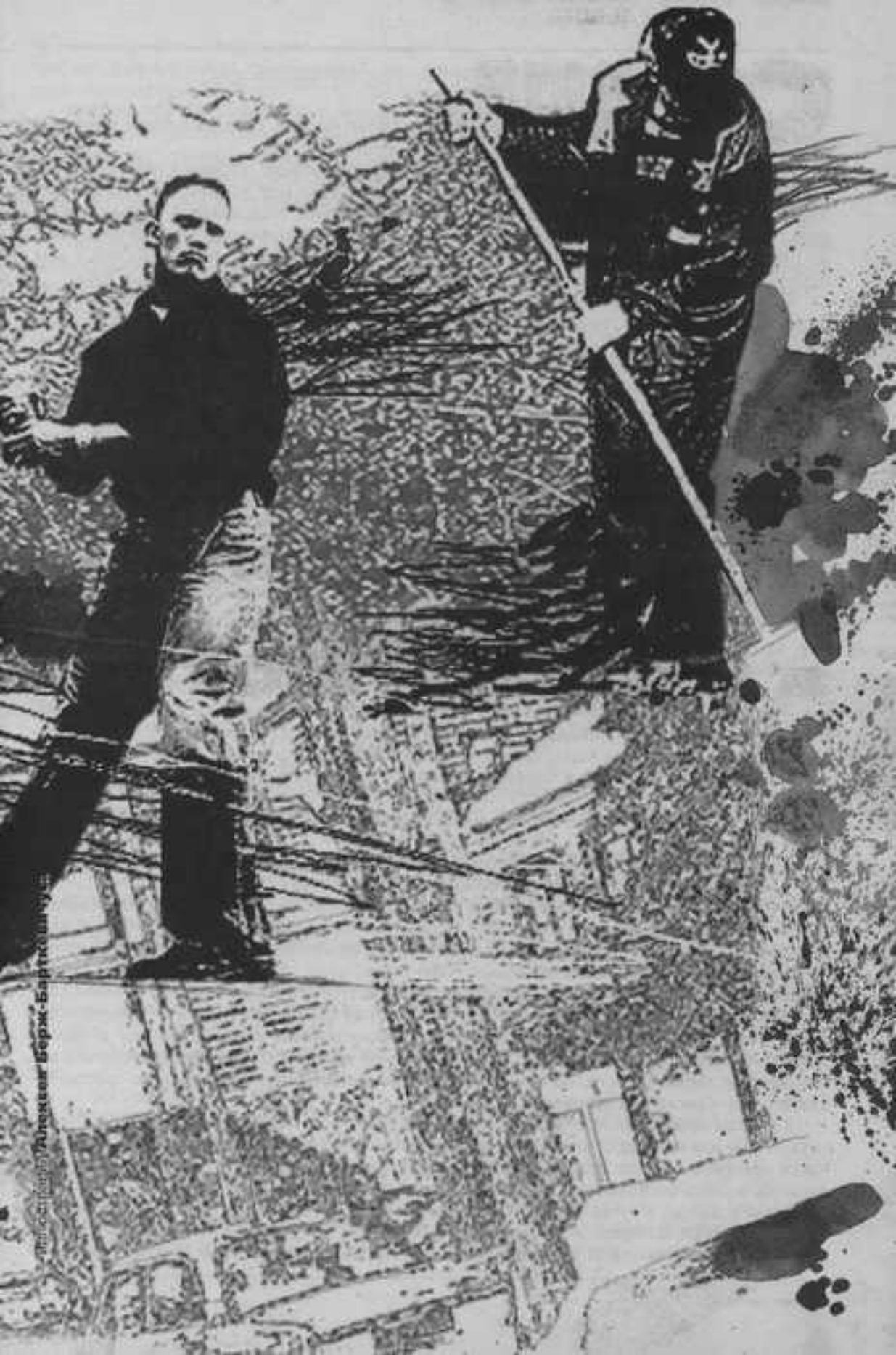
Азлита и цели своей не поменяла. По-прежнему ищет мужа, способного создать для нее достойные условия жизни. Лучше всего, конечно, в заграничной командировке. Но можно и на Родине. Главное, чтобы был не слишком молод, недурен собой, умен и хорошо обеспечен. Ну и, конечно, холост. В крайнем случае, уже давно разведен. Дважды наступать на одни и те же грабли — не в характере нашей героини.

Стелла Станиславовна души в ней не чает, одобряет все ее планы и просит только об одном: не покидать. Прописка в городе на Неве у Азлиты уже есть, да и завещать немалое состояние, в том числе и огромную квартиру на Малой Морской улице, одинокая вдова собирается именно ей. Так что Азлита подумывает: а нужен ли ей при этом муж вообще?

Что ж, поживем — увидим.

семь желаний

Глава первая. Пикантное развлечение

— Я бы с радостью, да не имею права! — кричал он мне, сжимая зубами мокрый и давно потухший окурок. — Тебе что, командир, жить надоело?

Мы, ссутулившись, стояли друг против друга, словно борцы, готовые к схватке. Порывы ветра швыряли в нас сухой и колючий снег. Он проникал мне за воротник куртки и обжигал щеки, но я не испытывал ни злости, ни раздражения. Этот мужик в пропахшем солляркой ватнике, с подпухшими слезящимися глазами и прокуренными до желтизны зубами был прав. От него ничего не зависело, он просто поставил меня перед фактом, и мне ничего не оставалось, как только смириться с реальностью и искать объездные пути.

Я посмотрел по сторонам. Погода портилась с каждой минутой. Из-за метели уже не было видно ни гор, ни заостренных верхушек елей. И без того неширокая дорога стала еще уже. Тяжелые сугробы на обочинах сдавили ее с обеих сторон. Снег уже наполовину замел желтый бульдозер, перегородивший дорогу поперек.

— Да не заведу я его, — мягче добавил мужик. — Соляра, как студень. Полночи только размораживать патрубки...

— Может, через Хамыш попробовать? — спросил я.

— Да ты что! — горячо возразил мужик и принялся чиркать зажигалкой, чтобы зажечь окурок. — В Хамыш даже и не суйся! Там еще хуже. Днем несколько лавин сошло, дороги будто никогда и не было... Ах ты, собака страшная! — вполголоса выругал он зажигалку, выплюнул окурок и вытер с губ табачные крошки.

— А если через Новую Поляну? — не сдавался я. Трудно было убедить себя в том, что я безнадежно застрял на перевале, и мне не суждено в ближайшие часы оказаться в своей теплой холостяцкой берлоге, где холодильник напоминает маленький гастроном, а бар звенит от неисчислимого количества бутылок.

— Насчет Новой Поляны не скажу, — сдержанно ответил мужик и оглянулся на вагончик, из крыши которого торчала чадящая печная труба. Порыв ветра распахнул хилую дверь настезь, и молочную мглу пробил слабый желтый свет лампочки. — Не знаю, врать не буду. Может, там ты сможешь проехать... — И тут он заговорил оживленно и торопливо: — Слушай, командир! А на кой хрен тебе сейчас на перевалы соваться? Ставь свою машину за бульдозером, и пойдем ко мне. Метель утихнет, тогда и поедешь. У меня водочка есть, консервов целый ящик, сейчас картошки в мундире отварим. Тепло, сухо...

Если бы я мог заглянуть в будущее и узнать, к чему приведет мое упрямое желание ехать дальше!

— Нет, — ответил я, чувствуя, что на голове уже выросла шапка снега. — Попробую через Поляну.

— Хозяин — барин, — с легким оттенком обиды ответил мужик и, сунув большие красные руки в карманы ватника, пошел по сугробам к вагончику.

Я вернулся в машину, которая тихо урчала на холостых оборотах и тускло светила сквозь залепленные снегом стекла фар. Оставаться на перевале на ночь, думал я, верх идиотизма. К утру отсюда не только на джипе, но даже на тягаче не спустишься. Синоптики пугают новым циклоном и лавинами. Надо спускаться с гор, и чем скорее, тем лучше. Машина, прыгая на снежных ухабах, развернулась и, стреляя во все стороны белыми комками, поехала вниз. Чем больше становилось преград на моем пути, тем отчаяннее я упрямялся. Меня охватил настоящий азарт. Включив фары, я прибавил газу и вскоре свернул с трассы в дачный поселок. За ним, если мне не изменяла память, начиналась малоизвестная лесная дорога, по которой напрямую можно было добраться до трассы, соединяющей Кавказский заповедник с Туапсе.

Я быстро проскочил поселок, а когда въехал в лес, то понял, что уже начинает темнеть, и мне никак не добраться до трассы засветло. Зная о своей прирожденной особенностях находить на свою голову приключения, я еще раз подумал, правильно ли делаю, пускаясь в столь рискованный путь через дремучий лес.

Вдруг впереди, в лучах фар, я увидел человека. Точнее, девушку в длинной и темной с отливами шубе. В первое мгновение мне показалось, что девушка пытается быстро сойти с дороги и спрятаться за деревом. Но то ли сугробы были слишком глубоки, то ли по-

нав, что уже все равно "засветилась", она повернулась лицом к ослепляющим фарам и вяло махнула рукой.

Прежде чем притормозить, я на всякий случай кинул взгляд на противоположную сторону дороги, где плотной изгородью стояли припорошенные снегом кусты, и заметил темную "девятку", крепко засевшую в сугробе.

На малой скорости я проехал мимо "девятки", поглядывая в зеркало заднего вида, а когда убедился, что в обозримом пространстве никого, кроме девушки, нет, остановился и дал задний ход.

Она была высокой и, должно быть, тонкой, как фотомоделль, но из-за просторной длиннополой шубы казалась неповоротливой и упитанной. Лицо бледное, почти белое, на носу очки, волосы убраны на затылок, от помады на губах остались одни воспоминания.

— Привет! — бодро проговорил я. — Что случилось?

Девушка цепким взглядом посмотрела на меня, затем кинула настороженный взгляд на заднее сиденье, словно хотела убедиться, что я в машине один.

— У меня заглох двигатель. Вы... не могли бы...

Мне сначала показалось, что она пьяна. Разбираться с незнакомой пьяной девушкой в глухом лесу — пикантное развлечение, на любителя. И все-таки я вышел из машины.

— Откройте капот и запустите стартер.

— Что вы говорите? — рассеянно произнесла девушка.

— Попытайтесь завести мотор! — громче повторил я. — И будьте внимательнее. Я не намерен повторять по два раза.

Она не сразу села за руль. Нахмурил лоб, скрипела каблучками сапожек по снегу и смотрела на меня сквозь запотевшие стекла очков тающим, поверхностным взглядом.

Стартер крутился довольно резво, но мотор не схватывал. С тех пор, как обзавелся приличной машиной и перестал заглядывать под капот, навыки автолюбителя я утратил безнадежно. Поэтому сделал то, что умел: вывернул свечу и проверил на искру. Искры не было, а это не оставляло мне никаких шансов завести машину.

— Каким бензином заправлялись? — спросил я, глядя на темный мотор, опутанный замасленными шлангами и проводами, и никак не мог разжечь в себе техническое любопытство.

— А черт его знает, каким, — тихо ответила девушка. — Каким положено, таким и заправлялась.

— Наверное, катушка сгорела...

— Катушка? — протянула она и отрицательно покачала головой. — Ну что вы говорите! Катушку я каждое утро смазываю, она у меня в порядке. Наверное, ретранслятор полетел.

— Какой ретранслятор? Вы, наверное, хотели сказать "генератор"?

— Ну да, конечно, — без тени смущения подтвердила девушка.

Больше я не задавал ей вопросов относительно машины. Опустил крышку капота, вынул из кармана куртки платок и вытер им руки.

— Из ближайшего техцентра отправлю к вам ремонтников. Извините, очень тороплюсь...

— Не надо никаких ремонтников! — вдруг необычайно твердо и громко произнесла девушка, словно только что очнувшись от спячки. — Я не хочу, чтобы вы говорили кому-то обо мне! Я не просила вас об этом!

Эти слова были сказаны в столь жесткой форме, что я лишь пожал плечами и буркнул:

— Как хотите.

Не успел я дойти до своей машины, как девушка крикнула мне вдогонку:

— Не вздумайте кого-то прислать!

Глава вторая. "Стерлинг"

В свете фар снова поплыл строй черных стволов, сугробы и движущиеся, постоянно меняющие форму тени. Отъехав на некоторое расстояние, я глянул в зеркало заднего ви-

да. Мрак, который остался за мной, меня просто поразил. Я отчетливо представил себе, как эта худенькая девушка сидит в холодной машине, в полной темноте, в центре огромного леса, и каким ужасом наполняется ее сердце, и неожиданно для себя, ударив по тормозам, дал задний ход и поравнявшись с "девяткой", крикнул:

— У вас есть трос?

Она кивнула и стала открывать багажник. Я смотрел, как она пытается протолкнуть ключ в замочную скважину. Окаменевшие от холода пальцы почти не гибались, и движения девушки были неточными.

Я отобрал у нее ключ и открыл багажник.

— Почему вы не хотите, чтобы я вызвал ремонтников? — спросил я, опускаясь перед капотом на колени и пристегивая карабин к буксировочному крюку. Крюк зарылся в снег, пришлось разгребать его руками.

— У меня нет денег, — ответила девушка.

Краем глаза я видел перед собой ее сапожки. Подошвы — толщиной с лист бумаги. Я бы давно околел в такой обуви.

— Интересно узнать, — произнес я, поднимаясь на ноги и отряхивая колени, — какая недобрая судьба занесла вас сюда?

Вопрос остался без ответа. Я заглянул в салон "девятки", чтобы убедиться, что машина снята с ручника и скорости, заодно кинул взгляд на сиденья и панель. Похоже, дамочка собиралась в дорогу в спешке. На заднем сиденье лежала большая спортивная сумка, наполненная смятой одеждой, как если бы ее туда зашвырнули, словно мусор в печку. Выглядывали край бархатного вечернего платья, тонкие белые шпильки туфель. Мне показалось, что один каблук выпачкан в чем-то буро-коричневом. На переднем сиденье валялась косметичка, все ее содержимое было вывалено, будто хозяйка что-то торопливо искала среди тюбиков, коробочек, пузырьков и карандашей.

Я закрепил второй конец троса на джипе и, прежде чем сесть за руль, обратился к девушке:

— Включите габариты! И держите дистанцию, чтобы трос все время был натянут.

Мы поехали. "Девятка" волочилась за мной, время от времени зарываясь передком в сугроб. Но в целом все было нормально, если не считать того, что моей несчастной никак не удавалось с первого раза вписываться в повороты.

Стемнело окончательно. Я приносивился к своему прицепу, на некоторое время даже забыл о его существовании и не заметил, как дорога пошла под уклон. Из мира грез в реальность меня вернул чувствительный удар в задок. Скрипя зубами и с трудом сдерживая ругательства, я остановил машину и выскочил наружу.

Так и есть! Эта вешалка вовремя не притормозила на спуске и толкнула меня в бампер. Теперь на нем зияет глубокая царапина. Я начал громко сопеть, уставившись в темное ветровое стекло "девятки".

— Я же вас предупреждал — держите дистанцию! — сердито крикнул, распахнув дверь машины.

— Я тормозила, как могла, — не слишком раскаиваясь в содеянном, ответила девушка. — Извините. Я изо всех сил даю на педаль! Не знаю, почему так получается!

— Выйдите! — приказал я, намереваясь самолично проверить тормоза.

Путаясь в полах шубы, девушка отошла от меня на почтительное расстояние. Я сел на ее место и тотчас уперся коленями в руль. Конечно, сиденье отрегулировано под эту мощную спицу, а не под мой центнер живых мускулов.

Я опустил руку, чтобы потянуть рычаг регулировки сиденья, но вместо рычага схватил что-то до боли знакомое. Опустил глаза и увидел, что сжимаю холодный ствол пистолета.

Я даже присвистнул от удивления. А эта дамочка, оказывается, не такая уж беспомощная и жалкая, какой показалась сначала. Не думаю, что "пушка" ей нужна, чтобы пугать хулиганов. Для этой цели вполне сошелся бы газовый, а не боевой пистолет.

Чувство уважения к незнакомке невольно вытеснило раздражение. Теперь я стал думать о том, как бы не спровоцировать ее на бесконтрольные поступки и побыстрее с ней распрощаться.

— Тормоза в порядке, — буркнул я, вылезая из машины. — А вот резина совершенно лысая. Потому и несет юзом.

— Так и знала! — с негодованием воскликнула она и со всей силы ударила тонким носком сапога по шине. — Что же делать? Я хочу уехать отсюда!

— Не знаю, — ответил я, думая о том, а не завладеть ли мне пистолетом до того, как дамочке взбредет в голову с его помощью качать мне свои права. — Дальше спуск будет еще круче, и вы просто свалитесь с обрыва. Лучше оставить машину здесь.

— Оставить здесь? — удивленно переспросила девушка, словно я предложил ей закочевать в сугробе под елью.

— Конечно, — подтвердил я. — Что с ней станет? Людей здесь нет, медведи ее не сожрут. А я вас отвезу в город.

— Нет, — покачала головой девушка. — Машину я не оставляю.

— У вас есть другое предложение?

— Может, по другой дороге?

— Все перевалы закрыты, — заверил я. — Но могу оттащить вашу машину к ближайшему посту ГАИ и оставить ее под охраной милиции.

— Под охраной милиции? Понимаете, — растягивая слова, произнесла она, — у меня не в порядке документы на машину... Я не прошла техосмотр, и от милиции мне лучше держаться подальше.

Я чувствовал, что она лжет. А для меня нет занятия слаще, чем уличать человека во лжи.

— Ерунда! — махнул я рукой. — Это я беру на себя. Проблем не будет.

— Будут проблемы, будут! — начала убеждать меня девушка.

— Да нет же, — возражал я. — Не будет проблем.

— А почему это вы так уверены? — настороженно спросила девушка.

— Потому что я сам почти что из милиции.

Ну вот, теперь я дал ей понять, что со мной лучше не шутить. Девушка, смею надеяться, мой намек поняла правильно. Она заметно смутилась, хотя изо всех сил пыталась скрыть это. Вынула из кармана сигареты, неумело закурила и тотчас кинула сигарету в снег. Подняв голову, она посмотрела на освещенные отблесками фар кроны деревьев.

— Метель, кажется, кончилась.

— Это так кажется, — усмехнулся я.

Она думала не о метели, а о моих словах.

— А что значит "почти что из милиции"?

Я глубокомысленно промолчал. Не давая девушке повторить вопрос, кивнул на "девятку".

— Садитесь, будем разворачиваться.

— А куда мы поедем? — настороженно спросила она.

— Для начала отвезу вас ближе к поселку. А там разберемся.

Глава третья. Жажда крови

Когда между деревьев стали проглядывать редкие желтые огни дачного поселка, "девятка" послала мне в спину пучок света. Я остановился. Девушка больше не подавала признаков жизни, и я понял, что она хотела одного: чтобы я остановился, ни больше, ни меньше.

Я подошел к машине и открыл дверь. Моим глазам предстало жалкое, продрогшее донельзя бледное существо в заиндеветших от дыхания очках.

— Спасибо, — тихо проговорило существо и вымученно улыбнулось. — Езжайте. Я как-нибудь сама разберусь...

— Ну вот что, — с властной заботливостью, которую так любят женщины, сказал я. — Идите ко мне в машину и погрейтесь.

Девушка беспрекословно подчинилась и стала вылезать из своего ледяного склепа. От холода у нее даже дрожал подбородок.

Я усадил ее на переднее сиденье, врубил отопитель на полную мощность и направил ей под ноги струю горячего воздуха. Делая вид, что вожусь с тросом, не преминул снова за-

глянуть под водительское сиденье "девятки". Лежит, родимый, как лежал. Я натянул на руки перчатки и взял пистолет в руки. Да, это действительно был "стерлинг" — достаточно редкий для наших краев и вполне серьезный пистолет из прекрасной нержавеющей стали. Раз дамочка не прихватила его с собой, значит, меня не боится, моим джипом не интересуется и убивать меня, по всей видимости, не собирается. Я отстегнул короткий магазин. В тусклом свете блеснул ряд полированных патронов. Пять штук. Обойма рассчитана на шесть, но еще одного для полного комплекта у дамочки, видимо, не оказалось. Или, не дай Бог, уже израсходовала на какие-нибудь нужды...

Я сунул пистолет на место, убеждая себя в том, что слишком много внимания уделяю ему, и вернулся в машину.

Девушка сидела неподвижно, глаза ее были прикрыты. У меня появилась возможность рассмотреть ее как следует. Что-то среднее между английской гувернанткой и привокзальной продавщицей чебуреков. Стандартное малозапоминающееся лицо с тонкими губами, остреньким носиком, какое с одинаковым успехом можно назвать милым и непривлекательным, тонким и аляповатым.

Я достал из ящика плоскую стальную фляжку, потряс ее, определяя количество в ней коньяка, и протянул девушке.

— Выпейте.

Она открыла глаза, взяла флягу, пригубила и, возвращая мне флягу, произнесла:

— Это ужасно. Я пью с шести вечера. На меня спиртное уже не действует и страшно болит голова... Что это?

— Коньяк.

— Коньяк? — искренне удивилась она, глядя на фляжку. — Не похоже. Я уже когда-то пила коньяк. У него совсем другой вкус. Более кислый, что ли?

— По-моему, вы путаете коньяк с клюквенным морсом, — предположил я. — Значит, вы возвращались с праздничного ужина?

— С праздничного! — едко повторила девушка. — Можно сказать что так... — И замолчала.

Я помог ей выйти из неловкой ситуации.

— Вас как зовут?

— Лера.

— Странное имя.

— Ничего странного. Я привыкла.

— Почему бы вам не вернуться туда, где был праздничный ужин? — спросил я. — Я могу вас довести.

Лера отвернулась и уставилась в темное окно, которое тотчас запотело от ее дыхания.

— Лучше отвезите меня куда-нибудь подальше от того места, — негромко произнесла она.

— Вы поругались со своим парнем?

Наверное, я напрасно начал лезть к ней в душу. Лера резко повернула голову. От прежней вялой и немощной девушки, которую, как мне казалось, способен раскатать любой сквозняк, не осталось и следа. На меня смотрела розовощекая девица с большими глазами, полными выразительного блеска. Я даже залюбовался волевым изломом ее губ, когда она открыла рот и проговорила:

— А вам не кажется, что вы суете нос не в свои дела? Не надо вытягивать из меня слова клещами!

— Меня совершенно не интересуют ваши дела, — солгал я. — Просто я хочу вам помочь.

— Вы мне уже помогли, — ответила она тихо. — А если вы узнаете, что случилось, то сразу пожалеете, что встретились со мной.

— А чего жалеть? — ответил я и пожал плечами. — Я встретился с вами не по своей воле.

— Все почему-то ополчилось против меня! — вдруг с жаром заговорила Лера и, растопырив пальцы, взмахнула руками. — Все хорошие, одна я плохая! И как это у них ловко получилось! Они чистенькие и добренькие, а я дрянь.

— За что ополчились? — приостановил я поток эмоций. — Вы что-то натворили?

— Я? Да ничего я не натворила!

— Но ведь что-то же случилось?

— Случилось, — глухим голосом ответила Лера и с ненавистью посмотрела прямо перед собой, словно увидела образ своего обидчика. — У Марко началась истерика... Попытка суицида... И все из-за этих idiotских записочек с пожеланиями. В общем, омерзительная история... — И она брезгливо поморщилась.

— Марко — это ваш приятель?

— Да какой он мне приятель! — отмахнулась Лера, пытаясь закурить. Она чиркала зажигалкой, трясла ее до тех пор, пока я не протянул ей мундштук автомобильного прикуривателя. — Это наш бывший начальник. Когда-то мы все работали в одной паршивой газетенке, а Марко был главным редактором. Газета прекратила свое существование, и мы разбежались кто куда. Можно, я открою окно? Мне так нужен свежий воздух.

— Марко решил пригласить вас всех к себе на дачу?

— Это даже не дача, а загородный дом. Он его недавно купил и решил похвастаться.

— Из-за чего же у него началась истерика?

Лера выждала недолгую паузу, стряхивая пепел в девственно чистую пепельницу.

— Сначала мы пили, вспоминали, как вместе работали. Потом, естественно, танцы при свечах, кто-то кого-то пытался увести в отдельную комнату, кого-то тошнило в туалете... В общем, все одно и то же. — Лера вздохнула, словно хотела сказать: как мне это уже надоело! — И вот, когда уже все устали, Марко предложил отныне собираться в таком составе ежегодно. А чтобы был стимул ждать следующей встречи, он придумал это развлечение: каждому написать что-то вроде пожелания...

— Пожелание кому?

— Всем. Все должны написать про всех. Но только анонимно.

— Что-то я никак не пойму смысла этой затеи, — признался я.

— Я тоже не сразу поняла, — ответила Лера. — Как бы то ни было, компания загорелась. Каждый поочередно выходил в отдельную комнату, где стоял компьютер, набирал текст, распечатывал страницу и, свернув ее в трубочку, опускал в пустую бутылку из-под шампанского.

— Ах, вот как! На компьютере!

— Конечно, — кивнула Лера. — Чтобы никто не догадался, кто автор. И вот в бутылке оказалось семь записок.

Голос у нее вдруг сорвался, она закашлялась и замотала головой.

— Марко при всех закрыл бутылку пробкой, — продолжала Лера, — и сказал, что теперь надо ее закопать. А через год, на новой встрече, выкопать, разбить и, зачитывая пожелания, поднимать тосты.

Мною завладело любопытство. Я уже совершенно забыл про ночь, темный лес и метель. Мыслями я был в незнакомом загородном доме, в большой комнате, освещенной свечами, и вокруг меня сидели статичные, как восковые фигуры, люди.

— Но закопать бутылку не удалось, — предположил я.

— К несчастью, — подтвердила Лера. — Видимо, Марко сорвал от любопытства узнать, что написали про него бывшие подчиненные. Он заперся у себя в комнате и разбил бутылку.

Я заметил, что Лера снова начинает волноваться. Она не знала, куда деть глаза. Говорить ей было трудно.

Я постарался ей помочь.

— Наверное, он прочитал о себе что-то очень нелестное.

Девушка с иронией усмехнулась, но улыбка тотчас превратилась в гримасу.

— Это написала не я! — произнесла она. — Хотя там все очень похоже на правду.

— Я бы очень хотел узнать, что он о себе прочитал...

Лера опустила руку в карман, потом в другой, вынула смятый лист бумаги и протянула мне. Я стал читать текст, отпечатанный на принтере.

<М>Прежде всего я хочу пожелать всем, чтобы за год у каждого прибавилось чувства собственного достоинства, чтобы мы перестали пресмыкаться перед человеком, кото-

рый когда-то вытирал о нас ноги. Я чувствую своим долгом плюнуть Марко в лицо, и была бы беспредельно счастлива, если бы это сделал каждый из нас. А еще у меня есть одна мечта — закопать этого подонка вместо бутылки, а через год собраться на его могиле и построить там большой общественный туалет. Это будет самым лучшим памятником в истории человечества. Марко! Тварь! Я до сих пор не могу забыть твои подслеповатые глазки, отвислые щеки, твои потные и липкие руки. Я помню твой омерзительный рыхлый животик, твою трусливую суету. Как ты боялся, что тебя увидят без штанов! Ха-ха-ха! Если бы ты знал, насколько ты гадок и противен! Меня тошнит только при одном упоминании о тебе. Я очень хочу, чтобы ты подох. Тебе нет места среди живых...<D>

Я поднял взгляд на Леру.

— Действительно, малоприятное пожелание. Значит, компания решила, что это написали вы?

— Да, — глухо ответила Лера, снова пытаясь закурить. У меня уже глаза начали слезиться от дыма.

— Марко сам отдал вам эту записку?

— Нет. Она была в его руке. В смысле, Марко тряс ею, когда у него начался истерический припадок.

Мне показалось, что Лера говорит не то, что думает. Она принялась терзать кольцо на пальце.

— Что значит истерический припадок? — уточнил я.

— Я написала совсем другое, — ушла от ответа Лера. — Так, общие слова и пожелания: всем здоровья, денег и счастья в личной жизни. А это (она кивнула на лист, лежащий у меня на коленях) написал кто-то другой. Но этот другой не признался. Ему легче было обвинить меня.

— Кроме вас, на вечеринке еще были девушки?

— Да. Жена Марко Ольга и еще две бабы.

— Выходит, кто-то из них написал эту записку?

— Уж, конечно, не мужчина, — ответила Лера. — Но Ольгу тоже можно исключить. Остаются Виолетта (она сидела у нас в отделе общественных связей) и Кира Карась из машбюро.

— Как вы думаете, кто из них это сочинил?

Лера ответила не задумываясь:

— Кика.

— Кто такой Кика? — уточнил я.

— Мы так Кирку Карась сокращенно называли. Марко постоянно клеился к ней. Ее, вообще-то, никто на вечеринку не приглашал. Она недавно из зоны вернулась, откуда-то вынюхала про мероприятие и сама приехала. Вот и отомстила за прошлое.

— Эту записку все читали?

— Конечно. Она по рукам ходила.

— Как же ваш Марко мог допустить, чтобы про него такое читали? Тем более, что он ваш бывший шеф? — удивился я.

Для Леры этот вопрос оказался самым трудным. Пряча глаза, она долго подыскивала нужные слова и беспрестанно тыкала кончиком сигареты в пепельницу.

— С ним что-то случилось? — допытывался я.

— Он был не в себе, — уклончиво ответила Лера. — И у его жены началась истерика. Я попыталась объяснить всем, что это ошибка, что писала не я, но... В общем, вечеринка безнадежно испортилась. Все вдруг на меня окрысились. Знаете, как мне стало обидно! Ничего не оставалось, как хлопнуть дверью и уехать.

— Вам стало обидно оттого, что был испорчен вечер, или оттого, что все подумали на вас?

Лера подняла на меня взгляд, полный укора.

— Оттого, что никто не заступился за меня. Я даже расплакалась. Никогда не думала, что у меня столько недоброжелателей. — Ну, что? — По моим глазам Лера пыталась определить, какой эффект произвел на меня ее рассказ. — Уже не хотите помочь мне?

— А чем я могу помочь вам?

— Представиться моим бойфрэндом.

— Кем, кем?

— Бойфрэндом, — повторила Лера. — Ну, так сейчас говорят. Это значит другом...

— Вы серьезно?

— А почему бы и нет? В конце концов, я имею право на чистую репутацию. Меня оклеветали, оболгали, и вообще, я понесла моральный урон.

— И теперь вы хотите сатисфакции?

— Да, хочу!

У меня в сознании прочно засел "стерлинг", лежащий под сиденьем "девятки". Уж не собирается ли она с его помощью очистить свою репутацию?

— Ну так как? Поехали?

— Я все еще с трудом представляю свою роль, — откровенно признался я. — Что, по вашему, я должен буду делать?

— Немножко побыть рядом со мной. Неужели это так трудно? С вашего позволения, я буду называть вас на "ты". Но только там, в доме. Вы не возражаете?

— Но ведь меня там не ждут.

— Ну, пожалуйста! Я вас очень прошу! — взмолилась Лера. — Пусть вас не волнует, что вы без приглашения. Мне там выделили комнату — разве я не могу привести туда своего бойфрэнда?

Это подростковое словечко в устах Леры звучало так нелепо, что мне стало смешно. Я сразу представил себя таким угловатым прыщавым юношей с наушниками на ушах и большим пузырем из жвачки на губах.

— Где этот дом? — спросил я и посмотрел через ветровое стекло вперед, где ровным счетом ничего не было видно.

— По главной улице до колодца, а потом направо. Увидите забор из красного кирпича. Это недалеко... — Наверное, она почувствовала, что слишком многим будет мне обязана, и принялась извиняться: — Вы меня, конечно, простите. Я не имею права ничего требовать от вас. Просто мне очень, очень плохо, и некому помочь. Я буду вам так благодарна...

— Вам придется пересесть в свою машину, — напомнил я, отпуская рычаг ручного тормоза.

Глава четвертая. Человек, который стонал в туалете

Дом Марко, в самом деле, был недалеко. Именно таким я его себе и представлял: тяжеловесный двухэтажный особняк из красного кирпича, лишенный каких бы то ни было архитектурных излишеств. Окна первого этажа защищены чугунными решетками с завитушками. По кирпичному забору тянется гирлянда фонарей, которые хорошо освещают фасад. Металлические ворота закрыты наглухо. Автомобили, припаркованные у забора, скрылись под тяжелыми снежными шапками и выдавали себя лишь торчащими из сугробов боковыми зеркалами.

Лера "моргнула" сзади фарами. Я не стал искать место для парковки и остановился посреди дороги как раз напротив калитки.

Лера тут же выскочила из своей машины раньше, чем я обернулся. Взяла она с собой "стерлинг" или оставила его под сиденьем, осталось невыясненным. Закинув спортивную сумку за спину, девушка решительно пошла по сугробам к забору, повязывая на голову платок с безумно яркими цветами.

— В чем вышла, в том должна и вернуться, — негромко объяснила она мне. Пока я думал над смыслом этого решения, Лера подошла к калитке и пнула ногой тяжелую металлическую дверь.

В моем распоряжении было всего несколько секунд. Делая вид, что намерен отцепить трос, я приблизился к "девятке", затем быстро приоткрыл дверь и провел рукой под водительским сиденьем. Странно, но "стерлинг" лежал на прежнем месте. Что ж, это намного лучше, чем если бы его здесь не оказалось.

Я пошел следом за Лерой. Было заметно, как она волнуется. Нет, не то слово. Она очень боялась возвращаться в этот дом. Но в ее движениях угадывалось стремление ка-

заться сильной и храброй. Чем страшнее ей становилось, тем сильнее она старалась походить на супервумен. Но вся жалкая начинка Леры выпирала настолько явно, что смотреть на девушку без сострадания было невозможно.

— Где же вы? — прошептала она, заходя во двор. — Идите за мной! Не отставайте!

Я понимал, насколько нелепым и смешным обещает быть возвращение Леры в компанию, которая вылила ей на голову ведро помоев и выставила за дверь. Но остановиться не мог. "Стерлинг" никак не выходил из моей головы. Пистолет был единственным объектом в этой истории, с которым следовало считаться.

— Я их сейчас... — заговорила Лера, но вдруг из-под лестницы раздался свирепый лай цепного пса. Девушка негромко ахнула и стала оседать мне на руки. Я сначала подумал, что она всего лишь играет, с юмором изображая испуг. Но Лера оседала все ниже и обязательно растянулась бы на полу перед дверью, если бы я не схватил ее под мышки. Она была в полной отключке.

Видимо, у моей тщедушной мстительницы нервы были так напряжены, что внезапный лай собаки лишил ее сознания. Мне ничего не оставалось, как взять девушку вместе с ее сумкой на руки и стукнуть в дверь ногой.

Прежде чем дверь открылась, я стукнул еще раза два или три. Тот, кто открыл, предусмотрительно надел цепочку. В узком проеме показалось лицо худощавого мужчины, бритого почти наголо, с длинными, опускающимися на подбородок усами. На нем был темный свитер с плотно облегающим горло воротником.

— Что нужно? — хриплым голосом спросил он.

Я решил, что это и есть хозяин дома Марко.

— Это ваша Лера, — сказал я, приблизив безжизненное лицо девушки ближе к проему. — Возвращаю.

Мужчина что-то проворчал, снял цепочку и распахнул дверь. Я увидел продолговатый сумрачный коридор. Немолодая дама в крупных очках пристально смотрела на меня из-за спины хозяина.

— Куда ее можно положить? — спросил я, понимая, что своим появлением с Лерой на руках озадачил обитателей дома, и они растерялись.

— Идемте, — сказал хозяин и пошел в темноту коридора.

Дама в очках словно нехотя уступила мне дорогу. У нее была короткая стрижка, а очки закрывали добрую часть лица. На ее шее висели многочисленные деревянные бусы, а пальцы украшали тяжелые серебряные перстни. Дама держала в руке сигарету в длинном мундштуке и лзвительно улыбалась.

— А я предупреждала, что Барби еще устроит нам сладкую жизнь, — сказала она низким, почти мужским голосом. — Вот только зачем заносить ее в дом?

— А что, оставлять на морозе? — не оборачиваясь, риторически спросил хозяин.

— Почему бы и нет? — пожала плечами дама.

Я прошел мимо нее, уловив крепкий запах горьких духов. Хозяин остановился у двери, распахнул ее и зажег свет.

— Сюда, — пригласил он.

Я зашел в маленькую комнату, в которой из мебели были лишь диван, платяной шкаф и тумбочка. В этот момент Лера пришла в себя. Не знаю, насколько быстро она сообразила, где находится, но лечь на диван отказалась категорически.

— Отпусти! — крикнула она и стала махать ногами.

Я едва ее не выронил. Лера стукнула каблуками о пол и широко расставила ноги, чтобы удержать равновесие.

— Так она жива? — без особого удивления произнесла дама, появившаяся в дверях, и стала с откровенным любопытством рассматривать меня.

— Прикройте дверь, — попросил я хозяина.

Он попытался выполнить мою просьбу, но дама, как ни в чем не бывало, продолжала стоять на пороге.

— Отойдите, пожалуйста, — сдержанно попросил ее хозяин.

Улыбаясь, она выпустила ему в лицо струйку дыма и с видом большого одолжения сделала шаг назад.

Когда хозяин закрыл дверь, Лера села на диван. Она была еще очень бледна и не могла поднять голову. Хозяин подошел к тумбочке, взял с подоконника бутылку минералки, плеснул в стакан и присел перед Лерой.

— Очухалась? — спросил он и покачал головой. — Лучше бы ты не возвращалась. Выпей, дура, водички!

Он поднес стакан к губам девушки. Лера ударила его по руке, минералка выплеснулась, несколько капель попало мне на лицо. Мне показалось, что хозяин сейчас даст ей пощечину. Я потянул его за ворот свитера, заставляя встать, и толкнул к двери. Он не сопротивлялся, безвольно задевая углы. Когда мы оказались с ним в коридоре, я прислонил его к стене и спросил:

— Ты как себя чувствуешь?

— Прекрасно, — ответил хозяин, глядя мне в глаза.

— Смотри мне! — погрозил я ему пальцем. — Чтобы никаких истерик!

Хозяин, часто моргая, начал вдруг негромко хихикать. Пришлось мне легонько ударить его в солнечное сплетение. Он замолк, скрестил руки на груди и посмотрел на меня в упор.

— А ты кто такой?

— Бойфренд, — ответил я и хлопнул хозяина по плечу. Тот от удара присел и снова то-ненько захихикал.

Я оставил его в покое, повернулся и пошел к выходу, убежденный в том, что свою миссию выполнил. Дойдя до двери, я надавил на ручку, но дверь не поддавалась. Я стал искать задвижку или шпингалет, но дверь, оказывается, была заперта на замок, а ключа в замочной скважине не было.

На всякий случай я двинул по двери ногой и обернулся, чтобы спросить у хозяина, где ключ. Но хозяин, встретившись со мной взглядом, быстро юркнул в какую-то дверь и заперся.

Пришлось возвращаться в коридор.

— Марко, — многообещающим тоном произнес я, вежливо постучав в дверь. — Похорошему тебя прошу, открой!

Из-за двери не раздавалось ни звука. Я ударил по ней кулаком. Дверь жалобно за-скрипела.

— Марко, тебе дрова нужны? Сейчас сделаю! — пообещал я.

— Не надо, — донесся до меня приглушенный голос хозяина. — Я сейчас... Минуточку подожди...

— Нет, ты мне не нужен. Дай ключ, и сиди там, сколько хочешь.

— У меня нет ключа, — после недолгой паузы ответил хозяин, затем он закашлялся и, словно от невыносимой боли, застонал: — О-о, Господи... Господи... О-о-о...

Глава пятая. Ага, самоубийство!

Я с растерянным видом почесал щетину на щеке и пошел к винтовой лестнице, ведущей наверх. На ступеньке второго этажа сидела девушка в безумно короткой юбке и сучающими глазами смотрела на стену. Коротенький "ёжик" на ее голове был огненно-рыжим, почти красным, отчего девушка напоминала клоуна в гримерной. Она медленно поднесла к губам сигарету, глубоко затягивалась и при этом сильно морщила лоб. Я сразу заметил на ее запястье татуировку в виде браслета и спросил:

— Кика?

Девушка затушила окурок о ступеньку и подняла на меня недоброжелательный взгляд.

— Для кого Кика, а для кого Кира Анатольевна.

Я сел рядом с ней.

— Кира Анатольевна, — я вынул из кармана уже изрядно помятое "пожелание". — Неужели Лерка могла написать такую хренотень? "Плюнуть в лицо", "тварь"... Да она и слов таких не знает.

Не поворачивая головы, Кика мельком глянула на записку и отвела глаза.

— А ты кто? Леркин адвокат?

— Нет. Я ее бойфренд.

Кика с пониманием кивнула и посмотрела на меня оценивающе.

— Неплохо. Никогда бы не подумала.

— Я сам удивляюсь. И все-таки, ты уверена, что это писала Лера?

— Не уверена, — ответила Кика. — Но подписалась бы под этим с удовольствием.

— Так, может быть, это ты написала?

— Нет, не я.

— А кто?

Кика пожала плечами.

— Может, Лерка. А может, Виолетта.

— А за что Марко Леру ненавидит? — спросил я. — Дурой обзывает.

— Ненавидел, — поправила Кика и как-то странно взглянула на меня.

— А что, сейчас любит? — не понял я.

— Сейчас он всех любит, — усмехнувшись, ответила Кика.

Я встал и посмотрел на огненную голову Кики сверху. Голова была почти идеально круглая и напоминала закатное солнце. Мне вдруг все надоело: и Лера с запотевшими очками, и обиженный Марко, орущий от боли в сортире, и красноголовая Кика, и Виолетта с мундштуком. А также их глупые записочки с пожеланиями. На волю! В лес! Где стоят величественные ели, весело кружат снежинки, и воздух пахнет арбузами. Быстрее домой!

— Ты не подскажешь, у кого ключи от входной двери? — спросил я. — Ломать не хочется.

— Здесь Ольга командует парадом, — ответила Кика и зевнула.

— И где эту командующую парадом можно найти?

Кика кивнула на двухстворчатую дверь с матовыми стеклами, которая находилась за ее спиной.

Я распахнул обе створки сразу и увидел перед собой большой стол с остатками пиршества. Догорали свечи, засыхали тарелки и вилки, прямо на глазах теряли привлекательность салаты. У камина, в котором едва теплилась жизнь, сидела изящная блондинка с красными, как у альбиноса, глазами. Ее длинные и совершенно прямые волосы спадали на обнаженные плечи. К черному бархатному платью прилип мелкий мусор: обрывки ниток, пух и бумажки. Блондинка прижимала к носу платок и смотрела на меня очень светлыми глазами с черными точками-зрачками. В этом взгляде было что-то змеиное.

— Вы Ольга? — спросил я.

Блондинка ничего не ответила, не кивнула и даже платок от носа не отняла. Видимо, таким способом она сдерживала остатки истерики. В ее глазах аспыхнула настороженность.

— Вы кто? — гнусавым голосом спросила она.

— Старший техник эвакуационной группы, — ответил я. — Доставил вашу Леру вместе с ее машиной. Квитанцию подписывать вы будете?

— Сволочь, — с хрипотцой произнесла Ольга.

— Кто? — не понял я.

Ольга высморкалась и, наконец, отняла платок от носа. Нос, как и глаза, тоже был красным.

— Зачем вы привезли сюда эту гадину? — спросила она.

— Служебный долг превыше всего.

— Меня не волнует, что для вас превыше всего. Я поклялась, что она никогда не преступит порог моего дома!

Я развел руками, мол, про клятву слышу первый раз в жизни.

— Может быть, вы слишком категоричны, — осторожно возразил я. — Я, конечно, не знаю всех тонкостей, но...

— Не знаете, так молчите! — перебила Ольга, встала с кресла и швырнула мокрый платок в камин. — Я была бы вам очень благодарна, если бы вы увезли эту тварь туда же, где подобрали!

— Прежде я хотел бы сам выйти из вашего дома.

— Я вас не задерживаю, — холодно произнесла Ольга, подошла к столу и налила в бокал красного вина.

Я продолжал стоять на пороге комнаты.

— Что еще? — нервно спросила она.

— Дверь заперта на ключ, — ответил я.

— Ключ должен быть в двери.

— Если его можно увидеть невооруженным глазом, то в двери его нет. И ваш муж сказал...

— Что?! — Ольга круто повернулась ко мне лицом. В ее глазах застыл испуг.

— Я хотел сказать, — медленно произнес я, — что ваш муж тоже не знает, где ключ.

Ольга смотрела на меня широко раскрытыми глазами. Бокал выпал из ее руки и грохнулся на стол.

— Вы что? — шепотом произнесла Ольга. — С ума сошли?

Я почему-то неуверенно пожал плечами.

— Вы... — лепетала Ольга. — Вы... Вы говорите неправду. Вы не могли видеть моего мужа... Зачем вы издеваетесь надо мной?

Благоразумие подсказало мне, что лучше промолчать. На всякий случай я стал пятиться к двери. С удвоенной силой мне захотелось выбраться из этого идиотского дома, нырнуть в уютный салон своего джипа, врубить музыку на полную мощь и помчаться сквозь метель по заснеженной дороге.

Ольга, продолжая надвигаться на меня, выдавила меня за пределы зала. Как только я оказался у лестницы, она с силой захлопнула обе створки двери перед самым моим носом.

— Не дала? — спросила меня Кика, увидев мой растерянный вид.

— Ты о чем? — не понял я.

— О ключе.

— Нет у нее никакого ключа, — печальным голосом пробормотал я. — Нет, так нет. Будем ломать. Эх, раззудись плечо!

Кика встала со ступени, отряхнула и одернула юбку. Она оказалась низенькой и едва доставала мне до подбородка.

— А тебе дрова не нужны, Кира Анатольевна? — спросил я, не зная, почему именно с этой бывшей зечкой мне хочется говорить доверительно. — Дубовые, высший сорт.

— Можно просто Кика, — разрешила девушка.

— Ты не знаешь, почему Ольга так странно отреагировала, когда я сказал про ее мужа?

— А что ты сказал про ее мужа? — уточнила Кика, перегнулась через перила и сплюнула в пролет.

— Да ничего особенного. Сказал, что мы с ним очень мило поговорили...

— Тише! — перебила меня Кика и приложила палец к губам. — С кем это ты мило поговорил? С Марко?

— Ну да, с хозяином.

— И как давно?

— Минут двадцать назад! — Я показал Кике ладонь. — Вот, пыль от его свитера осталась.

Кика криво усмехнулась.

— Ты мог говорить с кем угодно, но только не с Марко.

— Почему? — удивился я.

— Сейчас узнаешь, — пообещала Кика, снова посмотрела вниз и, поманив меня за собой, стала медленно подниматься на мансарду.

Я пошел за ней, стараясь, как и девушка, не греметь тяжелыми ботинками по ступеням. Лестница уперлась в дверь. Кика вытянула из-за пояса юбки край кофточки, накинула его на ручку и только после этого нажала на нее.

Дверь беззвучно распахнулась. Кика не стала переступать порог, отошла в сторону, чтобы я мог вволю полюбоваться зрелищем.

Я понял, что мне посчастливилось лицезреть самый интересный объект в этом доме. Моему взору открылась узкая комната под скошенным потолком. Кровать, смятая по-

стель, журнальный столик с ополовиненной бутылкой водки и пустым бокалом, опрокинутое вверх ногами кресло, куски битого бутылочного стекла. И лежащий на полу в луже крови мужчина.

— Вот это и есть Марко, — тихо сказала Кика.

Я понял, что ошибся, приняв за хозяина усатого.

— А Лера говорила, что у него истерика, — произнес я. — Ничего себе истерика! Значит, он покончил с собой...

— Ага, покончил, — кивнула Кика, ногой закрывая дверь, и стала спускаться вниз. На середине пролета она остановилась и повернулась ко мне. — Только после самоубийства он куда-то пистолет спрятал — до сих пор найти не можем.

Глава шестая. Когда прогремел выстрел

В первое мгновение я не понял, что она от меня хочет. Кика крепко схватила меня за руку и потянула вниз.

— Быстрее! — шептала она.

Как я ни старался, не мог предположить, что же могло обратить Кикку в бегство. Мы свернули в коридор и побежали в его конец. Там Кика открыла торцевую дверь и затолкала меня в маленькую комнату с мягкими коврами, которые лежали и висели повсюду. Закрыв за собой дверь, она перевела дух.

— Кого ты так испугалась? — спросил я.

Она коснулась пальцами моих губ и минуту вслушивалась в тишину.

— Она запретила подниматься на мансарду, — тихо сказала она. — Боятся, что до прихода милиции мы смажем следы.

— Кто? Ольга?

Кика кивнула.

— Вот что, — негромко произнес я, обнимая девушку за плечи и отводя ее от двери. — Расскажи мне, как это случилось с Марко?

— А разве тебе Лера не рассказала? — ревниво удивилась Кика.

— Рассказала, да я был пьян и слушал невнимательно.

— Ага, — ответила Кика, недоверчиво посмотрев на меня. — С трудом верится.

— Ты первой нашла труп? — спросил я.

— Я? — воскликнула Кика. — С чего ты взял?

— Тропинку на мансарду уже протоптала.

— Это тебе так кажется! — заверила меня Кика. — Просто мне доставляет удовольствие смотреть на мертвого Марко.

— Чем же он тебе так насолил при жизни?

— Долгая история. А ты любопытный! Сразу после выстрела мы впятером побежали на мансарду.

— А когда вы услышали выстрел? — спросил я, осматривая оконную раму — можно ли ее выбить и прыгнуть вниз?

— Когда сидели в гостиной.

— Это там, где накрыт стол? Выходит, в момент выстрела за столом сидела вся компания?

Кика старательно раскуривала сигарету и молчала.

— Вся? — повторила Кика и зачем-то посмотрела на потолок. — Нет, не вся. Была Ольга. Была Виолетта. Дворник...

— Какой дворник?

— А здесь дворник есть. Кажется, его зовут Клим... Не помню точно...

— Он был с вами весь вечер?

— Нет, — отрицательно покачала головой Кика. — Его Марко пригласил рюмку выпить и пожелание написать.

— Значит, в момент выстрела за столом сидели трое?

— Нет! — ответила девушка, вынула сигарету изо рта и стала рассматривать уголек. — Первый раз такую гадость курю! Не табак, а сырые опилки!

— А кто еще был?

— Я была. Правда, когда прозвучал выстрел, я на лестнице курила. Но уже через полминуты была в гостиной.

— А Лера в это время где находилась?

— Не знаю! — равнодушно пожала плечами Кика. — Говорит, что лежала на диване у себя в комнате... Но она врет. Плосконос видел, как она по лестнице с мансарды сбегала.

— Плосконос?

— Да, — ответила Кика и скорчила гримасу, мол, это мелкая сошка, о которой много знать не обязательно. — Работал у нас когда-то фотокором.

— Лысый, с усами? И очень жизнерадостный?

— Правильно, лысый и жизнерадостный.

— Выходит, Плосконос находился недалеко от мансарды, раз видел, как Лерка оттуда сбегает?

— Со мной рядом он курил! — с вызовом ответила Кика. — А как прогремел выстрел, я пошла в гостиную. А Плосконос немного задержался и увидел Лерку.

— Ты уверена, что он не ошибся?

— Да ты лучше у своей Лерки спроси, где она была, когда прогремел выстрел! — рассерженно крикнула Кика. — Чего меня пытаешь? Нашел стукачку...

— Эта Лерка скорее твоя, чем моя. И мне равным счетом наплевать, что у вас здесь произошло... Стой же спокойно!

— Да пошел ты! — огрызнулась Кика и толкнула меня в грудь. — Ты что, вертухай, чтобы указывать мне, где стоять?

Глава седьмая. А штаны-то дырявые!

Я только собрался посадить Кику в кресло и выяснить у нее, есть ли в доме черный ход, по которому можно выбраться во двор, как вдруг услышал истошный женский крик.

— А у вас тут не соскучишься, — оценил я.

— Ты о чем? — не поняла Кика.

— Разве ты ничего не слышишь?

— А что я должна слышать? — пожала плечами Кика.

Крик на несколько секунд замолк, затем переродился в стоны и ругательства. Кика хлопала глазами, продолжая делать вид, будто ничего не слышит. Я же не смог устоять на месте и кинулся в коридор. Девушка тенью увязалась за мной. За дверью я едва не сбил с ног Плосконоса. Он был очень взволнован, нервно тербил усы и тяжело дышал.

— Вы слышали? — спросил он.

— Где это? — спросил я.

— На первом этаже... По-моему, это был голос Виолетты.

— А мне показалось, что Леры, — вставила из-за моей спины Кика.

Я быстро пошел к лестнице, но Плосконос меня обогнал и, грохоча ботинками, побежал по ступенькам вниз. Коридор первого этажа был погружен в непроглядный мрак.

— Кто кричал? — грозным голосом спросил он, крепко держась за перила.

— Дай зажигалку, — попросил я у Кики.

Пока Плосконос храбро лаял в темноту, я приблизился к входной двери, открыл крышку электрического щитка и включил все рубильники, которые нашел. В коридоре вспыхнули настенные бра.

— Это вы тут голосили? — спросила Кика женщину, которая вместе с Плосконосом встречала нас с Лерой на пороге дома. Одну руку она прижимала к уху, другой держалась за стену. Женщина тихо стонала и бормотала ругательства.

— Виолетта! Что с вами? — испуганно произнес Плосконос.

— Не спрашивайте, — простонала Виолетта. — Кира, что у меня там вместо уха?

— Вроде, ничего, — сказала Кика, осматривая ухо женщины. — Немного посинело...

— Как грубо! Как грубо! — причитала Виолетта. — У меня в комнате погас свет. Я выглянула в коридор, а там тоже темно. Я только открыла рот, чтобы позвать кого-нибудь, а

он как поперет на меня танком... Голубушка, у тебя не найдутся сигареты? Я свои в комнате оставила.

— Что за шум? Что здесь случилось? — услышал я за своей спиной голос Ольги. Молодая вдова спускалась по лестнице. Она была бледна, как смерть, и все же старалась держаться достойно хозяйки особняка.

— Ничего! — махнула рукой Виолетта, выпуская дым сигареты под потолок. — Сущий пустяк. Мне дали по голове, и я ударилась о дверной косяк.

— Кто-то выключил свет в коридоре, — сильным голосом стал объяснять Плосконос, но Ольга, обведя всех взглядом, увидела меня.

— Вы еще здесь? — спросила она с явным неудовольствием.

— К сожалению, — ответил я. — Еще не придумал, как мне выйти из дома, чтобы не нанести вам материального ущерба.

— Кто взял ключ? — спросила Ольга.

Молчание. Виолетта пожала плечами. Кика уставилась на картину, висящую на стене. Плосконос развел руками и отрицательно покрутил головой.

— А где эта... — спросила Ольга, снова оглядывая всех. — Где эта дубина стоеросовая? У нее спрашивали?

Она имела в виду Леру, и все это поняли. Плосконос попытался объяснить Ольге, что Леру внесли в дом на руках, и она никак не могла незаметно вытащить из двери ключ, но хозяйка не стала его слушать.

— Разбирайтесь сами! — сказала она, поправляя пуховой платок на плечах. — И не кричите, пожалуйста, как идиоты. В доме траур. Я прошу вас проявить хоть немного сострадания ко мне... — И с этими словами пошла наверх.

Виолетта уже почти пришла в себя, и ее потянуло на общение. Она приблизилась ко мне и, глядя на меня сквозь тонированные стекла очков, проговорила:

— А вы, значит, никак не можете вырваться на улицу? Вот вляпались, да? На минутку зашли, а мышеловка — шлёп! Да вы не торопитесь. У нас тут хорошо. Правда, иногда можно по ушам ни за что схлопотать... — И она громко рассмеялась низким хриплым голосом.

— Неужели ни за что? — уточнил я, кидая взгляды на входную дверь. Если разыскать пожарный инвентарь, то при помощи ломика я легко сниму эту дверь с петель и даже не испорчу замок.

— Ну-у, — протянула Виолетта. — Я, конечно, имела в виду не себя. Я-то знаю, за что пострадала... Неужели Кика вас не просветила на этот счет? Странно, странно. Она у нас главный информатор. Всегда знает про всех всё... Когда Марко, так сказать, распрощался с жизнью, и мы все поднялись на мансарду, я первым делом посмотрела на его руки... Понимаете, о чем я говорю?

— Не совсем, — признался я, так как в этот момент думал о пожарном щите.

— В его руке была только Леркина записка. Но не запиской же он себе голову прострелил, правда?

— Запиской это сделать очень трудно, — согласился я.

— Стали искать пистолет, — продолжала Виолетта, приблизившись ко мне так, словно мы ехали в метро в час пик, — а пистолета нет. На полу только наши записки валяются. А я тортилла мудрая. Знаю, что эти записки с милыми пожеланиями в лучшем случае будут немедленно съедены авторами. И доказывая потом, что я не верблюд, что я не желала Марко зла.

Виолетта оглянулась. Пепел с ее сигареты упал мне на ботинки.

— Я, не будь душой, сгрэбла все записки с ковра и заявила, что отдам их только милиции. Все, конечно, издали одобрительное мычание. Но это они только там мычали и бляли. На самом деле каждый мечтает выкрасть у меня свою записку, сжечь ее, пепел растворить в водке и все это выпить.

— Зачем? — недоуменно спросил я.

Виолетта, попыхивая сигаретой, усмехнулась.

— Ну что вы прикидываетесь телеграфным столбом? Когда они сочиняли свои паскудные пасквили, то думали, что Марко прочтает пожелания в лучшем случае через год.

причем, в гордом одиночестве. А как судьба пошутила над ними, а? Хотели показать Марко кукиш в хармане, а штаны-то у всех оказались дырявыми. Испугались, овечки бритые!

— А чего бояться-то? Марко ведь уже мертв.

— Да, — кивнула Виолетта, глянув на меня, как на дурачка. — Марко уже мертв, его бояться не надо. Теперь надо бояться следователя. Это нас Олюшка просветила. Она у нас уголовный кодекс наравне с Библией читает. Статья сто десятая. Доведение до самоубийства. Лишение свободы до пяти лет... Посмотрите, у меня ухо еще держится?

— Держится, — успокоил я женщину. — Чем это вас? Кулаком?

— Нет! — покачала Виолетта головой. — Он меня, вообще-то, не ударил. Он ко мне в комнату ломился. А я же девушка не из робкого десятка. Как закричу. Грудь вперед. Ногти в лицо. Он меня оттолкнул, и я об косяк...

— Вы говорите, это был он?

— Он — в смысле злодей, — поправила Виолетта и коснулась большого деревянного кулона на груди. — Может быть, это была представительница прекрасного пола. Может быть. Но запаха духов я не почувствовала. А по духам я с завязанными глазами определю, кто есть кто. Вашу Леру я исключаю сразу. И не только потому, что она не пользуется духами. Лера единственная, кто забрал свою записку. Ей от меня уже ничего не надо.

— Вы уверены, что она взяла свою записку? — Я сделал ударение на слове "свою".

— Ой, ой, ой! — замахала руками Виолетта и едва не задела мое лицо. — Не задавайте компрометирующих вопросов. Я ни в чем не уверена. Это не мое дело. Приедет милиция и во всем разберется. А я постараюсь сохранить улики.

— Вы смелая женщина.

— Спасибо, золотой мой! Спасибо...

Она вдруг изменилась в лице и резко отшатнулась от меня.

— Что-нибудь не так? — спросил я и машинально посмотрел на подошвы своих ботинок.

— Не так, — подтвердила Виолетта, продолжала медленно пятиться от меня.

Мне стало неловко, и я на всякий случай обнюхал рукава своей куртки.

— Вам, наверное, что-то показалось, — предположил я, желая возродить наш доверительный разговор.

— Ага, — кивнула Виолетта. — Показалось... Не вздумайте ко мне приближаться. Я выцарапаю вам глаза.

— Вы меня с кем-то путаете.

— Милиция разберется, с кем я вас путаю. И как это вы сразу нашли щиток, где свет включается?

Виолетта поравнялась с дверью своей комнаты. Не сводя с меня глаз, сняла с шеи шнурок с ключом, открыла дверь и быстро скрылась в комнате. Щелкнул замок.

Я еще раз обнюхал себя, пожал плечами и решительно направился по коридору в поисках выхода из этого дурдома. У торцевого зарешеченного окна коридор уходил вправо и оканчивался ступенями, ведущими в полуподвал. Я спустился вниз и открыл деревянную дверь с ажурной резьбой и цветными витражными стеклами.

Это была кухня, обставленная дорогой мебелью со встроенной техникой. Прикрыв дверь и не зажигая света, я подошел к окну. Прекрасно! Верхняя половина окна едва возвышалась над сугробами. Из него можно было выбраться незаметно и не привлечь внимание дворника, если вдруг тот случайно окажется неподалеку.

Я взобрался на разделочный стол, сдвинул ногой кастрюли и банки с крупами, и стал открывать шпингалет. От фонарей, освещающих двор, в кухню проникало достаточно света, но у шпингалета была какая-то замысловатая конструкция, и мне никак не удавалось сдвинуть медную задвижку вниз. Когда у меня уже лопнуло терпение, и я решил сбить шпингалет топориком для разделки мяса, за моей спиной раздался протяжный вздох.

Я обернулся. На пороге стояла Лера. Я с трудом ее узнал. Что значит одежда для женщины! Сняла свою громоздкую шубу и изменилась неузнаваемо. Сейчас она была в длинном голубом платье с глубоким вырезом на бедре. Я знал толк в женской красоте и вынужден был признать, что фигура у Лерки превосходная.

— А что вы здесь делаете? — спросила она.

Я с усилием вернулся к своему занятию и, не оборачиваясь, попросил:

— Дверь закрой.

Она закрыла дверь и беззвучно приблизилась ко мне. Шпингалет никак не хотел поддаваться моим усилиям. Я отряхнул руки и спрыгнул со стола.

— Как вы думаете, — спросила Лера, поворачивая голову из стороны в сторону, чтобы я лучше рассмотрел ее прическу, — мне лучше с хвостиком или без хвостика?

Я подбоченился и стиснул зубы.

— А ну, распусти волосы!

Лера тотчас стянула резинку и тряхнула головой, чтобы волосы рассыпались по плечам.

— Нет, с хвостиком лучше, — заверил я и крепко взял девушку за локоть. — Что ты за мной ходишь? Что тебе от меня надо?

— Мы же договорились, — пожав плечами, ответила Лера. Бледный свет фонаря падал на ее лицо, и я улавливал малейшие движения ее губ и глаз. — Вы же обещали...

— Да, я обещал, — перебил я ее. — Я обещал, что буду с тобой рядом и не позволю Марко разговаривать с тобой грубо. Но ведь ты обманула меня! Ты не сказала, что Марко мертв!

— Если бы я сказала об этом, вы бы не поехали сюда, — стала оправдываться Лера. — Я думала: вот сейчас я наберусь смелости и скажу, что Марко убит, и Ольга подозревает меня в убийстве. И представила, какими страшными глазами вы на меня посмотрите. Как на убийцу! А разве приятно, когда на тебя смотрят, как на убийцу!

— А разве ты его не убивала? — прямолинейно спросил я.

— Что вы! — шепотом произнесла Лера и покрутила головой. — Конечно, нет!

Я не замечал, что мои пальцы все сильнее сжимают руку девушке, и ей становится больно.

— Знаешь, девочка, — произнес я, — никак не могу поверить тебе.

— Ну, вот, — дрогнувшим голосом ответила Лера, и мне показалось, что глаза ее заблестели. — И вы тоже...

— У тебя есть пистолет? — быстро спросил я.

Лера судорожно слотнула и снова покрутила головой. "Стерлинг" под сиденьем "девятки" был серьезным козырем, но я не спешил пустить его в ход. Девочка должна была заврататься, запутаться и сама завести себя в тупик.

— Что ты делала на мансарде, когда раздался выстрел? — задал я второй вопрос, приблизившись к Лере почти вплотную. Теперь я сам себе напоминал Виолетту, которая таким образом обнюхивала меня.

— На какой мансарде? — пролепетала Лера, сглатывая слезы.

— Где комната Марко!

— Когда раздался выстрел? — уточнила она и уже раскрыла рот, чтобы еще что-то сказать, как я услышал за дверью крадущиеся шаги. И едва успел закрыть Лере рот ладонью.

Глава восьмая. Барби

Мы замерли. Я прислушался к осторожным шагам. Сомнений быть не могло: кто-то намеревался незаметно проникнуть на кухню. Мы с Лерой нырнули под стол. Лере было трудно стоять на корточках в плотно облегающем платье, и она села на кафельный пол, вытянув ноги. Я позволил ей опереться о мое плечо. Мы перестали дышать и устались на входную дверь.

Край стола не позволял видеть вошедшего в полный рост, но вызывающе короткая юбка и потертые остроносые туфли со сбитыми каблуками выдали Кику. Девушка на некоторое время застыла на пороге, словно определяла, насколько безопасно ей заходить в темную кухню. Затем тихо прикрыла за собой дверь, заперла ее на задвижку и медленно пошла вдоль столов. Сделав круг, она приблизилась к нам и остановилась перед столом. Ее ноги были так близко, что я мог без труда пощекотать ее под коленкой.

Я взглянул на Леру. Моя подруга от напряжения покусывала губы. Глаза ее были широко раскрыты, словно девушка была готова увидеть какое-то ужасное зрелище.

Раздался тихий стук, затем звякнула посуда. Кика наступила на световое пятно и встала на цыпочки. Наверное, она пыталась достать какой-то предмет с полки. Никогда еще я не рассматривал ноги малоизвестной девушки так откровенно, но не потому, что они меня слишком интересовали. Просто они находились перед самыми моими глазами, и заполнили собой все поле моего зрения. Медленно, на цыпочках, Кика потом подошла к плите, постояла рядом с ней несколько секунд, о чем-то напряженно думая.

Лера коснулась губами моего уха и едва слышно шепнула:

— От вас нафталином пахнет... Как от Плосконоса.

Прежде чем я закрыл ей рот ладонью, она успела добавить:

— Вы что, в одном шкафу с ним прятались?

Нашла время говорить про запахи. И все же это интересное открытие — оказывается, от меня, как и от Плосконоса, пахло нафталином. Наверное, я нахватался от него этой вони, когда прижимал его к стене.

Кика повернулась и пошла к двери, но посреди кухни остановилась и вдруг опустилась на корточки. Теперь я видел ее всю. Девушка держала в руках керосиновую лампу. Вот что ей понадобилось! Наверное, она предусмотрительно запаслась источником света на тот случай, если кто-то снова вырубит электричество.

Но Кика собиралась использовать керосинку для других целей. Я смотрел на нее и не мог понять ее манипуляций. Сидя на корточках, девушка осторожно сняла стеклянную колбу, положила ее рядом с собой и покачала лампу, определяя, много ли в ней керосина. Затем стала свинчивать форсунку. Ей не хватало сил, рука скользила, Кика сердито сопела. Дальнейшие ее действия вообще невозможно было объяснить логически. Кика вылила чуть-чуть керосина на пол, отставила лампу в сторону и, чиркнув зажигалкой, попыталась поджечь маслянистую лужицу. Пламя зашипело и погасло. Кика чиркнула еще раз. Тот же результат. Я видел, как девушка нервничает и злится. Я ничего не понимал. Допустим, керосиновая лужица вспыхнула бы, как спирт. И что дальше? Зачем Кика это делает? Она пытается спалить кухню? Но проще было бы зажечь конфорку и поднести к ней край шторы.

Лера многозначительно взглянула на меня, словно хотела сказать: вот, мол, какие тут дела творятся, а ты на меня бочку катишь! Странное поведение Кики мне еще ни о чем не говорило, но наступил удобный момент, чтобы вылезти из-под стола в роли охотника, а не загнанного в западню зверя. И, конечно, грешно было не воспользоваться случаем взять Кикку "на пушку".

Когда девушка в четвертый раз поднесла к керосину зажигалку, я выполз из-под стола и спокойно проговорил:

— Это не так делается. Керосин сам по себе не горит.

Эффект от моего появления был просто поразительным. Кика сразу потеряла дар речи и лишь негромко вскрикнула. Зажигалка выпала из ее руки. Глядя на меня сумасшедшими глазами, она попятилась, но вскоре уперлась в стену. Полагая, что я сейчас буду ее убивать, Кика выставила вперед руки и, едва ворочая языком, произнесла:

— Не подходи...

— Спокойно, — сказал я, присаживаясь на сервировочный столик. — Не надо кричать. Я тебя пальцем не трону. Но ты должна во всем признаться.

— В чем признаться? — эхом отозвалась Кика.

Тут некстати за моей спиной выросла фигура Леры. Появление столь одиозной личности, обвиненной во всех смертных грехах, вызвало у Кики прилив чувства собственного достоинства. Она стала быстро приходить в себя, и я понял, что потеряю власть над ней до того, как она признается в своем несуразном поступке.

— Нам все известно! — попытался надавить я. — Признайся сама, лучше будет! Зачем тебе понадобилась лампа?

— Чтобы разбить ее о твою голову! — огрызнулась Кика. — Ты меня напугал!

— Зачем ты пыталась поджечь керосин? — уже без всякой надежды атаковал я.

— Холодно стало! А вы, значит, засаду тут организовали?

— Да, — ответил я сквозь зубы. — Мы организовали здесь засаду. И ты, кукушка, попалась.

— Никуда я не попалась, — хмыкнула Кика и, мстительно улыбнувшись мне, пошла к двери.

В моей "пушке", на которую я собирался брать Кикю, оставался последний снаряд, и я не преминул выпустить его.

— Смотри, как это делается! — сказал я, когда девушка уже взялась за дверную ручку.

Она обернулась. Я присел перед лужицей керосина, намочил в ней обрывок газетной бумаги, и поднес к нему зажженную спичку. Обрывок вспыхнул ярко-красным пламенем, на некоторое время осветив кухню.

В глазах Кики мелькнула искра настороженной подозрительности, будто я догадался о ее намерениях. Не сказав ни слова, она вышла и закрыла за собой дверь.

— Нет, — задумчиво сказала Лера, глядя на дверь. — Ту записку писала не Кика.

— Почему ты так решила? — спросил я и повернулся к окну, за которым тихо кружились снежинки. — Я должен уехать. Слишком уж все сложно.

— Значит, ты меня оставляешь?

— Да, — ответил я. — Я не могу тебе помочь. Здесь нужен профессиональный сыск. Убийство человека — это очень серьезно.

— Убийства не было, — спокойно произнесла Лера. — Марко покончил с собой.

Я повернулся к Лере, взял ее за плечи и прислонил к стене.

— Почему ты так уверена в этом?

— Я действительно была у него незадолго до того...

— О чем вы говорили?

— Я не могу тебе этого сказать. Но честное слово даю, я не давала ему повода застрелиться...

— Хорошо, — произнес я. — Ты была у него. Вы поговорили. Что потом?

— Потом я пошла вниз. Спустилась на первый этаж и почти дошла до своей двери, как услышала выстрел.

— А Плосконосу показалось, что сначала прогремел выстрел, а потом ты спустилась.

— Я думаю, он не лжет. Он просто ошибается. Суматоха, нервы у всех взвинчены — мало ли что кому покажется.

— Но ведь пистолета в комнате Марко не оказалось! Где он? Ты знаешь? Можешь что-нибудь предположить?

— Марко мог придумать какую-нибудь хитрость — вроде резинки, привязанной к форточке. Выстрел — и пистолет вылетает в окно.

Я фыркнул и с сомнением покачал головой.

— Но зачем это надо человеку, который надумал свести счеты с жизнью?

— Чтобы отомстить нам всем за пожелания, которые мы ему написали. Марко был настоящим деспотом. Он просто упивался властью над нами. Потерять власть было для него самым страшным. Даже после того, как газету закрыли, он считал, что мы остаемся его рабами. И собрал он нас здесь для того, чтобы еще раз убедиться в этом.

— Не понимаю. Какая у него могла быть власть над вами?

— Многие остались ему должны. Он щедро давал деньги в долг. Кому-то помог устроиться в престижную редакцию. Плосконоса, к примеру, взял к себе в фирму. Но все равно его все ненавидели.

— Но за что?

Было видно, что Лере не хочется вспоминать Марко.

— Представь себе начало торжественного ужина. Марко говорит: к черту имена и фамилии! У каждого будет кличка, как НИК в Интернете. Жена Ольга будет Кобылкой. Кика — Шляндой. Плосконос будет Бараном. Дворника назвал Денщиком. Виолетту — Черниговской Смоковницей. Представляете, назвать так пожилую бездетную женщину?

— А тебе какую он дал кличку?

Лера промолчала.

— Стыдно сказать?

— Это глупо и пошло. Незачем повторять слова подлеца... Все покраснели и хихикали. А потом отвели душу в анонимных записках. Марко прочитал их и понял, что на него уже никто не молится, что он потерял власть над нами. Наверное, это стало для него потрясением, и он решил покончить с собой, а напоследок вылить на всех ведро помоев.

— Это твоя личная версия, или ее кто-нибудь еще разделяет? — спросил я.

— Не знаю, — ответила Лера. — Мое мнение здесь никого не интересует. Все озбочены только тем, как бы не попасть под подозрение. Не компания, а свора грызущихся собак...

— Ты говоришь, — перебил я Леру, — что спустилась на первый этаж, когда услышала выстрел. Что ты потом делала?

— Побежала вверх, конечно. Я... я почему-то сразу поняла, что случилось. И еще подумала: "Правильно, сам себя и наказал!"

— Ты зашла в его комнату?

— Да. Все сразу замолчали, расступились. Я подошла к нему, склонилась, а Ольга как толкнет меня в спину: "Это твоя записка?" Оборачиваюсь — у всех глаза просто светятся счастьем: вот, мол, вляпалась девочка! Я прочитала записку и поняла, что оправдываться бессмысленно.

Я вдруг очень реалистично представил себе холодный салон "девятки", раскрытую спортивную сумку на заднем сиденье, торчащий из него каблук туфли, выпачканный в чем-то буром.

— Как вы странно на меня смотрите, — сказала Лера. — Вы мне не верите?

— Знаешь, как тебя Марко назвал? — вдруг озарило меня: я вспомнил, какое слово произнесла Виолетта, когда я внес Леру в дом. — Барби! Очень точно и остроумно. Всем, наверное, понравилось. Правильно, Барби! Безропотная смазливая кукла! Не этим ли Марко заслужил пулю калибра "шесть тридцать пять" из американского "стерлинга"?

Лера хотела вlepить мне пощечину, но и этого она делать не умела. Ее рука прошла по касательной, не причинив мне ни физических, ни нравственных страданий. Едва сдерживая слезы, девушка кинулась бегом из кухни.

Схватив со стола стальной вертел для гриля, я подошел к окну с полной решимостью расправиться со шпингалетом, как вдруг увидел за окном сутулого рослого человека в армейском бушлате. Он методично размахивал плоской лопатой, очищая от снега дорожку, и медленно продвигался вдоль дома в сторону ворот. Поравнявшись с окном, у которого я стоял, он вдруг выпрямился, сдвинул со лба шапку и повернулся в мою сторону.

Вряд ли он мог увидеть меня в темной кухне, но я инстинктивно пригнулся и стал следить за дворником из-за полосок жалюзи. Ростом он был выше меня, и в его непропорциональной фигуре угадывалась недюжинная сила. В свете неоновых фонарей узкое скуластое лицо дворника выглядело землистым. Рваные, неровные клохи волос выглядывали из-под шапки.

"Какой неприятный тип!" — подумал я.

Дворник уходить не собирался. Он оперся о черенок лопаты, достал сигареты и закурил, разглядывая окна особняка. Трудно было сказать определенно, как долго он будет торчать здесь, а мое терпение иссякло.

Глава девятая. Сам Бог послал

Я швырнул вертел на стол и вышел из кухни. Я двигался по коридору в сторону входной двери, как бык на арену, чувствуя, что уже созрел для того, чтобы начать крушить все подряд.

Остановившись у двери, я на всякий случай подергал ручку и стал рассматривать пол. За этим занятием меня застала молодая вдова.

— Мне кажется, вы не торопитесь уйти, — сказала она, кутаясь в пуховый платок.

— Если вы покажете мне выход, — ответил я, — то уже через пять минут мои следы во дворе заметет снег.

— Через пять минут не заметет, — прицепилась она к моим словам. — Метель утихает.

Неожиданно рядом с нами появился Плосконос.

— Можно мне с тобой поговорить? — беспрестанно покашливая, обратился он к Ольге. — Я понимаю, что не вовремя... Но завтра может быть поздно...

— Ну?

— Я хотел бы... Нам лучше остаться наедине, — переминаясь с ноги на ногу, Плосконос косился на меня.

Мне следовало бы отойти, но я назло продолжал стоять и даже с интересом смотрел на Плосконоса.

— А кто тебе мешает? — пожала плечами Ольга, показывая свое нежелание куда-то идти с этим малосимпатичным человеком и вникать в его проблемы.

Плосконос кряхтел и чесал небритые щеки.

— Я просто в шоке от того, что случилось, — наконец произнес он. — Но все дело в том, что... м-м-м... Марко недавно взял меня к себе в фирму... в том смысле, что у меня пока идет испытательный срок...

— А что ты от меня хочешь? — перебила его Ольга.

Плосконос стал волноваться еще сильнее.

— Пойми меня правильно, но я бы хотел узнать о своих шансах остаться в этой фирме.

— На работу тебя брал Марко, а ты спрашиваешь у меня! — нервно выкрикнула Ольга. — Что, по-твоему, я могу тебе ответить?

Плосконос с отчаянием мял влажные руки.

— Это понятно, что брал Марко, но... но теперь ведь... эта фирма... как бы сказать...

— Ты хочешь сказать, — отчетливо и звонко произнесла Ольга, — что теперь фирмой буду распоряжаться я?

Плосконос неуверенно пожал плечами, но тотчас кивнул.

— М-м-м... Конечно.

— У тебя совесть есть? Тело Марко еще не остыло, еще не наказан тот, кто вытолкнул его из жизни, а ты уже прикидываешь, чем я буду распоряжаться?

Умирая от страха, Плосконос кивнул и на всякий случай отошел на шаг.

— Прости, ради Бога, — пробормотал он, — но хотя бы скажи, есть ли у меня шансы остаться в фирме?

— Уйди, видеть тебя не могу! — на одном выдохе ответила Ольга.

Плосконос не заставил Ольгу повторять. Прикладывая руку к груди и кланяясь, он удалился в темноту коридора.

— Ну, и как вам это? — повернулась ко мне Ольга.

— Я вам сочувствую, — искренне произнес я. — Ваши гости думают только о том, что теперь с ними будет.

— Вот! — Ольга подняла вверх палец, заостряя мое внимание на моих же словах. — Вот как судьба проверила людей, вывернула их поганные души наизнанку. А представляете, что будет, когда придет милиция? Да они же сожрут друг друга, доказывая свою непричастность к делу.

— Кое-кому, мне кажется, сделать это будет очень трудно, — ляпнул я.

— Вы успели заметить?

— Это несложно.

— Не скажите, — покачала головой Ольга, с интересом глядя на меня. — У вас профессиональная наблюдательность и... и...

— И что еще?

— Виолетта сказала мне, что вы ее допрашивали, — ушла от ответа Ольга.

— Допрашивал — не то слово. У нас был любезный разговор.

— А мне кажется, что именно допрашивали, — стояла на своем Ольга. — Если не ошибаюсь, вы юрист?

— Да, — кивнул я и посмотрел по сторонам, желая показать, что разговор становится мне не интересен. — Я заканчивал юридический, но в данный момент занимаюсь исключительно бизнесом. Продажа и ремонт автомобилей. Кстати, новой моделью "рено" не интересуетесь?

— Не надо, не надо! — покачала головой Ольга и погрозила мне пальцем. — У меня прекрасная память. Ведь это вы вели на телевидении программу "Частное расследование"?

— Этот проект давно закрыт, — с неохотой раскрылся я. — И частным сыском я не занимаюсь уже сто лет.

— Ваша фамилия Вацура, не так ли? — пытливо заглядывала мне в глаза Ольга.

— У вас действительно прекрасная память, — удивился я, но все же мне было неприятно, что вдова меня узнала.

— Сам Бог послал вас сюда, — произнесла Ольга.

"Вот это вляпался! — подумал я. — Не хватало мне еще заняться расследованием".

— Простите меня, пожалуйста, но я буду чрезмерно вам благодарен, если вы поможете мне отсюда выйти.

Ольга никак не отреагировала на мои слова. Она стояла неподвижно и не сводила глаз с моего лица. Я почувствовал себя неловко и машинально пригладил волосы.

— Нет, — негромко произнесла она и оглянулась — не подслушивает ли кто. — Такое совпадение не часто случается. Так просто вы отсюда не уйдете. Я должна хотя бы напоить вас кофе.

— Я не хочу кофе! — взмолился я.

— Вы должны мне помочь, — твердо проговорила вдова.

— За сегодняшний вечер я уже несколько раз слышал эти слова, — признался я. — Почему я все время кому-то должен?

— Не говорите так громко, я вас умоляю! Давайте поднимемся ко мне и там поговорим.

— Ольга, наш разговор не имеет смысла. Я тороплюсь домой. Меня уже заждалась жена. Она с ума сходит, понимаете?

Ольга склонила голову набок и посмотрела на меня, как на упрямого школьника.

— Неужели вы так много зарабатываете, что гонорар в десять тысяч долларов для вас ничто? — спросила она с недоверием.

— За какие такие подвиги вы готовы отвалить мне такую сумму?

— Поднимемся ко мне, — повторила свое условие Ольга.

Пришлось сдаться и пойти за вдовой наверх. В конце концов, десять тысяч баксов на дороге не валяются. Если просьба Ольги будет приемлема для меня, то можно и задержаться до утра. Тем более что уже стоит глубокая ночь, и все мои подруги, которым можно было бы позвонить, давно спят.

Мы поднялись на второй этаж, прошли через гостиную в маленькую комнату, тесную от обилия мягкой мебели. Ольга кивнула мне на кресло, сама села напротив и прикрыла колени платком. Вместо кофе она налила мне в бокал виски, придвинула пепси-колу, чтобы я разбавил сам, после чего откинулась на спинку и сложила на груди руки.

— Я хочу, чтобы вы нашли убийцу моего мужа.

— Но почему вы не хотите вызвать милицию?

— В доме не работает ни один телефон. Наверное, оборваны линии.

— Но ведь можно воспользоваться сотовой связью.

Ольга сделала паузу, опустила глаза, покачала ногой.

— Хорошо. Я буду с вами откровенна...

Глава десятая. Кто?

Откровению помешал мелодичный телефонный сигнал. Ольга взяла с пуфика миниатюрную трубку, взглянула на дисплей, где высветился номер, и встала с кресла. Я видел, что ей не хочется разговаривать при мне. Она прижала трубку к уху и отошла к окну.

— Да. Нет, я сейчас занята... Не надо... Нет... Я сама тебе позвоню... Не вздумай! Ты не должен этого делать... Я не одна, ты понимаешь?..

Ольга отключила телефон и сжала его в кулаке.

— Извините, — сказала она, возвращаясь в кресло. — А почему вы не пьете?

— Вы хотели быть со мной откровенной, — напомнил я, пригубивая бокал с виски.

— Да, — решительно проговорила она. — Вы спрашиваете, почему я не вызвала милицию... Во-первых, она все равно не придет, пока не откроются перевалы. А во-вторых... а во-вторых, я не могу отказать себе в удовольствии изобличить эту тварь до того, как на нее наденут наручники.

— Простите, вы о ком? — спросил я и с деланным любопытством наморщил лоб.

Ольга усмехнулась.

— Зачем вы делаете вид, что не знаете?

Я отставил от себя бокал и поднялся с кресла.

— Я вижу, что вам уже все известно, что картина преступления для вас ясна, как Божий день, и потому частный сыск вам совершенно не нужен.

— Стойте! — Ольга хлопнула ладонью по столу. — Хорошо. Все свои мысли я оставляю при себе. Я вам ничего не говорила. Начинайте с нуля.

Я снова сел. Теперь адвошка поставлена на свое место и, смею надеяться, не будет слишком демонстрировать свои острые ноготки.

— Давайте сразу определимся, — начал я. — Вы хотите, чтобы я назвал вам имя убийцы?

— Да.

— И за это вы заплатите мне десять тысяч долларов?

— Обязательно. — В подтверждение серьезности своих намерений она встала, подошла к туалетному столику, открыла шкатулку из полированного камня и, не считая, отщипнула тонкую стопку купюр. — Возьмите. Это аванс.

“На эти деньги куплю новый бампер для своего джипа”, — подумал я, пряча деньги в карман.

— Но хочу вас сразу предупредить. Все мои выводы и наработки будут представлять интерес только для вас и, в какой-то степени, для оперативных работников. Суд не принимает во внимание факты, добытые частным детективом.

— Я знаю, — кивнула Ольга. — Но вы даете гарантии, что человек, которого вы называете, будет осужден?

— Я могу дать гарантии, что его будут судить, — заверил я. — В противном случае, я верну вам ваши деньги.

— Меня это устраивает, — согласилась Ольга.

— Теперь давайте определимся в терминах. Вы уверены, что это не самоубийство? Вы осматривали комнату?

— Да, — ответила Ольга и потянулась за пепси-колой. Было видно, что ей трудно говорить.

— Вы пробовали перевернуть труп?

— Да, — глухим голосом ответила Ольга, большими глотками выпивая пепси-колу из стакана.

— Может быть, кто-то из гостей незаметно подобрал оружие?

Ольга отрицательно покачала головой.

— В комнату заходили только я и Лера. Все остальные стояли на пороге.

— Но Виолетта каким-то образом исхитрилась собрать все записки!

— Записки валялись у самой двери. Она просто присела на пороге и сгребла их... — Ольга на мгновение задумалась. — Наверное, она правильно сделала. У нее они будут ценнее.

— А как получилось, что одна записка оказалась у Леры?

Ольга покачала головой, мысленно сетуя на свою оплошность.

— Эту записку Марко сжимал в кулаке. Я выдернула ее, развернула... Поймите, в каком я находилась состоянии! Я едва не упала в обморок! Начала читать... перед глазами все поплыло... Потом записку взял, кажется, Плосконос и вслух дочитал до конца. Она пошла по рукам. Все читали и ужасались...

— Когда вы первый раз зашли в комнату, окно или форточка были закрыты?

— Все было закрыто. И мансардное окно в том числе.

Она закурила. Я заметил, как дрожат ее руки. Над ключицами появилось несколько розовых пятен.

— Вы поступили очень неосмотрительно, не закрыв дверь мансарды на ключ.

— Знаю. Но в те минуты я вообще ничего не соображала! Просто безумие какое-то. Мне хотелось схватить топор и кромсать все вокруг себя.

— Это правильно. Постарайтесь, чтобы до приезда милиции никто не смог воспользоваться этим ключом. Скажите, а у Марко было какое-нибудь огнестрельное оружие?

Ольга молча смотрела на донышко стакана. Я видел, что ответ ей известен, но она не решается озвучить его.

— Со мной вы можете быть намного более откровенной, чем с милицией, — заверил я. — Все, что должен знать только я, буду знать только я.

— Да, — медленно и осторожно произнесла Ольга. — У Марко был пистолет. Ему друг привез из Чечни.

— Какой марки?

— Не знаю... Обычный пистолет. Марко хранил его в подвале и лишь один раз разрешил мне пострелять в лесу.

— Это очень важно, Ольга. Постарайтесь вспомнить, как Марко называл пистолет? "Макаров"? "Магнум"? Может, он упоминал, в какой стране пистолет был изготовлен?

Ольга задумалась, обхватив голову руками.

— Нет, не помню... Правда, один раз он сказал... Сейчас, сейчас... Как-то на фирму наехали вымогатели. Марко очень нервничал. Я помню, он чистил и смазывал этот пистолет и приговаривал: "Я думаю, что фунта стерлингов им хватит". И взвешивал пистолет на ладони. Я не поняла, при чем здесь фунт стерлингов. Ведь это очень маленькая сумма.

— Может быть, он пистолет назвал "стерлингом"? — подсказал я.

— Как вы сказали? "Стерлингом"? Может быть. Но тогда я не придавала этому значения.

— Вы пробовали найти этот пистолет в подвале?

— Зачем? Я знаю, что Марко перед приездом гостей унес пистолет к себе в комнату.

— Зачем он это сделал?

— У нас в подвале большие запасы вина, и Марко решил, что гости будут всю ночь ходить туда за выпивкой. Поэтому перепрятал пистолет от греха подальше.

Я некоторое время молчал, размышляя над тем, что услышал, и мысленно заполнял бреши в моей схеме новыми фактами. Ольга восприняла мое молчание как конец допроса и начало обвинительного заключения.

— Ну? — нетерпеливо произнесла она, пытливо глядя на меня. — Что вы по этому поводу думаете? Как это все было? Кто?

— Ничего я не думаю, — разочаровал я Ольгу. — Вы подталкиваете меня к преждевременным выводам. А выяснить предстоит еще очень много.

— Правда? — протянула Ольга, не скрывая своего недовольства. — А что вы еще хотите выяснить?

— Я знаю, кого вы подозреваете. Но меня интересует другое: кого бы вы однозначно вычеркнули из списка подозреваемых?

— Это совсем простой вопрос, — ответила Ольга и весьма оригинальным способом задушила окурок: вылила на него несколько капель виски и кинула в пепельницу. — В момент выстрела рядом со мной за столом сидели Виолетта и Клим.

— Клим — это дворник? А как скоро в гостиной появилась Кика?

— Через пару минут.

— Мне она сказала, что через полминуты.

— Врет! — без тени сомнения ответила Ольга.*

— Выходит, выстрелить могли трое, — уточнил я. — Плосконос, Кика и Лера.

Я умышленно назвал имя Леры последним. Но Ольга озвучила этот список в другом порядке:

— Да, именно так: Лера, Плосконос и Кика.

— Теперь давайте подумаем о мотивах, — предложил я. — Начнем с Леры. За что она могла убить Марко?

Ольга, заполняя паузу, потянулась за новой сигаретой. Я рассматривал ее руки. Они были белыми и слабыми, как у человека, который много времени проводит дома и не обременен физическим трудом.

— Лера была самой бездарной журналисткой в редакции. — Было заметно, что Ольга сдерживает в себе желание назвать Леру более грубыми словами. — Но держалась там только потому, что крутила задом перед директором и главным редактором. Мы с Марко уже были знакомы больше года, и все у нас было хорошо, пока не появилась она... — Ольга замолчала, часто затягиваясь и выпуская дым через ноздри, затем продолжила: — Начались анонимные звонки. Едва ли не каждый вечер кто-то мне докладывал, что Марко находится в объятиях Леры. Я сначала воспринимала это как мелкую месть завистниц. Но потом поняла, что Лера в самом деле пытается отбить у меня Марко...

— Вы разговаривали с Марко на эту тему?

— Разговаривала, — едва разжимая губы, ответила Ольга. — Он отвечал, что я все придумала, что у них с Лерой чисто деловые отношения.

— Когда вы поженились, отношение Марко к Лере изменилось?

— Не знаю, какие у Марко были отношения, но Лера продолжала вести себя весьма фривольно. Мне докладывали, что она единственная сотрудница, которая заходила в кабинет Марко без стука.

— Но этот факт скорее характеризует Марко, чем Леру, — заметил я.

— Не надо, не надо! — воскликнула Ольга, размахивая зажженной сигаретой перед моим лицом. — Я знаю, что она вбивала клин между нами. Хотела нас развести и выйти замуж за Марко!

— Неужели Марко был настолько безвольным и слабохарактерным, что его могла окрутить любая пигалица? — удивился я.

Ольга поджала губы и закинула ногу за ногу. Ей нечего было сказать мне в ответ.

— Значит, вы считаете, что Лера могла убить Марко в отместку за то, что он не развелся с вами?

— Да, — уверенно ответила Ольга. — Так оно и было.

— Теперь давайте поговорим о Кике, — предложил я.

— Кика? — задумчиво повторила Ольга, встала с кресла, подошла к книжной полке и сняла оттуда фотоальбом. Полистала, нашла нужную фотографию и положила альбом передо мной.

— Это снято три года назад. Празднование в редакции Нового года. Во втором ряду Кика. Узнаете ее? А рядом с ней ее дружок. Он посторонний, она его с улицы привела. Как вам его физиономия? Вылитый уголовник, правда?

— Это имеет отношение к делу?

— Прямое. — Ольга опустила в кресло и поправила на груди платок. — Что-то я замерзла... Именно тогда случилось одно неприятное событие. В самый разгар веселья в кабинете Марко взломали сейф и вытащили большую сумму денег, что-то около семисот тысяч рублей.

— Деньги принадлежали Марко?

— Это был редакционный фонд. Марко снял их со счета, чтобы заплатить за долгосрочную аренду нового помещения. Вызвали милицию, начались допросы. И в ходе следствия выяснилось, что деньги вместе со своим дружком украла Кика.

— Как это смогли доказать?

— У нее в сумочке нашли несколько купюр, номера которых совпали с номерами украденных денег. А приятель Кики как в воду канул. Наверное, он и унес всю сумму.

— Кика, разумеется, своей вины не признала?

— Естественно! — усмехнулась Ольга. — Она стала катить на Марко бочку, что тот нарочно подкинул ей купюры из сейфа, что вся она чистая и непорочная, что ее оклеветали... Дали ей два года. А что толку-то? Деньги-то не вернуть! Потом целый год редакция работала практически бесплатно — без гонораров и зарплаты, чтобы кое-как свести концы с концами.

— Значит, у Кики была веская причина убить Марко?

— Не исключаю, — подтвердила Ольга. — Зачем она сюда приехала, если ее никто не приглашал? Марко был неприятно удивлен, когда она появилась в нашем доме.

— С Кикой все ясно. Остается Плосконос.

— Честно говоря, — медленно произнесла Ольга, — не представляю, за что он мог убить Марко. Средней руки репортеришка, ничем особенно не выделялся. Правда, он был единственный из всей редакции, кто летал в командировку в Чечню и привозил оттуда репортажи. Когда Марко взял его в свою фирму, Плосконос был вне себя от счастья.

— Насколько я понял, он даже месяца не проработал в фирме?

— Три недели.

— Марко не делился с вами своими впечатлениями о нем?

Ольга скривила лицо.

— Делился. Говорил, что он полный ноль и, наверное, придется с ним распрощаться.

— Вот вам и мотив, — заметил я. — Плосконос, зная, что Марко намерен его уволить, убивает его, а затем начинает обрабатывать вас, как будущую хозяйку фирмы. Он надеется, что вы оставите его.

— В самом деле. — Ольга задумалась. — Мне это как-то даже в голову не пришло. Вот что значит аналитический ум детектива!

Комплимент был слабенький и сказан не к месту. Я поднялся с кресла.

— Теперь-то вы, наверное, можете назвать мне имя убийцы? — спросила Ольга.

— Увы, — ответил я. — Но разгадка, мне кажется, уже недалеко.

— Ну, хоть намекните мне! — взмолилась Ольга. — Кто?

Она словно клещами вытягивала из меня признание. А мне очень не хотелось отвечать на этот вопрос.

— Я вас умоляю! — горячо шептала Ольга. — Клянусь, это останется между нами.

Я вздохнул.

— Более всего улик у Леры.

Ольга расслабилась и размякла в кресле.

— Я так и знала, — прошептала она и мстительно прищурилась.

Я подошел к двери и уже взялся за ручку, как Ольга меня остановила.

— Надеюсь, вашей объективности не помешает то, что Лера вам нравится?

— Что?! — опешил я. — Лера мне нравится?

— Только не надо убеждать меня в обратном, — усмехнулась Ольга. — Я это поняла сразу, когда впервые увидела вас в своем доме.

— Вы ошибаетесь, — ответил я и вышел из комнаты.

Глава одиннадцатая. Здравая мысль

Я спустился на первый этаж, свернул в коридор и приблизился к двери Виолетты. Чтобы не напугать женщину, взявшую на себя неблагодарную и опасную работу по охране записок с пожеланиями, я постучал и, приблизив губы к замочной скважине, отчетливо назвал свое имя.

Виолетта не торопилась открыть. Из-за двери она начала дотошно расспрашивать, что мне от нее надо. Не желая, чтобы мои слова случайно услышал Плосконос, я не сказал ничего конкретного, чем только распалил подозрительность женщины.

Наконец она открыла дверь, причем сразу нараспашку, и, стоя на пороге, устремила на меня чуть насмешливый взгляд, остроту которого сглаживали затененные очки. Я успел увидеть за ее спиной небольшой круглый столик, на котором веером были разложены карты.

— Чем могу быть вам полезна? — спросила она, не делая даже попытки пригласить меня в комнату.

— Я хотел бы поговорить с вами.

— О чем?

Наш разговор пошел по второму кругу. Виолетта никак не хотела понять, что мы должны говорить тихо, а главное — за закрытыми дверями.

— Я могу зайти? — спросил я.

— Ночью? К даме? Ни в коем случае! — категорически ответила женщина и победно взглянула на меня, словно хотела сказать: никакие ваши уловки не пройдут!

Мне ничего другого не оставалось, как вести разговор, стоя на пороге.

— Могу вас обрадовать, — тихо произнес я. — Мне известно, кто пытался ворваться к вам в комнату.

— Ко мне в комнату? — сыграла крайнее удивление Виолетта и захлопала глазами. — Ах, да! Вы такой участливый! А я уже и забыла об этом...

Мне не понравилось, как она отреагировала на мои слова.

— Это был Плосконос, — еще тише продолжил я. — И теперь я хочу выяснить, ради чего он пошел на такие меры.

Виолетта хмыкнула, посмотрела на свои туфли, затем на свои пальцы с многочисленными перстнями, напоминающие шампура с шашлыком, затем вонзила взгляд в потолок.

— Дорогой мой, — начала она утробным голосом. — Вы напрасно всполошились. Дело в том... дело в том, что никто не пытался ворваться в мою комнату.

— Что? Никто не пытался ворваться?

— Да, — кивнула Виолетта. — Это правда. Я просто была не в себе. А темноты я вообще с детства боюсь. Открыла дверь, и тут у меня голова закружилась. Вот я головой и ударилась о косяк...

— Почему вы говорите неправду? Вы его боитесь? Он вам угрожает?

— Ну, что вы! — мягко возразила Виолетта, рассмеялась и похлопала меня ладонью по груди. — У вас богатое воображение! Ничего не было. Выбросите это из головы!

— Я хочу узнать, какое пожелание написал Плосконос, — сказал я.

— Ха-ха, — с открытым возмущением произнесла Виолетта, словно я покушался на ее собственность. — А вы больше ничего не хотите?

— Пока больше ничего.

— Не дам я вам его записку, — не терпящим возражений тоном сообщила Виолетта. — И вообще, я передам эти неоспоримые улики только в руки милиции.

— Я частный сыщик и веду расследование, — представился я.

— Не знаю никаких частных сыщиков! — невозмутимо ответила Виолетта и попыталась закрыть дверь.

— Виолетта, поймите меня! — попробовал спокойно объяснить я. — Ради того, чтобы получить свою записку, Плосконос пошел на преступление. Вам просто повезло. По счастливой случайности вы остались живы. Теперь понимаете, почему я должен прочитать, что он написал?

— Это был не Плосконос! — визгливым голосом заявила Виолетта. — Это был не он! И вообще, вы первый, кто ко мне ломится! Ведете себя, как насильник!

Она сбила меня с толку. Такого необъяснимого и радикального поворота я никак не ожидал. Виолетта явно выгораживала Плосконоса. Давить на нее я не мог. Этот путь оказался туликовым. Просто попрощался и вышел.

Другой путь вел в торец коридора. Там, напротив кухни, находилась комната Плосконоса. Наверное, я был единственным обитателем особняка, который маялся в пустых коридорах, будто никак не мог найти себе пристанище. Все остальные наглухо заперлись в своих норах в ожидании того, что скверная история рассосется как-нибудь сама собой.

Плосконос оказался еще большим затворником, нежели Виолетта. Выяснив из-за двери, кто к нему стучится, он сначала предложил вести разговор через замочную скважину. Когда я пообещал, что для облегчения нашей коммуникации вышибу дверь с петель, Плосконос заволновался:

— Хорошо, хорошо, я открою! Только, пожалуйста, отойди подальше от двери.

Мне пришлось выполнить его просьбу. Я встал посреди коридора. Плосконос осторожно приоткрыл дверь и высунул свою лысую голову. Убедившись, что я нахожусь на безопасном расстоянии, он проворно выскользнул в коридор и немедленно закрыл дверь за собой. Мне показалось, что изнутри кто-то тотчас заперся на замок.

— Это просто удача, — зашептал он, пригибая передо мной голову, словно слуга. — Я ведь не знал, что ты ведешь расследование... Я могу помочь... Конечно, если при этом будут учтены мои интересы...

— Что ты несешь? — не понял я. — Какие интересы?

— Давай поговорим об этом в более удобном месте, — зашептал Плосконос и посмотрел по сторонам.

— Пойдем к тебе, — предложил я, наверняка зная, что он откажется.

— Нет-нет! — категорически возразил Плосконос, выставив вперед ладони. — Только не там... У меня ужасно грязно и... и... там нас могут подслушать...

Он нес явную ахинею, и я не стал уточнять, как нас могут подслушать в закрытой комнате.

— Черт с тобой, пошли на кухню.

Дворник по-прежнему разгребал снег за окнами и, зажги я свет, мы с Плосконосом светились бы, как на сцене Большого театра. Поэтому я снова предпочел общаться в темноте. Не позволяя ему первым начать разговор и тем самым отойти от темы, я сразу задал вопрос в лоб:

— Ты зачем к Виолетте врвался?

— Я? — Плосконос стукнул себя кулаком по груди. — Да ты что? С какой стати?

— Хотел стащить у нее свое пожелание.

— Да не хотел я... — запинаясь, говорил он. — Да послушай... да я вовсе не собирался ничего стащить... Дай же мне сказать...

Когда Плосконос, не встречая никакого сопротивления, замолчал, я заботливо поинтересовался:

— Все? Выдохся? А теперь говори правду.

— Не врвался я к ней, — упрямо повторил Плосконос.

Доказывать обратное я не стал — дело бесперспективное и неблагодарное, только пообещал:

— Я ведь все равно доберусь до твоей записки. — Но эта угроза больше напоминала махание руками после драки.

— Да нет там ничего интересного для тебя, ей-богу! — заверил Плосконос и перекрестился. — Одни сентиментальные рассуждения: кем я был, и кем буду, работая в фирме... — Он выдержал паузу и со значением произнес: — А вот то, что я хочу тебе сказать, факт серьезный. Как у нас в журналистике говорят: есть факты, а есть фактики...

— Короче! — перебил я.

— Короче я буду докладывать под протокол в милиции. А ты сыщик частный, работаешь за бабки. И свою фактуру я просто так отдавать не намерен.

— Что ж, резон в твоих словах есть. И сколько ты хочешь за свой факт?

— Сто баксов.

— Не продешевил?

Плосконос не уловил иронии.

— С меня и этого хватит. Я человек не жадный.

— А если твой факт окажется мыльным пузырем?

— Да ты что? — гневно воскликнул Плосконос. Я протянул ему столларовую купюру.

— Значит, так, — начал Плосконос, затапливая деньги в самую глубину кармана. — Мы с Кикой курили на лестнице. Было что-то около девяти часов. Я докурил, на окурочок поплевал, а выкинуть некуда. Кругом чистота, мрамор. И машинально поднялся на пролет вверх, к мансарде. Дай, думаю, гляну, может, там какая-нибудь плевательница установлена. — Он прервался, чтобы отдышаться. Ему не хватало воздуха. — Поднялся я... И тут из-за двери Марко раздался выстрел. Я сразу понял, что это не какой-нибудь хлопок, а именно выстрел — в Чечне наслушался. Сам понимаешь, я сразу опешил. Куда бежать, что делать? И тут вдруг слышу, как в комнате Марко то ли форточка, то ли окно захлопнулось. Звук такой типичный, его ни с чем не спутаешь. Потом, когда мы всей толпой туда поднялись, и кто-то сказал про самоубийство, я подумал: как же это получается? Марко выстрелил в себя, а потом окно закрыл?

— Тебе не показалось? — спросил я.

— Исключено! — самоуверенно заявил Плосконос. — Когда ты убийцу найдешь, спасибо мне скажешь...

Я неожиданно оборвал его на полуслове.

— Оружие из Чечни привез?

— А? — опешил Плосконос. — Оружие? Да упаси Господь! Зачем мне такой головняк? Ты на меня бочку не кати. Я с такими вещами не связываюсь.

— А что привез? Наркоту?

— Типун тебе на язык. На кой фиг мне наркота? Я лучше сто грамм употреблю...

Я резко схватил Плосконоса за руку и вывернул ее. Он негромко взвыл и согнулся в три погибели.

— Не шали. Поломаешь... Больно...

Я оголил его руку до локтя. На белой коже, покрытой волнами вспухших вен, даже при тусклом свете фонаря была отчетливо видна "дорожка" от иголок.

Плосконос вывернулся и едва не упал.

— Значит, Марко узнал, что ты колешься, — произнес я. — И пообещал, что уже завтра твой ноги в фирме не будет... Так было, да?

— Нет! — дурным голосом заорал Плосконос и, к моему удивлению, вдруг заплакал. — Нет! Я его не убивал! Это не я! — И, распахнув дверь, высочил в коридор.

Со двора по-прежнему доносился скрежет лопаты. Я подошел к окну. Сутулая фигура дворника маячила между сугробов. Лопата методично, как маятник часов, взлетала вверх и опускалась вниз. Я первый раз в жизни видел такого добросовестного дворника. Глубокая ночь, а он продолжает убирать снег. Интересно, он всегда такой активный, или же только в эту ночь? "Э-э, братец, а ты ведь не случайно так стараешься! Ты дорожки не только от снега очищаешь!"

Я стремительно вышел из кухни и направился в комнату Ольги.

Глава двенадцатая. Марко нет, но власть осталась

— У тебя такой взволнованный вид, — заметила она, неожиданно перейдя на "ты". — Окончательно определился с убийцей?

Я без приглашения сел в кресло. По моему виду Ольга догадалась, что разговор предстоит серьезный.

— Будешь кофе? — спросила она.

Я кивнул. Она зашла за стеллаж, убавила громкость телевизора и стала крутить кофемолку. Я смотрел на стол. Бутылка виски, из которой она мне наливала, была уже почти пуста. Вдовушка заливала свое горе. Пепельница была полна окурков. Трубка мобильника лежала рядом с губной помадой и зеркальцем, словно предмет косметики. В блюде засыхала перевернутая кофейная чашечка с налипшей на стенки черной гущей.

— Тебе сколько ложек сахара? — спросила из-за стеллажа Ольга.

— Три, — ответил я. — Я люблю, когда кофе очень сладкий.

— Марко тоже любил очень сладкий...

Я хотел добавить, что в повышенных дозах сахара нуждаюсь лишь в часы напряженной умственной работы, но тут заиграл сигнал мобильника. Ольга прытко кинулась к нему. Но я успел посмотреть на дисплей, где высветился номер телефона, с которого шел звонок, — 6893171. Память на числа у меня превосходная, надежно и надолго. Может, когда-нибудь он мне пригодится.

— Слушаю, — тихо и несколько раздраженно бросила Ольга в трубку, поворачиваясь ко мне спиной. — Не надо!.. Я сама знаю... Ничего, потерпишь... Ты сам все заварил, а теперь... Послушай, я сейчас не одна. Перезвоню! — И отключила телефон. — В самый неподходящий момент начинают звонить всякие знакомые со своими пустяковыми проблемами... Сливки добавить?

— Нет, лучше коньяку.

— Ах, черт! Кофе убежал!

Она кинулась за стеллаж. Я услышал шипение. Комната быстро наполнилась ароматным дымком.

Когда Ольга вернулась, я попытался продолжить разговор.

— Хотел бы кое-что спросить у тебя о Плосконосе.

— О Плосконосе? — удивленно повторила Ольга и, по моему, обрадовалась, что я не спросил ее о человеке, который ей звонил. — А что тебя интересует?

— Плосконос скрытный тип, так ведь? Можно сказать, что Марко взял в фирму кота в мешке.

— Сомневаюсь, что Плосконос был котом в мешке, — ответила она. — Марко знал Плосконоса как облупленного и просто мирился с его недостатками.

— А почему мирился? Он относился к Плосконосу как заботливый друг?

— Как заботливый барин, — поправила Ольга. — Марко считал его своей собственностью и распоряжался его судьбой, как хотел. Может, это немного злило Плосконоса.

— Не думаю, что слишком злило. Мне кажется, что за деньги Плосконос продается в рабство кому угодно.

— М-м-м... Да, ты прав, — вынуждена была признать Ольга. — Некоторая готовность к рабелепию у него есть. Но все-таки я не пойму, что тебя настораживает?

— Мне кажется, что у Марко были веские основания выкинуть своего верного раба из фирмы. Скажем, Плосконос неожиданно попался на каком-нибудь серьезном пороке.

— Да что ты! — снисходительно произнесла Ольга. — Марко прекрасно разбирался в людях и редко ошибался. А такого примитивного человека, как Плосконос, он видел насквозь. Ничего неожиданного быть не могло! Марко просто надоели постоянные запой Плосконоса.

— Запой? — усомнился я. — Разве Плосконос алкоголик?

— Конечно. Об этом все знают. Когда на "просушке" — нормальный человек. А как запой — неделю в газете не появляется. И денег у него никогда не было.

— Может, он не водку, а наркотики употреблял? — сорвалось у меня.

— Да какие наркотики! — поморщилась Ольга. — Алкаш он обыкновенный.

— Это твое личное убеждение?

— Это убеждение Марко, если хочешь.

— А Марко был с тобой откровенен, когда говорил о своих сотрудниках?

— Да. Он очень любил рассказывать мне о своих подчиненных. Выворачивал всю их подноготную и с удовольствием иронизировал, если находил какие-нибудь слабости или пороки.

Вопросы закончились. Плосконос, словно воздушный шарик, выскальзывал из моих рук и быстро улетал в небо. Я не мог получить доказательства того, что Марко стало известно о пристрастии Плосконоса к наркотикам.

Из троих подозреваемых осталось двое: Лера и Кика.

Я встал с кресла и подошел к окну. Снег все еще сыпался, и дворник продолжал свой сизифов труд.

— На его месте я бы давно свалился в сугроб от усталости, — заметил я.

— Ты о ком? — спросила Ольга, приближаясь ко мне. — А, о дворнике! Нет, этот не упадет. Он может сутки напролет лопатой махать.

— Первый раз вижу такую самоотверженность.

— Это не самоотверженность, — возразила Ольга. — Это страх потерять место.

— Ты приказала ему убрать весь снег со двора?

— Он выполняет распоряжение Марко.

— Марко хорошо ему заплатил?

— Дело не столько в заработке. Дворник знает, что когда Марко демонстрирует гостям свою власть, эта демонстрация должна быть абсолютно убедительной. В данном случае Марко щегольнул своей властью перед Лерой.

— Как перед Лерой? — не понял я, поворачиваясь к Ольге.

Она вздохнула, сжала губы, отчего ее подбородок покрылся морщинками, словно печеное яблочко.

— Лерочка, осчастливив наш дом своим прибытием, поскользнулась на ступеньках крыльца и грохнулась, как корова. И, конечно, не преминула посетовать на снег. Марко тотчас вызвал дворника и сказал ему: "Пока гости здесь, на дорожках не должно лежать ни одной снежинки. Найду хоть одну — уволю". — Она помолчала и добавила:

— Марко уже нет, и власти его нет, а дворник все старается.

— Если старается, значит, власть все-таки осталась, — возразил я.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Ольга с недовольством в голосе и, не дождав-шись ответа, повернулась ко мне спиной.

Я не стал объяснять Ольге очевидное: в этом доме со смертью Марко для дворника мало что изменилось. Мне вообще уже ни о чем не хотелось говорить. Наш договор с Ольгой о расследовании убийства напоминал мне партию в шахматы. Лера была фигурой на моем поле, и она была повергнута Ольгой. Оспаривать это событие уже не имело никакого смысла. Факты подводили к выводу о том, что у Леры был тщательно разработанный план, в который была включена такая мелочь, как падение на ступеньках. Она предвидела все, даже свежий снег, на котором обязательно остались бы ее следы, и придумала способ, как от этого снега избавиться.

Я представил, как Марко заводит Леру в мансардную комнату, запирает дверь и толкает девушку на кровать... Никакого бреда, теперь эта картина казалась правдоподобной. Лера спровоцировала Марко на этот поступок, она знала, что у него есть "стерлинг"... А что дальше? Дальше в ее руке оказывается пистолет, она вскидывает его и стреляет. Марко валится на пол, а Лера кидается к окну... кидается к окну и...

Мои мысли прервал Ольгин голос:

— В общем, так! Работай дальше, и, если узнаешь что-нибудь из ряда вон выходящее, доложи. Я готова тебя выслушать.

— Боюсь, что мой ответ не станет для тебя неожиданностью.

— Не бойся.

— Твоя интуиция оказалась права. Все факты говорят против Леры.

Ольга глубоко вздохнула, прикрыла глаза и медленно опустилась в кресло.

— Твое расследование было объективным? — не открывая глаз, тихо спросила она.

— Да, — ответил я.

— Я могу доверять твоему профессионализму?

— Как самой себе, — заверил я.

— Ты гарантируешь, что милиция придет к такому же выводу?

— Если баллистическая экспертиза не покажет что-нибудь новое.

— Что это значит? — поморщившись, спросила Ольга.

— Это значит, что необходимо выяснить, действительно ли твой муж был убит из пистолета "стерлинг".

— Но ведь пистолета ты не нашел!

— Нашел, — ответил я.

Это сообщение заставило Ольгу вскочить с кресла. Она шагнула ко мне и крепко взяла меня за руку.

— Что ж ты молчал? Где он?

— Пойми меня правильно. Я тебе доверяю, но твоя эмоциональность, твои чувства могут в самый неподходящий момент стать неподконтрольными, и ты, сама того не желая, выдашь Лере, что знаешь, где она спрятала пистолет.

— Значит, она его спрятала? — прошипела Ольга, и ее глаза вспыхнули мстительным огнем.

— Да. Но умоляю тебя, забудь об этом. Если Лера догадается, что ты знаешь об этом, она моментально избавится от "стерлинга". Милиция должна изъять этот пистолет во время досмотра и в присутствии понятых. Понимаешь, как это важно?

— Да, да, — зашептала Ольга. — Не беспокойся, я все понимаю. Обещаю, что ничем не выдам своих мыслей. Я попросту не буду выходить из своей комнаты до прибытия милиции. Только... только я хочу спросить тебя об одном. — Она вскинула голову и пристально посмотрела мне в глаза. — Скажи, ты... Мои подозрения, эмоции, слова не слишком повлияли на твой вывод?.. Я хочу сказать, что у меня не было твердой уверенности, что это сделала Лера, хотя...

— Твои эмоции для меня ничего не значили, — попытался заверить я.

— Не перебивай! — прикрикнула Ольга. — Дай мне сказать! Да, это правда: я ненавижу ее как свою соперницу. Но не желаю, чтобы ее засудили по ложному обвинению, не хочу, чтобы она страдала за убийство, которого не совершала. Понимаешь? Все должно быть честно. Попыталась отбить у меня мужа — пусть Бог ее осудит за это. Нет на ее руках крови Марко, пусть живет и радуется жизни. И поэтому я прошу тебя еще раз все взвесить и продумать.

— Именно этим я и собираюсь сейчас заняться. Тем более, что еще не на все вопросы нашел ответы.

— А какие вопросы тебя еще интересуют?

— Видишь ли, Лера совершила преступление не на необитаемом острове. Ее окружали люди и обстоятельства. И потому я должен составить полную картину того, что здесь произошло.

— Зачем? Разве не достаточно того, что тебе известны главные улики?

— Убийство — это всего лишь факт. Но убить можно из хулиганских побуждений, а можно и по неосторожности. Для каждого случая предусматривается своя мера наказания. Я хочу понять, насколько тяжелое преступление совершила Лера.

Ольга поджала губы и нахмурилась.

— Ну и... И что ты намерен делать?

— Для начала ознакомиться со всеми записками.

— Это — ради Бога! — махнула рукой Ольга. — Но у меня их нет.

— Я знаю. Они у Виолетты. Но мне она их не дает. Может быть, тебя послушается?

Ольга начала мяться и придумывать, как бы мне отказать.

— Нет, это невозможно, — произнесла она. — Я не буду ее ни о чем просить. Это твои проблемы, и решай их сам.

Тут в кармане Ольги снова подал сигнал мобильный телефон. Вдова тотчас забеспокоилась, стала ходить по комнате и бесцельно переставлять с места на место всякие предметы, которые попадались ей под руки.

— Ну, все! — не выдержала она. — Не стой! Иди уже!

Можно сказать, что она вытолкала меня за дверь и немедленно закрылась на ключ.

Глава тринадцатая. Не семь, а девять

Некоторое время я постоял в гостиной, потом хотел выйти на лестницу, но вдруг увидел тонкую полоску света на полу справа от камина. Я приблизился к ней и только тогда разглядел узкую дверь, которую раньше принимал за декоративную панель. Я осторожно повернул круглую ручку, но дверь оказалась запертой. Присел и посмотрел в замочную скважину. Увидеть мне ничего не удалось, так как в замке торчал ключ, но я отчетливо услышал тихое жужжание принтера.

Вот как! Если там работает принтер, значит, там же стоит компьютер. Не в этой ли комнате гости писали свои пожелания? И кому, интересно знать, вдруг опять понадобилось туда зайти?

Я метнулся к столу, так и не убранному, нашел проволочную оплетку для пробки от шампанского и, вернувшись к двери, затолкал ее в замочную скважину. Затем спрятался за камином.

Ждать пришлось недолго. В двери тихо щелкнул замок, узкая дверь медленно приоткрылась. Свет за дверью уже не горел, и потому я не сразу узнал Виолетту. Оглядевшись, женщина беззвучно зашла в гостиную, мягко прикрыла за собой дверь и попыталась запереть ее на ключ, но проволочный "жучок" не позволял ей воткнуть ключ в замочную скважину. После нескольких бесплодных попыток, Виолетта что-то тихо пробормотала и неслышно вышла в коридор.

Я тотчас проскользнул в комнату, прикрыл дверь и зажег свет. Узкая, как пенал, подсобка с мини-лифтом и маленькой круглой мойкой. Должно быть, по проекту это вспомогательное помещение предназначалось для официанта и столовых приборов, но Марко почему-то разместил здесь стол с компьютером.

Я сел за стол и запустил загрузку. Если повезет, то можно "выковырять" недавно стертые файлы. Для этого надо знать одну хитрость, которой меня научил знакомый опытный программист. Мои пальцы побежали по клавишам. Я дал команду антивирусной программе выявить все изменения на диске за прошедшие шесть часов... По черному экрану побежали строчки... Я пристально всматривался в экран, чтобы не пропустить важной информации... Теперь надо перезагрузить систему в прежней конфигурации... Компьютер начал работу как бы в обратной последовательности.

Ура, поймал первую "рыбу"! Машина выдала информацию: в два часа семь минут удален текстовый файл. Совсем недавно! Именно в это время здесь сидела Виолетта. Я дал команду на восстановление. Фокус удался, по экрану побежали строчки. Я немедленно послал текст на принтер, и уже через несколько секунд держал в руках лист с текстом.

<Ml> Что мне хочется вам пожелать? Недавно я вернулся из Чечни. Эта командировка перевернула все мои взгляды на жизнь. Я понял, насколько хрупок человек, насколько зыбка и коротка его жизнь. И мне хочется, чтобы мы относились друг к другу добрее, терпимее, чтобы всегда поддерживали в трудную минуту. А самое главное, чтобы и впредь оставались друзьями.<D>

Я с недоумением перечитал текст еще раз. Зачем Виолетта распечатала этот вялый пафос, а затем уничтожила файл? Судя по упоминанию о Чечне, автором этих строк был Плосконос. Но в этих строчках не было ничего особенного!

Я сложил лист и спрятал его в карман. Поехали вперед, в прошлое! Выполняя мои команды, компьютер реанимировал то, что, вроде бы, уже было стерто из его памяти. Вот файл, распечатанный и уничтоженный в двадцать часов тридцать минут. На экране появился уже знакомый мне текст: <Ml> ...А еще у меня есть одна мечта — закопать этого подонка вместо бутылки, а через год собраться на его могиле и построить там большой общественный туалет. Это будет самым лучшим памятником в истории человечества. Марко! Тварь! Я до сих пор не могу забыть твои подслеповатые глазки, отвислые щеки...<D>

Пока принтер распечатывал мрачные пожелания Леры, я начал оживлять следующий текст. Девятнадцать пятьдесят: <Ml> Я человек простой и не умею писать умно и красиво. Желаю всем сибирского здоровья, кавказского долголетия...<D>

Не дочитав до конца, я отправил пожелание "простого" человека на принтер. Возможно, это написал дворник. Позже разберусь. Сейчас надо побеспокоиться, чтобы никто не помешал мне достать из глубин памяти компьютера все остальные пожелания.

Девятнадцать сорок семь: <Ml> Марко! Ты считаешь, что стоишь на вершине Олимпа. Что тебя окружают мелкие, никчемные людишки, не способные на сильные поступки. К таким ты причисляешь и меня...<D>

Это уже интересно! Но нет времени читать. Конвейер запущен. Следующий файл распечатан и уничтожен в девятнадцать сорок три: <Ml> Я знаю, что такое настоящий мужчина. Я прекрасно разбираюсь в людях. И потому мне сегодня очень грустно. Перед нами сидит глупая Обезьяна, которая думает, что она — человек...<D>

Тоже интригует! Следующий файл создан тремя минутами раньше: <Ml> Я в детстве обожала разгадывать загадки. Это ужасно интересно! И вот я сейчас всем присутствующим загадываю загадку: что связывает нас... Нет, не так. Через год, когда мы снова встретимся, вы будете просто шокированы...<D>

Ладно, потом дочитаю, хотя очень завлекает. На экран уже выползает файл, уничтоженный четырьмя минутами раньше предыдущего: <Ml> Бог все видит и ничего не забывает. Сейчас мы все веселы, пьем вино и жрем мясо. Вы так же веселились и жрали, когда я в мокрых кирзачах и телогрейке месила грязь в торфяном котловане...<D> Это явно душевные излияния Кики! Она даже не попыталась скрыть своего авторства.

Я на секунду отвлекся и пересчитал отпечатанные листы. Уже семь штук. Но компьютер продолжает вытягивать на экран пожелания. Кто написал восьмое? <Ml> Я хочу напомнить вам, милые мои, что халява не бывает вечной. За все надо платить. Не стоит надеяться, что сильный и богатый Марко всегда будет рядом, как палочка-выручалочка...<D>

И вот, наконец, последнее, то есть, созданное самым первым: уничтожено в девятнадцать тридцать.

И больше никаких файлов в этот день ни создано, ни стерто не было.

Я дождался, когда принтер выдаст последний лист с самым коротким и самым непонятным пожеланием, внимательно посмотрел на поток букв и понял, что никакого тайного смысла в этом "пожелании" нет. Нечто подобное можно набрать с необычайной легко-

стью, если нежно коснуться клавиатуры задом или, чрезмерно выпив водки, упасть на нее лицом. Видимо, автор не стал утруждать себя сочинительством, и просто шлепнул по клавишам ладонью.

Что ж, неплохая добыча. Остается только разобраться, кто что писал, и почему пожеланий оказалось больше, чем присутствующих в особняке людей.

Глава четырнадцатая. Веселая жизнь

В коридоре и на лестнице царила мертвая тишина. Казалось, что в особняке уже нет никого, кроме меня и покойника. Я спустился на первый этаж и постучал в комнату Леры. Она открыла почти сразу, без долгого выяснения, что мне надо. Лицо ее было заспанным, платье помятым. Щурясь от света, она села на диван, на котором, по-видимому, только что спала.

— Думала, минутку подремлю. А который час? Уже половина третьего? Это ужасно. Я в новогоднюю ночь до половины первого с трудом выдерживаю. — Она нацепила очки и рукой пригладила волосы.

— Лера, — сказал я голосом, каким выносят приговор. — Тебе здорово не повезло. Ты просила меня помочь тебе, но вышло все наоборот.

— Как — наоборот? — не поняла девушка.

— Ягодка моя, ты сидишь по горло в уликах! Понимаешь? Как только откроются пелервалы, сюда приедет милиция и увезет тебя в наручниках.

Лера растерянно взглянула на свои руки, представляя, как они будут выглядеть в наручниках.

— Но ведь я не виновата, — негромко проговорила она.

— А я не могу это доказать! — крикнул я. — Я, частный детектив, раскрывший десятки сложнейших преступлений, не могу доказать, что Марко убила не ты!

Лера тихо заскулила и стала оседать на диван. Она крутила головой, беззвучно шевелила губами и прижимала руки к груди.

— Миленький, — прошептала она. — Помогите мне! Я не хочу в тюрьму... Мне нельзя в тюрьму... Умоляю вас...

— Ну о чем, о чем ты меня умоляешь? — рывкнул я и со всей силы грохнул кулаком по столу. — Как в твоей машине оказался "стерлинг"? Отвечать не задумываясь!

Я здорово наехал на девчонку. У нее даже очки запотели, руки задрожали, колени произвольно приподнялись, и вся она стала сжиматься, словно улитка.

— Как... — едва слышно произнесла она. — К-к-какой термин?

— "Стерлинг"! Хватит притворяться! Я говорю о пистолете!

— Не знаю... никакого пистолета не знаю... — забормотала она, подтягивая к себе одеяло, чтобы закрыться им от меня.

— Но раз ты не знаешь, — тише произнес я, — то я тебе скажу: в твоей машине, под водительским сиденьем, лежит пистолет, из которого был убит Марко.

— Ой, — прошептала Лера. — Мамачка...

— Ты хочешь сказать, что тебе его подкинули?

Лера рассеянно кивнула, потом отрицательно покачала головой, затем снова кивнула. Она была сбита с толку.

— Ты была в туфлях, когда... когда раздался выстрел? — продолжал я допрос, не сводя взгляда с очков Леры.

Она кивнула и прижала ко лбу ладонь.

— Где они? Почему ты сейчас в этих идиотских тапочках? Знаю, почему ты не надеваешь туфли! Я все знаю!

— Нет, — жалобно произнесла Лера.

— Да! — крикнул я, нависая над девушкой. — Ты последняя, кто видел Марко живым! О чем вы говорили с ним? Правду говори!

— Не могу, — выдавила из себя Лера. — Если я скажу, то... то вообще не выйду отсюда живой.

— Предпочитаешь выйти отсюда в наручниках?

Лера вдруг оттолкнула меня и, взобравшись на диван с ногами, прижалась к спинке. Тут она дала волю слезам.

— Я так надеялась на вас, — всхлипывая, говорила она. — Они все подстроили... Подменили записку... И пистолет... У меня не было никакого пистолета...

— Подменили записку? — повторил я. — Значит, про потные руки и общественный туалет писала не ты?

— Сто раз уже говорила вам, что не я!

— А что ты писала? — вкрадчиво спросил я, заманивая Леру в ловушку.

— Так... всякую чепуху.

— А точнее? Хотя бы пару фраз! — И я демонстративно вынул из кармана и положил на стол стопку листов с пожеланиями. Лера подняла голову, вытерла нос, протерла краем платья очки.

— Что это? — спросила она.

— Ваши записки.

— Откуда они у вас?

— От верблюда. Что ты писала?

Царапая ногтем обшивку дивана, Лера заговорила:

— Я хотела написать что-то умное, но получилась какая-то ерунда... В общем, я написала, что люблю загадки, и мне хочется всем гостям загадать загадку, а ответ они узнают на следующей встрече, через год. Но потом поняла, что ведь эту записку сейчас никто не прочитает, значит, про мою загадку никто не узнает... — Она замолчала, глядя на мое лицо.

Я не мог поверить своим ушам. Торопливо перебрал листы и выхватил из стопки тот, в котором говорилось про загадки, про встречу через год и шок.

— Еще! — потребовал я и отошел к двери, чтобы Лера не смогла каким-нибудь хитрым способом подглядеть текст на листе.

Девушка, вытирая платком глаза и нос, ответила почти не задумываясь:

— Еще, вроде бы, так: "Я не хочу держать вас в дураках целый год, но тайна именно потому тайна, что доступна только одному. Простите меня, если мой сюрприз оказался для вас потрясением".

Она воспроизвела текст записки слово в слово. Я остолбенел. Моя стройная схема дала трещину.

— Когда ты это писала? — спросил я неожиданно размякшим голосом.

— Когда и все, в порядке очереди, — ответила Лера. — Кажется, было около восьми.

— За кем ты пошла к компьютеру?

Лера задумалась. Я боялся дышать, чтобы не помешать ей.

— Первым пошел Марко. За ним Ольга, — вспоминала Лера, теребя в руках платок. — Потом... потом, кажется, Кика. А я пошла четвертой.

Я вынул из стопки текст и пробежал по нему глазами: "Бог все видит, и ничего не забывает. Сейчас мы все веселы, пьем вино и жрем мясо..." Да, сходится. Это явно писала Кика.

— Черт возьми, — пробормотал я, возвращаясь к столу. — Кто же тогда написал это? — И я щелкнул пальцем по копии записки, которую мертвый Марко сжимал в своей руке.

— Не знаю, — пожала плечами Лера.

Я взглянул на время, проставленное компьютером автоматически. Двадцать часов тридцать минут. Через пятьдесят минут после того, как Лера написала свое пожелание.

— Вот что, — осенило меня. — Сейчас мы разложим их по хронологии.

Лера встала, подошла к столу, бегло просматривая тексты.

— Первым пошел Марко?

— Да, — уверенно ответила девушка. — Он, потом Ольга, потом Кика, потом я.

Я сдвинул на край стола записку с бессмысленным набором букв и подписал ее "Марко". Вторую, с грозным предостережением: "Я хочу напомнить вам, милые мои, что халва не бывает вечной..." пометил словом "Ольга". Вполне возможно, что жена проявила озабоченность излишней щедростью мужа. Автором третьей записки и по времени, и по содержанию была признана Кика. Четвертая принадлежала Лере.

Пожелание, рожденное вслед за творением Леры, начиналось словами: "Я знаю, что такое настоящий мужчина... Перед нами сидит глупая Обезьяна, которая думает, что она — человек..."

— Кто пошел за тобой? — спросил я, расставляя по очередности оставшиеся пять записки.

— Не помню, — после паузы ответила Лера. — Я только вернулась в гостиную, как Марко пригласил меня на танец.

— У нас остаются Виолетта, Плосконос и дворник.

— Вряд ли дворник станет писать, что знает настоящих мужчин, — произнесла Лера, читая анонимную записку.

— Дворник, скорее всего, написал это, — и я придвинул Лере записку со словами: "Я человек простой и не умею писать умно и красиво..."

— Правильно! — обрадованно ответила Лера. Эта нехитрая головоломка увлекла ее, даже слезы на ее глазах просохли. — Тогда можно предположить, что насчет обезьяны высказалась Виолетта.

— Какую же написал Плосконос? — вслух подумал я, сдвинув на другой край стола оставшиеся три записки.

— Похоже, что эту, — предположила Лера, постучав пальцем по тексту, в котором говорилось про командировку в Чечню и любовь к своему ближнему.

— Эта отпадает, — сказал я, сложил лист вчетверо и сунул его в карман. — Это пожелание написано полчаса назад Виолеттой.

— Вот как? — удивилась Лера и задумалась. Потом взяла со стола записку, распечатанную в девятнадцать сорок семь, и вслух прочитала ее от начала и до конца:

— "Марко! Ты считаешь, что стоишь на вершине Олимпа. Что тебя окружают мелкие, ничемные людишки, не способные на сильные поступки. К таким ты причисляешь и меня. Тебе все в жизни доставалось легко — деньги, красивые женщины, слава. Удача сама падала тебе в руки. Я — твоя полная противоположность. Я неудачник, и жизнь моя — одна сплошная драма. Но я не баран, не безвольная тряпка, как ты меня называешь. Со мной случилась беда — я "сел на иглу". Невероятно, но ты об этом даже не догадываешься. Ты считаешь, что я обыкновенный пьяница. Твоя природная тупость и близорукость не позволяют тебе рассмотреть, какие чудовищные усилия я прилагаю к тому, чтобы оставаться человеком. Я борюсь с собой, я отвоевываю у наркотиков день за днем и становлюсь сильнее. А ты тупеешь и превращаешься в скотину. В этом наше с тобой различие: я поднимаюсь, а ты падаешь. Через год, когда ты будешь читать это письмо, меня рядом с тобой не будет. Уверен, что я буду твердо стоять на ногах и, конечно, не зависеть ни от кого. Я пишу это для того, чтобы ты, оглянувшись назад, понял, кто кем был, и кто кем стал". — Потом положила записку на стол, посмотрела на меня и задумчиво произнесла: — Все правильно. Я так и думала.

— Что ты думала? — спросил я, просматривая откровения Плосконоса.

— Что Плосконос наркоман. Конечно же, он очень испугался, когда записка попала в руки Виолетты. Понятное дело: если о его пристрастии узнают в фирме, то выгонят моментально. А это в его ближайшие планы явно не входит. Вот он и попытался отобрать ее силой.

Я читал пафосное пожелание, написанное от имени Плосконоса Виолеттой.

— А вашу мадам после удара ухом о косяк осенило заняться выгодным бизнесом. Плосконос, скорее всего, уже выкупил у нее свои откровения. А чтобы восполнить недостачу вещественных доказательств, Виолетта подменила недостающую записку вот этой фальшивкой про Чечню. Других объяснений просто быть не может.

Посреди стола осталось лежать роковое пожелание. Я еще раз посмотрел на время, когда оно было отпечатано — двадцать часов тридцать минут. То есть сорок минут спустя после того, как дворник сочинил последнее, седьмое пожелание.

— Постарайся быть предельно точной, — спросил я. — Что было после того, как дворник сотворил свое пожелание и вышел из подсобки?

— Марко вынес бутылку в гостиную, загнал в горлышко пробку, обвязал ее проволокой и сказал, что пойдет к себе и подыщет для бутылки подходящий полиэтиленовый мешок.

- Не обратила внимания, который был час?
- Восемь, — уверенно ответила Лера. — По телевизору начались "Вести".
- Что было потом?
- Ничего особенного. Кто-то погасил в гостиной свет, зажег свечу. Дворник пригласил меня на танец. Плосконос — Ольгу. Виолетта курила. Киха все хлебом давилась и водку стаканами глушила.
- Марко к вам спустился?
- Нет. В гостиной он больше не появлялся.
- А к нему кто-нибудь поднимался?
- Лера пожала плечами.
- Откуда я могу знать? Я потанцевала и села за стол. Там я нашла такие вкусенькие помидорники — пальчики оближешь!
- Но ты же должна была видеть, кто выходил из гостиной!
- Выходили почти все. И Ольга выходила, и Киха, и Плосконос. Только дворник от стола не отходил, он все на водочку налегал. Это я хорошо запомнила.
- Теперь расскажи, как ты оказалась у Марко, и в котором часу это произошло? — перешел я к самому трудному для Леры вопросу.
- В гостиной сильно накурили, и мне стало душно. Я вышла на лестничную площадку, но там тоже было накурено. Тогда я поднялась на один пролет — окно было приоткрыто, и гулял свежий сквознячок. Я постояла минут пять, как вдруг на верхней площадке открылась дверь и на лестницу выскочил Марко.
- Выскочил? — переспросил я.
- То есть, вышел. Но очень быстро, решительно. Увидел меня и сразу остановился, как вкопанный.
- Как он выглядел?
- У него лицо было злое. Увидел меня и говорит: "Зайди ко мне!"
- Ты не испугалась?
- Я испугалась, когда увидела на полу в его комнате разбитую бутылку и раскиданные записки.
- А почему ты испугалась?
- Кажется, мы подошли к самому главному. Лера начала покусывать губы. Я кидал взгляды на то, как она теревит кольцо и думал, что так можно и палец оторвать.
- Я поняла, что он догадался, какая записка моя.
- Дальше!
- Лера часто и тяжело дышала.
- Марко спросил меня, что я имела в виду под словом "сюрприз".
- И ты сказала?
- Нет! — крикнула Лера и, кажется, сама испугалась своего голоса. — Если бы я сказала, то живой оттуда не вышла бы.
- Вот как? — произнес я и почувствовал, как мурашки побежали по моей спине. — Твоя тайна настолько опасна для тебя?
- Для него, — едва разжимая губы, ответила Лера.
- Он стал тебе угрожать?
- Да.
- Как именно?
- Он говорил: "Если не скажешь, я тебе устрою веселую жизнь".
- А ты что?
- Ничего. Мне стало страшно, и я быстро вышла на лестницу. Спустилась на второй этаж. Хотела вернуться в гостиную, но передумала... Не просто передумала, а мне стало как-то нехорошо. И тогда я спустилась вниз. Только дошла до своей двери, как услышала выстрел.
- Как ты думаешь, почему Марко сразу догадался, что записку про некий сюрприз написала ты?
- Не скажу, — немедленно ответила Лера.
- Лучше бы она солгала. Я даже зубами заскрипел от ее упрямства.

— Ну, хорошо. И что в итоге у нас получается? После того, как ты ушла, к Марко поднялся убийца, выстрелил в него и сунул ему в руку записку, которая бросала подозрение на тебя. Затем он незаметно вышел из дома и подкинул в твою машину пистолет. Так?

— Почему вы меня об этом спрашиваете? Вы сыщик, вам виднее.

— Это скверное пожелание написано убийцей, — размышлял я. — И написано именно "под тебя". Значит, убийца заранее знал, что Марко пригласит к себе не Кику, не Виолетту, а Леру. И что у тебя с ним будет тяжелый разговор. Как он смог это предвидеть? Только прочитав твоё многозначительное пожелание на экране монитора. Но это мог сделать человек, хорошо знающий программирование.

— Никто не мог прочитать с монитора, — возразила Лера. — Когда Марко вынес из подсобки бутылку, Ольга сразу закрыла дверь на ключ.

— Ты это видела?

— Собственными глазами.

— Значит, плохо она хранила этот ключ, — мрачным тоном произнес я. — Виолетта, между прочим, им уже пользовалась.

— Виолетта? — переспросила Лера и испуганно посмотрела на меня. — Вы хотите сказать, что...

— Я пока ничего не хочу сказать, — перебил я девушку, — потому что какой-то псих действует мне на нервы.

Лера не сразу поняла, что я имел в виду. Лишь когда я подошел к двери и распахнул ее, до нее донеслись ритмичные удары, словно кто-то бил кувалдой по полу.

Глава пятнадцатая. Птичка в клетке

— Что это? — прошептала Лера. — По-моему, кто-то кричит.

Мы побежали по лестнице вверх, и с каждой секундой глухие удары и вопли становились все более выразительными. Незаметно к нам присоединились Плосконос и Виолетта с помятыми лицами, а затем из глубины коридора выплыла и Кика. Значит, кричать могла только Ольга.

Я кинулся в гостиную, сбив по пути пару стульев, и остановился перед дверью Ольгиной комнаты. Она сотрясалась от ударов. Из-за двери доносился отнюдь не жалобный, не испуганный голос, а вопль разъяренной женщины.

— Что за идиотские шуточки! — кричала Ольга, чередуя слова ударами по двери. — Кто там есть живой! Немедленно ко мне! Вы там что, ополоумели все?

— Ольга! — крикнул я, не рискуя прислоняться к вибрирующей двери ухом. — Это я, Вацура! Что там случилось?

— Негодяи! Шутники хреновы! Кровью харкать будете за такие шуточки! — не слушая меня, вопила хозяйка.

— Может, ей приснилось что-нибудь? — вполголоса пробормотал за моей спиной Плосконос.

— Белая горячка, — с иронией произнесла Кика и не без интереса покосилась на стол, по-прежнему отягощенный бутылками и закуской.

— Ты замолчишь или нет? — не выдержал я и тоже ударил кулаком по двери.

Это на Ольгу подействовало. Стуки и крики вмиг стихли, и до нас донесся рассерженный голос:

— Кто это?

— Здесь все, Ольга, — ответил я. — Ты подняла на ноги весь дом. Что стряслось?

— Послушай, Вацура, разберись же, наконец, с этими идиотами! Кто-то запер мою дверь снаружи, и я не могу отсюда выйти!

Я на всякий случай толкнул дверь. Она не поддавалась.

— Протолкни свой ключ под дверь, — посоветовал я, — и мы тебя откроем.

— Да нет у меня ключа! — нервно ответила Ольга. — Какой же ты bestолковый! Я его всегда оставляю снаружи! Посмотрите вокруг, куда он там мог завалиться!

Мы все одновременно опустили головы и посмотрели себе под ноги. Виолетта, с едкой иронией воспринимая происходящее, села на кресло и закинула ногу за ногу.

— Не правда ли, забавно? — спросила она у меня, посасывая мундштук.

Плосконос, отличающийся особой старательностью в поисках ключа, опустился на корточки и даже залез под стол.

— Ну, что там? — крикнула из-за двери Ольга.

— Ищем! — громко отозвался из-под стола Плосконос.

— Интересно бы узнать, — произнесла Виолетта. — Кому понадобилось изолировать от нашего славного общества первую леди?

— Может, она сама заперлась? — пожала плечами Кика, делая вид, что ищет ключ на столе.

Я почувствовал, как Лера незаметно взяла меня за руку. Среди этих людей, обвинивших ее в преступлении, она чувствовала себя, как заяц в лисьей норе.

— Да выпей же, выпей! — грудным баском произнесла Виолетта, глядя на Кика поверх очков. — Что ж ты так над собой издеваешься?

— Не ваше сучье дело, хочу я выпить или нет! — огрызнулась Кика и, будто делая зло, взялась за бутылку.

Виолетта вздохнула и обратилась ко мне:

— Педагогическая система воспитания "а ля Кольма"... Кстати, говорят, что вы блестяще завершили уголовное расследование и нашли убийцу?

Мне показалось, что нервы Виолетты взвинчены до предела и звенят, как нож гильотины.

— Вынужден вас разочаровать. Убийца пока мне не известен.

— Вы ищете ключ или нет? — очень кстати крикнула Ольга, невольно обрывая неприятный разговор с Виолеттой.

— А чего его искать? — произнесла Кика, закусывая кусочком зачерствевшего хлеба. — Если кто-то захотел запереть Ольгу, то уж, конечно, спрятал ключ в надежном месте.

Это была правда, притворяться друг перед другом не имело смысла.

— Ольга, — позвал я, прислонившись к двери. — Ключа нет, и мы вряд ли его найдем. Отойти от двери, я ее сейчас выломаю.

— Что? — возмутилась Ольга. — Ты в своем уме? Эта дверь сделана из индонезийского дуба, ручная работа! Ей цены нет!

— Я понимаю, но приходится выбирать между дверью и твоей свободой.

— Нет, нет, не прикасайся к двери, я тебе не доверяю! — руководила из комнаты Ольга. Я повернулся и обвел взглядом присутствующих.

— Есть шанс освободить Ольгу без материального ущерба. Постарайтесь вспомнить, где может находиться этот ключ?

— Позовите Клима! — вдруг озарило Ольгу. — Он умеет разбирать замки.

— Ты имеешь в виду дворника? — уточнил я. — Но как он зайдет в дом? Ключа от нижней двери тоже нет!

— У него должен быть дубликат! Да не стойте же! Делайте что-нибудь!

— Я позову! — Плосконос вылез из-под стола и вышел из гостиной.

Все, кто остался у запертой двери, молча прислушивались, как Плосконос открывает в коридоре окно и срывающимся голосом кричит: "Эй! Дворник! Дворник! Подойдите поближе! Что? Я вас не слышу!"

— Смотрю я на вас, — вцепилась в меня Виолетта, — и думаю: вы среди нас уже как родной. Вы хоть поужинали? Смотрите, оливье осталось, солености... Если успеете, можете и водочки махнуть грамм сто.

Я с благодарностью улыбнулся и приложил руку к сердцу.

Мы скучали в разных углах в ожидании освободителя. Лера, выпрямив спину и сложив ладони на коленях, сидела на стуле. Виолетта расслаблялась в кресле, и у нее явно чесался язык. Желая общения, она поочередно тормозила взглядом каждого из нас. Кика, отбросив комплексы, с аппетитом ела холодную курицу, щедро намазывая ее горчицей.

— Мне кажется, — опять обратилась ко мне Виолетта, — вы стоите на пороге сенсационного открытия. К примеру: Марко застрелили инопланетяне.

— Вряд ли, — сохраняя серьезное выражение лица, ответил я. — Инопланетяне так бы не наследили.

— А что, преступник оставил много следов? — удивилась Виолетта.

— Очень много.

— Что вы говорите! — она покачала головой и коснулась губами кончика мундштука. — Значит, версию о самоубийстве вы отмечаете категорически?

— Пока я ничего не отмечаю. Зато уверен, что преступник умело манипулировал вашими записками. То, что все они анонимны и отпечатаны на принтере, делает его манипуляции незаметными.

— Мне кажется, вы намекаете на меня, — произнесла Виолетта, искоса поглядывая на меня. — То, что все записки хранятся у меня, еще ни о чем не говорит.

— Говорит, — не отрываясь от еды, произнесла Кика.

— Ой! — воскликнула Виолетта и вскинула голову. — Еще одна пигалица вылезла! Мы тебе слово не давали. Так что уминай за обе щеки. На всякий случай. Кто знает, будут ли тебя так хорошо кормить в будущем...

Честно говоря, я не ожидал от Кики столь резкой реакции. Она замахнулась и швырнула в Виолетту маслину. Сливка стукнулась о подлокотник кресла и пружинисто отскочила в сторону.

— Замечательно! Просто замечательно! — ядовитым голосом произнесла Виолетта, зачем-то отряхивая юбку, и в очередной раз обратилась ко мне: — Наверное, вы получаете огромное удовольствие лицезреть все это? Приходите к нам почаще. Правда, наш коллектив стремительно сокращается в численном составе...

Внизу гулко хлопнула дверь, и послышались тяжелые шаги. Через минуту в гостиную вошел дворник. Этого человека я впервые видел так близко и при свете. Он снял шапку, и его жесткие, с грязной проседью, волосы сразу встали торчком. Глубоко посаженные глаза были невыразительны, да и весь его вид был непривлекательным и мрачным.

Неторопливыми движениями дворник поставил на стол чемодан, раскрыл его и вынул оттуда отвертку с почерневшей рукояткой. Сжимая ее в руке, словно нож, он приблизился к двери, присел на одно колено и стал свинчивать крепежный шуруп. Он не делал ни одного лишнего движения, ни разу не замер, чтобы обдумать дальнейшие действия.

Мы все смотрели за его работой, словно замороженные. Разговаривать в присутствии этого нелюдимого великана почему-то не хотелось. Я вспомнил короткий текст его пожелания: "Я человек простой и не умею писать умно и красиво. Желаю всем сибирского здоровья, кавказского долголетия..." Странно, что он вообще смог что-то написать.

Шуруп упал на пол. Дворник бережно поднял его и положил в карман. Затем принял свинчивать второй шуруп. После чего снял облицовочную панель замка, аккуратно положил ее на пол и начал разбирать запорный механизм. Через пару минут он оттянул стамеской язычок замка и открыл дверь. Нашим глазам предстало впечатляющее зрелище: Ольга стояла на пороге в ночной рубашке, широко расставив босые ноги, и прикрывала руками глубокий вырез на груди.

— Ты разобрался, кто это сделал? — крикнула она мне, словно я нанялся к ней начальником личной охраны.

Я не ответил и отвел глаза, не желая разговаривать с хозяйкой в таком тоне. Кика, словно кошка, неторопливо встала из-за стола, сплюнула селедочную косточку в салатницу и пошла к выходу. Лера затолкала в рот пирожное-корзинку, а Виолетта вытерла губы салфеткой и громко объявила:

— Все прекрасно, дорогая ты наша! Волки сыты и бараны целы. До прибытия оперов можно расползаться по норам.

В нашем единомышленном миролюбии гнев Ольги непременно погас бы, если бы вдруг с лестницы в гостиную не заполз удушливый запах дыма. Первой его почувала Виолетта. Она вскочила с кресла и закудаhtала:

— Что такое? Что это горит? Откуда дым?

— Чем вы тут занимаетесь, черт вас подери! — снова крикнула Ольга. — Все жрете, все никак от стола отойти не можете! Дом подпалили!

— А где Плосконос? — ахнула Виолетта, не обращая внимания на Ольгу, быстро оглядела гостиную и вдруг с удивительной резвостью кинулась к выходу.

— Не стой, как египетская пирамида! — крикнула Ольга дворнику и толкнула его в спину. — Разберись, что там случилось!

Она настолько действовала мне на нервы, что я вышел из гостиной быстрее дворника. На лестнице меня догнала Лера, предпочитая в критические минуты находиться со мной рядом. Мстительно ухмыляясь, за нами увязалась Кика.

— Вы понимаете, что именно сгорело? — шепнула мне Лера.

Даже если бы я не понимал этого, то лишь очень непродолжительное время. Мы спустились на первый этаж и увидели лежащую на мозаичном полу горстку дымящегося бумажного пепла. Рядом с ней возвышалась Виолетта с перекошенным от злости лицом.

— Он просто негодяй, — бормотала она, нервно переступая с места на место. — Какая наглость... Я этого так не оставляю... Он очень, очень пожалеет... Ну что ты, Шлында, силешь, как новенький унитаз?

Последняя фраза относилась к Кике, которая, действительно, не скрывала своей радости по поводу сожжения Плосконосом плода коллективного творчества. Не реагируя на оскорбление Виолетты, она присела на корточки перед горсткой пепла и подула на него, пытаясь оживить тление. Ее тотчас потеснил дворник и затоптал пепел сапогами. Потом вынес из-под лестницы веник и совок и навел чистоту.

Цокая каблухами сапожек, к нам спустилась Ольга. Поверх ночной рубашки она накинула шубку, полагая, что для нашего неблагодарного общества такой прикид вполне сойдет.

— Что сгорело? — спросила она.

— Пожелания! — ответила Виолетта. — Все, до единого! Надеюсь, ни для кого не секрет, кто это сделал?

— Это серьезно? — спросила у меня Ольга.

Я отрицательно pokrutil головой.

— Тогда разберись с этим, а потом зайди ко мне, — бросила она усталым голосом и пошла наверх.

— И я вас тоже прошу — разберитесь! — размахивая перед моим носом то ли пальцем, то ли кулаком, сказала Виолетта. — Обязательно поставьте в известность об этом омерзительном факте милицию... Вы только обратите внимание! — громче заговорила она, показывая рукой в сумрачный коридор. — Он взломал мою дверь! Полюбуйтесь! — Она схватила меня за руку и едва ли не силой потащила к распахнутой настежь двери. — Я еще не проверяла, но возможно он украл у меня и деньги! Этому человеку нельзя верить! Зафиксируйте — он вырвал замок почти с мясом!

Мы зашли в ее комнату. Мебели и вещей здесь было слишком мало для серьезного обыска, потому в комнате царил вполне сносный порядок. Только подушка валялась на полу.

— Вот, полюбуйтесь! — злобно зашипела Виолетта, тыча пальцем в подушку. — Я прятала листы под ней, на кровати. Но этот аморальный тип обыскал мою постель! Ах, ах, почему же я не взяла их с собой? Какая я бестолковая! — Она повернулась ко мне. — Как это будет расценено судом? Воровство или ограбление? На полную хатушку ему! На полную!

— Посмотрите, пожалуйста, — напомнил я о главном. — Деньги и личные вещи на месте?

— Да это у меня всегда с собой, — с неохотой ответила она, похлопав ладонью по сумочке, болтающейся на ремешке. — Но разве пожелания представляют меньшую ценность? Это же самое главное вещественное доказательство! Ось, вокруг которой вращался преступный замысел убийцы!

— Успокойтесь наконец. Почему вы так волнуетесь?

— Как почему? Как почему? — с негодованием воскликнула Виолетта. — Разве вы не понимаете, что эти документы — ключ к истине? Отправная точка профессионального расследования.

На слове "профессионального" она сделала ударение, желая подчеркнуть, что мое расследование всерьез не принимает.

— Что ж вы эту отправную точку продали Плосконосу за сто долларов? — с мягким упреком спросил я и покачал головой.

Виолетта вылупила на меня свои подслеповатые глазки, затем засопела, торопливо нацепила на нос очки и отрывисто произнесла:

— Знаете, что!.. Я не нуждаюсь... Ну-ка, выметайтесь из моей комнаты!

Я не заставил Виолетту повторять и вышел в коридор. Она тотчас захлопнула за моей спиной дверь, а потом до меня донесся ее приглушенный голос:

— Надо еще разобраться, что вы за гусь!

Глава шестнадцатая. Туфли, пистолет и яд

И тут я почувствовал, что меня прошибло холодным потом. Входная дверь! Как же я мог забыть, что дворник открыл ее изнутри, и теперь любой может выйти из особняка!

Дурное предчувствие вытеснило из моего сознания все остальные мысли и переживания. Боясь думать о последствиях, я побежал к выходу, распахнул дверь и выскочил на крыльцо. Там я на мгновение задержался, задохнувшись от свежего морозного воздуха. Кругом царил тишина, которую заполнял единственный звук — ритмичное шуршание метлы в руках дворника. Затем побежал по девственно чистой дорожке, моля Бога, чтобы мои опасения оказались напрасными. Открыв калитку, я сделал всего шаг и тотчас увяз в снегу по колено. Пробраться к "девятке" оказалось не так-то просто. Я пошел по своим старым следам, и чем ближе подходил к машине, тем сильнее сжималось мое сердце. Кажется, мои худшие опасения оправдались: вся машина была присыпана легким сухим снегом, но снежная шапка с одного бока была повреждена: темным пятном на ней выделялась водительская дверь. Можно было сказать с уверенностью, что ее недавно открывали, и потому снег с нее сыпался.

Со слабой надеждой я приблизился, открыл дверь и опустил руку под сиденье. Пошарил с одного бока, потом с другого — пистолета не было.

Я зарычал от досады и с силой захлопнул дверь. Какой непростительный прокол! Тот, кто хотел заполучить "стерлинг", только и ждал, когда откроют входную дверь. Быстро он обернулся, ничего не скажешь!

Я вернулся во двор и остановился, глядя на то, с каким усердием дворник подметает дорожку. Конечно, ни одного следа не осталось! Тот, кто скажет мне, что это чистое совпадение, рискует получить кулаком в лоб.

Дворник продолжал мести, не обращая внимания на меня. И даже когда метла прошла по моим ботинкам, он не остановился.

— Не перестарайся, — сказал я ему.

Дворник поднял на меня тяжелый взгляд.

— Какие проблемы?

— Кто выходил из дома?

— Не видел, — односложно ответил он и снова начал мести снег.

Я наступил на прутья метлы ногой. Дворник опять поднял голову. Теперь я почувствовал, как от него начинает исходить тупая агрессия. Силы ему, конечно, не занимать. Но одним ударом он все же вряд ли сумеет меня свалить, а от второго я увернусь.

— Послушай меня, — сказал я. — Если в доме произойдет еще одно убийство, ты будешь проходить по делу как соучастник. Но это в лучшем случае.

Ничего не ответив, дворник выдернул метлу из-под моих ног и с невозмутимым видом возобновил работу. Я же повернулся и пошел к дому, думая о том, что теперь к моему расследованию добавилось еще одно немаловажное обстоятельство: оно стало для меня смертельно опасным. Пистолет занял боевую позицию.

Я поднимался по ступенькам крыльца, но вдруг остановился и посмотрел по сторонам. Мне показалось, что на крыльце раньше стоял какой-то предмет. Точнее, это был не предмет... Но именно из-за него Лера упала в обморок!

И тут я вспомнил, чего сейчас не хватало. Лая сторожевого пса! Я уже стоял у двери, а мохнатый сторож не подавал сигналов тревоги.

Я перегнулся через перила и посмотрел вниз. Из собачьей будки выглядывали две черные лапы. Я свистнул — никакой реакции. Пришлось спуститься, чтобы напомнить зверю о его функциональных обязанностях. Я не спеша приблизился к будке, готовый отскочить в сторону, если пес вдруг проявит служебное рвение, и пригнулся.

Никогда в жизни еще не видел, чтобы собака спала с раскрытой пастью, вывалив розовый язык. Осененный внезапной догадкой, я легонько пнул ногой тяжелую треугольную голову. Собака была мертва.

Я присел перед будкой, взялся рукой за мягкий, еще теплый загривок, и выволок животное на снег. Крови не было. Значит, в него не стреляли.

За моей спиной послышались тяжелые шаги. Я обернулся. Ко мне приближался дворник с метлой на плече. Присев рядом с трупом собаки, он взялся за мощные челюсти обеими руками, раздвинул их, заглянул в глубину глотки и покачал головой. Потом выпрямился и пнул ногой здоровенную миску. Вместе с засохшими обглоданными костями на снег вывалились маленькие кусочки вареной колбасы.

— Похоже, проглотила псинка отраву, — почти равнодушно произнес дворник, поправляя на голове шапку. — Кто-то из гостей лишнего шума побоялся...

— А почему именно кто-то из гостей?

— А потому что на своих она и так бы не лаяла — зачем тогда ее травить?

Я промолчал — возразить было нечего. Вернулся в дом, закрыл за собой дверь на ключ и остановился у лестницы, раздумывая, куда пойти и что предпринять. У меня не было сомнений, что отравление собаки и пропажа пистолета из машины — два логически следующих друг за другом события. Чтобы незаметно, не привлекая внимания, выйти со двора за пистолетом, а затем вернуться обратно, злоумышленник кинул собаке отравленную колбасу. Значит, как минимум на двух уликах его можно поймать: на промокшей в глубоком снегу обуви и на отраве, которой он воспользовался.

Я направился к Лере, сам не зная, что именно влекло меня к ней: то ли желание одним махом доказать ее вину и поставить точку, то ли стремление укрыться в надежном месте, где менее всего можно было ожидать выстрела в спину, то ли инстинктивная тяга к стройной девочке.

Но когда я без стука распахнул дверь комнаты, отчего Лера испуганно забилась в самый дальний угол дивана, я понял, что мною управляют амбиции сыщика.

— Где обувь? — негромко, но достаточно жестко произнес я.

— К-к-какая обувь? — заикаясь, переспросила Лера, как щитом прикрываясь книжкой.

Я не стал уточнять. Время и внезапность решали все. Встал на колени перед диваном, пошарил рукой по пыльному полу и выудил пару усасть тигрят. Они были совершенно сухими. Отшвырнув близнецов в сторону, я отдернул штору, проверил батарею отопления. Там было пусто.

Развернувшись, шагнул к двери, дернул на себя дверцу стенного шкафа и сразу увидел пару сапожек на высоком каблуке, которые доставили Лере столько неудобств на обледеневшей дорожке. Мне казалось, что я уже чувствую мокрую и холодную подошву, к которой прилипли крошки не растаявшего льда, и уже придумывал первые слова, которые должен буду сказать Лере. Но... Но сапожки оказались совершенно сухими. Не менее сухими, чем тапочки.

— Что с вами? — спросила Лера, глядя на меня так, как смотрят на психически нездоровых людей. — Что вы там ищете?

И тут я вспомнил про белые туфли, которые лежали в спортивной сумке. Ведь в них запросто можно было выскочить во двор!

— Где туфли? — крикнул я и тут сразу понял, что коснулся какой-то важной тайны.

Лера невероятно смутилась. Она попыталась улыбнуться, скривила губы, затем пожала плечами и отрицательно покачала головой. Лицо ее быстро покрылось пунцовыми пятнами.

— Туфли? — переспросила она, изо всех сил стараясь говорить легко и непринужденно. — Какие туфли?

— Белые! — уточнил я, не сводя с девушки глаз, и шагнул к ней.

— Ой, мамочка... — прошептала Лера, подтягивая к себе колени и прижимая книгу к груди.

— Которые лежали в твоей сумке, — и приблизился еще на шаг.

— Вы что? — шепнула Лера, сверкая очками, — собираетесь меня убить?

— Хуже, — ответил я.

— Хуже не бывает, — попыталась вступить в полемику Лера.

Я открыл дверцу тумбочки. Там ничего не было. Потом я подошел к платяному шкафу и взялся за створки.

— Лучше во всем признайся сама.

— В чем? — жалобно уточнила Лера.

— Пистолет где? — рявкнул я.

— Господи! — зашептала Лера, вскидывая глаза к потолку. — Так что вы ищете — пистолет или туфли?

— Баночку с ядом!

В шкафу я обнаружил спортивную сумку, выволок ее, поставил перед диваном и предложил:

— Давай по-хорошему. Ты мне — пистолет, а я подумаю, как тебе помочь.

— У меня нет никакого пистолета! — клятвенно произнесла Лера.

— Хорошо, допустим. — Я обессиленно опустился на стул. — Давай хотя бы туфли.

Лера отложила книгу и опустила ноги на пол.

— Скажите, Ольга много вам заплатит за то, что вы посадите меня в тюрьму? — спросила она чуть хриловатым голосом. — Может, я смогу заплатить вам больше, чтобы вы отстали от меня?

— Хватит болтать, — сказал я, нахмурив лоб. — Туфли неси! И прекрати мне "выкать"!

Лера встала, прошлепала босыми ногами к ванной, у двери остановилась и повернулась ко мне.

— Честное слово, я никого не убивала. Я могу продать свою машину и отдать вам эти деньги...

— Стоп! Не надо слезу из меня выдавливать! — перебил я ее, с деланным интересом разглядывая свои кулаки. — Я сам знаю, что ты никого не убивала. Просто... просто ты себя так ведешь, будто всем должна и перед всеми виновата... Думаешь, мне очень приятно разговаривать с тобой таким тоном? Я с большим удовольствием пригласил бы тебя к себе домой. На романтический ужин, так сказать, при свечах... Но дело надо довести до конца. Это мой принцип, понимаешь?

— Понимаю, — кивнула Лера.

— Ну, раз понимаешь, то тащи туфли, и закончим этот дурацкий спектакль... Домой хочу. Надоело все...

Лера зашла в ванную и вынесла оттуда пару белых туфель. Протягивая их, она несмело приблизилась ко мне. Все еще хмуря брови, я покосился на туфли. Можно было махнуть рукой, встать и сказать: "Ладно, хватит. Ложись спать, больше я тебя не побеспокою". И уйти. И я уже был готов так сделать, но в последний момент все-таки взял их. И тотчас почувствовал, как мое сердце куда-то провалилось.

Туфли были влажными и теплыми — наверное, Лера сняла их с батареи, где они сохли. На одном каблуке темнело бурое пятно.

Я опустил глаза, чтобы не встретиться с молящим взглядом, и вернул туфли.

— Убери...

"В общем, так, — подумал я. — Сейчас поднимусь к Ольге, верну ей аванс и скажу, что мое расследование зашло в тупик. Потом сяду в свой джип и помчусь домой. лягу в кровать и буду спать сутки напролет".

Я вышел в коридор и с силой захлопнул за собой дверь.

Глава семнадцатая. Гуашь с клеем

Ольгу не слишком удивило мое заявление. Она взяла аванс и, не пересчитывая, кинула купюры в хрустальную пепельницу.

— Что-нибудь случилось? — спросила она, глядя в черное окно. — Должна же быть какая-то причина того, что ты так неожиданно уезжаешь?

— Ничего не случилось, — ответил я неправдоподобно легким тоном. — Но довести расследование до конца я не в состоянии. Мне не хватает фактов для окончательных выводов.

Ольга повернулась и, чуть склонив голову, пылливо взглянула мне в глаза.

— Не хитри! Я знаю, в чем причина.

— Знаешь или нет, но я, тем не менее, откланиваюсь.

Обняв себя за плечи, Ольга стала ходить по комнате, о чем-то напряженно думая.

— Если признаться, — произнесла она, — то я втайне желала, чтобы твои предположения относительно Леры не подтвердились. Сначала я ее страшно ненавидела и хотела, чтобы ей было плохо. Потом она стала мне безразлична. А теперь — ты представляешь? — мне ее жалко. Она еще так молода, но уже сломала себе всю жизнь... Я тебе доверяю, и мне кажется, с тобой можно говорить откровенно, — продолжала Ольга. — Ты не думал о том, как этой девочке можно помочь?

— Я думал о другом, — ответил я, — что отныне ты должна быть очень осторожна.

— А что такое?

— Боюсь, что в этом доме снова может прозвучать выстрел.

— Выстрел? — переспросила Ольга таким тоном, будто речь шла о щелчке мышеловки. — С чего ты взял? Какой выстрел? Разве у кого-нибудь есть оружие?

— Пропал пистолет твоего мужа. Кто-то сначала отравил твою собаку, затем незаметно вышел из дома и вернулся уже с пистолетом. Это произошло именно тогда, когда ты была заперта.

— Так, — прошептала Ольга окаменевшими губами. Новость настолько потрясла ее, что она не устояла на ногах и опустилась в кресло. — Приятные вещи ты мне рассказываешь, ничего не скажешь. И что теперь, по-твоему, я должна делать?

— Постарайся не выходить из своей комнаты до прибытия милиции.

— Как ты думаешь, кто мог завладеть пистолетом? — спросила она. — Ах, да... Значит, советуешь на всякий случай держаться от Леры подальше?

— Советую не выходить из своей комнаты, — выразительно повторил я.

— Не понимаю, — произнесла Ольга и внимательно посмотрела на меня. — Хочешь сказать, что я должна опасаться не только Леры?

— Совершенно верно.

— Ты меня пугаешь. И кого, по-твоему, следовало бы еще опасаться?

Я ушел от ответа и в свою очередь спросил:

— Скажи, Марко не писал завещания, в котором бы фигурировало имя вашего дворника?

Лицо Ольги вытянулось от изумления. Было видно, что я задал ей вопрос, о котором она никогда не задумывалась.

— Ты меня просто ошарашил, — растерянно проговорила она. — Честно говоря, я об этом ничего не знаю. Мы с Марко никогда не говорили на эту тему. А почему ты спрашиваешь?

— Да так, какое-то смутное чувство тревоги... Впрочем, наверное, ошибаюсь.

Я подошел к двери и напоследок еще раз взглянул на Ольгу. Боюсь, что в моих глазах слишком было заметно сострадание.

— Ты, конечно, храбрая женщина, но все-таки прояви благоразумие. Закройся и никому, кроме милиции, не открывай.

— Я так и сделаю, — пообещала Ольга, поднялась с кресла и протянула мне руку. — Спасибо тебе за все. Вот моя визитка. Звони, приезжай, когда станет скучно.

Я взял визитку, посмотрел на нее и, отрицательно покачав головой, вернул обратно.

— Извини! У меня вряд ли появится желание приехать к тебе.

— Как хочешь, — холодно произнесла она и кивнула на дверь. — Тогда я тебя больше не задерживаю.

Я с облегчением покинул комнату, спустился вниз, свернул к выходу и распахнул дверь. "Домой! Домой!" — мысленно поторопил я себя, но только перешагнул через по-

рог, как путь мне преградила Лера. Она стояла на крыльце в своей нелепой шубе, почти достающей до пят, в цветастом деревенском платке и в сапожках на каблуках-шпильках.

— Увезите меня отсюда, пожалуйста, — тихо взмолилась она и подняла со ступени спортивную сумку.

Раю я радовался свободе. Лера с вагоном улик не входила в мои планы. Надо было решительно отказать ей, но я не мог найти подходящих слов.

— Ты сделаешь себе только хуже, — предупредил я.

— Знаю, но мне уже все равно. Здесь я не могу оставаться. Пожалуйста, не оставляйте меня.

— Ты понимаешь, как твое исчезновение расценит милиция? — спросил я, доставая из кармана ключи от машины.

— Понимаю. Но лучше иметь дело с милицией, чем с Ольгой.

Я усмехнулся.

— Ты ее боишься, а она тебя. Что ж, мое дело предупредить. Пошли.

Торопливо, чтобы я не успел передумать, Лера засемила по скользкой дорожке впереди меня. Прежде чем выйти на улицу и закрыть калитку за собой, я обернулся, кинув прощальный взгляд на угрюмый дом. И тут я заметил, как лицо дворника быстро спряталось за углом.

Это лишь подстегнуло мое стремление как можно быстрее смотаться отсюда. Не помню, когда я еще с такой радостью садился за руль своего джипа. Со скрипом приминая снег, машина тронулась с места. Дать задний ход, чтобы вернуться к лесу, я не мог — "девятка" преграждала свободный от сугробов проезд. Пришлось отыскивать какие-нибудь объездные пути.

Я смотрел вперед и чувствовал, что настроение начинает портиться.

Улочка, по которой мы ехали, оканчивалась тупиком. Свет фар уперся в глухой забор.

— Что? — забеспокоилась Лера.

— Застряли. Сейчас будешь выталкивать, — со злостью проговорил я.

Она уже открыла дверь и выставила наружу ноги, чтобы прыгнуть на снег и начать выталкивать полутоннажный джип. Я едва успел схватить ее за плечо, и дал задний ход. Мы вернулись на прежнее место. Ловушка! Ни вперед, ни назад. Все пути отрезаны.

— Вот надо было мне с тобой встретиться? Черт понес меня в этот лес! Предлагал же один хороший мужик попить с ним водки в вагончике! Зачем, спрашивается, я отказался? А? Чего молчишь?

— Не знаю, — едва слышно ответила Лера и отвернулась, глядя в боковое стекло.

— И я не знаю.

Я зевнул, откинулся на спинку сиденья и тут обратил внимание на Лерины сапожки.

— Что ж ты в туфельках по сугробам скакала? Такие замечательные у тебя сапоги...

— А я не скакала в туфельках по сугробам.

— Почему же тогда твои туфли мокрые?

— Я пыталась смыть кровь с каблука...

Резко выпрямившись, я с подозрением взглянул на Леру.

— Что ты сказала?

— Я пыталась смыть кровь, — повторила она.

— Вот как? И что? Получилось?

— Нет. Наверное, глубоко впиталась.

— И откуда, позвольте узнать, на твоём каблуке взялась кровь?

Лера прижалась спиной к двери, сняла очки и сжала их в кулаке.

— Так я же вам... уже рассказывала.

— Пardon, запомню.

— Когда я поднялась к Марко... ну, второй раз, уже после выстрела, то нечаянно встала в лужу... То есть, на пятно.

— Ты хочешь сказать — вляпалась в кровь?

— Ну, да.

— И как это получилось, что никто не вляпался, а ты вляпалась?

— Никто не подходил к Марко так близко, как я.

— Удивительно, что ты вообще не вымазалась в его крови с ног до головы! — воскликнул я и хлопнул ладонью по рулю. — Ну что ты за человек? Почему вся дрянь липнет именно к тебе?

Лера пожала плечами и усмехнулась.

— Не знаю... А вы... вы повторяете слова моей мамы. Она тоже так говорит: "Как ты умудряешься собирать всякую дрянь?"

— Оторви ты этот каблук и выброси, — посоветовал я Лере. — А еще лучше, закопай туфли где-нибудь в лесу.

— Жалко выбрасывать. Я всего год их ношу. Если набойки поменять, то еще на три года хватит.

— У тебя проблемы с деньгами?

— А у кого их нет, — риторически ответила Лера. — Но, надеюсь, скоро я буду зарабатывать прилично. Меня берут на работу референтом в российско-американскую фирму.

Я посмотрел на Леру с некоторым скептицизмом.

— Неплохо. И как тебе удалось туда попасть?

— Очень просто! — махнула рукой Лера. — Сорвала с двери объявление, пришла на собеседование, заплатила триста долларов за тестирование и теперь жду вызова.

Я невольно закашлялся.

— И долго ждешь?

— Второй меслц.

— А тестировали тебя в офисе фирмы?

— Нет! В вестибюле дома культуры шинного завода. Когда пойду на работу и получу подъемные, то сразу куплю новые туфли и платье, а то это мне уже в талии тесное. А с каблука можно срезать кожу и приклеить новую.

— Дай-ка сюда туфли, — сказал я.

Лера перегнулась через спинку, вынула из сумки туфлю и протянула мне. Я взял ее, перевернул подошвой вверх и стал рассматривать бурое пятно на каблуке. Если срезать кожу, как предлагает Лера, то туфли можно будет с чистой совестью выбросить в мусор. Не лучше ли покрасить каблук специальным красителем для кожи?

— Давай все-таки закопаем их в лесу, а утром я куплю тебе новые, — попытался настоять я.

— Нет, — категорически возразила Лера и потянулась рукой к туфле, чтобы забрать ее у меня. — Мне не нужны от вас подарки. Я сама заработаю на новые туфли.

— Да подожди! — сказал я, отводя руку Леры, и включил освещение на панели. — Странно, что ты не смогла отмыть это...

Я рассматривал пятно, поднес туфлю к лампочке. На пятна крови я за свою жизнь не смотрелся вдоволь и ни с чем их не спутал бы. Но то, в чем был выпачкан каблук, на кровь мало походило.

Я поскреб пятно пальцем, и, к моему удивлению, оно стало отслаиваться тонкой тянущейся пленкой.

— Послушай, это же не кровь.

— Как не кровь? — прошептала Лера. — А что же это?

— Похоже на краску. Ты где-то вляпалась в краску, и решила, что это кровь.

Лера выхватила у меня туфлю, нацепила очки и стала рассматривать каблук.

— Я нигде не могла влезть в краску, — ответила она. — Я испачкала каблук в комнате Марко, в луже крови. Это совершенно точно.

— Вот что, девочка, — произнес я, в свою очередь выхватывая туфлю из рук Леры. — Только мне не рассказывай, что такое кровь. Это самая натуральная гуашь с примесью какого-то клея... Ты посмотри, она тянется, как жвачка!

— Но я не наступала ни на какую жвачку! — сердито воскликнула Лера.

— Но ты и в кровь не наступала! — возбужденно ответил я, чувствуя приближение какого-то шокирующего вывода. — Может, в его комнате была разлита краска?

— Ничего там не было разлито, кроме крови, — едва слышно произнесла Лера, глядя на меня круглыми глазами сквозь круглые очки.

Я опустил взгляд и стал с каким-то остервенением скармливать пятно с каблука.
— Возьми, — сказал я, протягивая ей совершенно чистую туфлю. — Не надо было ее мыть. Это не кровь...

Лера молча рассматривала каблук.

— Может, краска была разлита на кухне, под столом, — предположил я, пытаясь дать хоть какое-нибудь объяснение этому странному факту. — Ну, конечно! Именно под столом. Надо еще мои ботинки посмотреть.

— Ничего не понимаю, — после недолгой паузы произнесла Лера.

— А что здесь понимать? — с раздражением ответил я и заглушил двигатель. — Пошли! Что-то мне скучно стало сидеть.

Я сам не понимал, чего хочу, но сидеть в джипе в полном бездействии больше не мог. Лера покорно вышла из машины вслед за мной.

Глава восемнадцатая. Три года без мужика

Мы открыли халитку и зашли во двор. Лера едва попевала за мной, а я едва сдерживался, чтобы не побежать. Азарт разгорелся во мне с такой силой, что я сам готов был заплатить кому угодно за удовольствие довести дело до конца.

Дверь в дом не была заперта, что лишь подтвердило мои догадки. Я проводил Леру в ее комнату и, не обращая внимания на ее полные недоумения глаза, заставил ее лечь на диван и накрыться пледом.

Тихо прикрыв дверь, я вышел в коридор. Тут, как и во всем доме, стояла глухая тишина. Стараясь ступать неслышно, я приблизился к двери Виолетты, но она вдруг захлопнулась перед самым моим носом. Значит, тишина обманчива, кое-кто не спит.

— Не вздумайте ко мне вламываться! — громко сказала из-за двери Виолетта.

— Виолетта, — негромко сказал я. — Предлагаю вам взаимовыгодную сделку. Причем, вам не надо будет ничего платить. Это редкий случай истинного альтруизма.

— Я вам не доверяю! Отойдите от двери!

Я встал посреди коридора. Из комнаты донесся грохот отодвигаемой мебели. Затем дверь слегка приоткрылась. Виолетта просунула в проем голову и, счастливо улыбнувшись, спросила:

— Простите, я не расслышала, что вы там промышляли про альтруизм?

Я принял одухотворенную позу Гамлета, размышляющего о смысле бытия и, приложив руку к груди, театрально произнес:

— О да! "Я знаю, что такое настоящий мужчина. Я прекрасно разбираюсь в людях. И потому мне сегодня очень грустно. Перед нами сидит глупая Обезьяна, которая думает, что она — человек..."

— Довольно! — перебила меня Виолетта, не столько удивленная моей осведомленностью, сколько польщенная точностью цитирования ее записки. — Откуда вам это известно?

— Что известно? — уточнил я. — Что перед вами сидела глупая обезьяна?

— Нет! Где вы прочитали эти строки?

— Они идут из глубин моего сердца.

— Не паясничайте! — ответила Виолетта, еще дальше высовывая голову в проем — точно, как умиротворенная черепаха. — Что вы от меня хотите?

— Я могу возродить из пепла сожженные шедевры, которыми вы так дорожили, — пообещал я.

— Да? Вы что, работали ассистентом у Дэвида Копперфилда?

— Нет, всего лишь у Феиды.

— Ну да, разумеется... И что вы хотите взамен?

— Чтобы вы процитировали мне другие свои сочинения, мало известные широким читательским слоям.

Улыбка сошла с лица Виолетты.

— Что вы упиваетесь своим остроумием? — ядовито сказала она мне. — Шуршите тут, как мышь на чердаке? Все уже вынохали?

Я обхватил голову руками, нагнал на лоб морщин и вошел в другой образ.

— "Что мне хочется вам пожелать? — с божественной щедростью произнес я, глядя в потолок. — Недавно я вернулся из Чечни. Эта командировка перевернула все мои взгляды на жизнь..."

— Ну и что? — с вызовом ответила Виолетта. — Да! Это писала я. Ну и что дальше?

— А то, — ответил я, глядя в темные очки Виолетты, — что есть еще третий текст, написанный вами: "Я чувствую своим долгом плюнуть Марко в лицо, и была бы беспредельно счастлива, если бы это сделал каждый из нас..."

— Ложь! — жестко ответила Виолетта. — Это писала не я.

— Значит, наша сделка не состоится?

— Это писала не я! — тверже повторила она и с силой захлопнула дверь.

И как это она нос себе не прищемила?

Я стоял посреди коридора и чесал затылок. Кажется, я выстрелил мимо. Это, действительно, писала не она. Тот, кто написал это пожелание, не стал бы отпираться. Потому что решил бы, что мне известно уже все.

Что ж, в этом случае отрицательный результат — более чем результат. Круг сжимался.

Я пошел к комнате Плосконоса, стукнул в дверь, но она неожиданно открылась от удара. В комнате было темно. Тусклый свет из коридора осветил часть дивана, на котором ничком лежал Плосконос. Нет, я отнюдь не оптимист. Я сначала предполагаю худшее. От моего прикосновения Плосконос сдавленно вскрикнул и оторвал голову от дивана.

— Ты чего? — испуганно прошептал он, глядя на меня дурными глазами.

Я погладил его по голове, успокаивая, и вышел. Спать надо так, чтобы не вызывать своей позой дурных мыслей. А то лежит, в самом деле, как Марко.

На кухне Кики не было. Библиотека тоже пустовала. Я зашел в гостиную. Кика сидела за столом, опустив подбородок на кулак, и монотонно жевала, отчего ее голова поднималась и опускалась, словно штамповочный пресс. Она была здесь одна и, по-видимому, уже давно. Видимо, девушка никак не могла привыкнуть к одиночеству: мое появление хоть и не вызвало у нее эмоциональных проявлений, но все же пришлось по душе. Она придвинула мне мутный стакан и плеснула в него водки.

Мы выпили. Ни слова не говоря, я вынул из хармана пожелание Кики ("...вы так же веселились и жрали, когда я в мокрых кирзачах и телогрейке месила грязь в торфяном котловане...") и положил перед ней. Не меняя позы, Кика опустила глаза и стала читать. И тут вдруг ее лицо искривилось, она стиснула зубы и зажмурила глаза. По ее щекам покатались слезы.

— Я его не убивала, — прошептала она.

— Я знаю, — ответил я.

— И деньги из редакционного сейфа я не брала, — добавила Кика, вытирая глаза салфеткой. — И мой парень не брал. Это Марко нарочно подстроил. Он просто ограбил весь коллектив.

— Но здесь нет ни слова упрека в его адрес, — сказал я.

— А за что его упрекать? Он вор. На зоне его бы уважали. А эти, — Кика обвела взглядом стол с грязными тарелками, — трусы и предатели. Ведь все знали, что Марко лжет, что я не брала деньги, но молчали, боялись, что Марко их вышвырнет из газеты... Давай еще выпьем?

Она быстро пьянела, и ее глаза, будто рюмка с водкой, снова наполнились слезами.

— Ты знаешь, что такое три года без мужика? — доверительно спросила Кика, закинув руку мне на плечо.

— Нет, — признался я.

— Не знаешь, так молчи... Это ужасно. Это просто омерзительно. Когда я откинулась, мне Плосконос принцем показался, хотя уже крепко сидел на игле. Я и жалела его, и заботилась о нем. Бегала по объявлениям, врачей искала. А кругом одни жулики. Мы совсем без денег остались. А ему либо колоться, либо умирать... И как-то я нашла на рынке одного китайца. Он научил Плосконоса этому способу: садиться на стул или на унитаз, и оба кулака — под ребра. Там надо на какую-то нервную точку давить. Боль страшная, за-

то сразу гасит лампу. И можно жить до следующего приступа... Не знаю только, хватит ли у него воли...

— Он тебе говорил, какое пожелание написал?

— Говорил. А я ему ответила: "Дурак ты! Марко не станет закапывать бутылку в землю. Он эти записки сейчас же прочитает!" Так и вышло.

— Ты испугалась, когда увидела Марко убитым?

Кика уронила вилку на тарелку и от громкого звона сама же вздрогнула.

— Да, — тихо произнесла она, — Я тут единственная, у кого есть судимость. Ко мне менты будут совсем по-другому относиться... А ты мент, да? Ну, признайся!

— Подожди, — сказал я, мягко отбирая у Кики бутылку водки. — Скажи правду: ты веришь, что пожелание, которое Марко в кулаке сжимал, написала Лера?

Кика пожала плечами и попыталась подцепить вилкой грибочек.

— Кто ее знает? Лерка у нас — омут тихий...

— А может, ты это пожелание написала?

— Нет, не я, — без усилий ответила Кика и хлопнула ладонью по листу бумаги, лежащему перед ней. — Я вот это накропала. А к Марко я уже давно остыла. Зато когда увидела за столом наглуую физиономию Ольги да самолюбленную Виолетту, то подумала, что могу умереть от ненависти к ним... Да ну их в баню!

Кика взглянула на меня плывущим взглядом, потрепала мой чуб и нараспев произнесла:

— Эх, парень, парень. Нравишься ты мне. Я рядом с тобой бабой начинаю себя чувствовать...

Я коснулся ее подбородка, провел пальцем по ее губам. От такого проявления нежности Кика едва не лишилась чувств.

— Зачем ты меня мучаешь? — прошептала она, хватая мою ладонь и прижимая ее к губам.

— Где ты была в половине девятого? — спросил я.

— Что б ты провалился, — слабым голосом произнесла Кика. — Давай лучше о любви поговорим.

— И все-таки?

— С Виолеттой кофе готовила на кухне.

— Для кого?

— Для всех... — Кика отпустила мою руку, взяла бокал с водкой и добавила: — Да, ты, пожалуй, все-таки мент.

— Кто тебя просил готовить кофе?

— Ольга, — сухо ответила Кика.

— Странно, — произнес я. — У Ольги в комнате есть плитка и кофейный прибор. Зачем надо было отправлять вас на кухню?... А что делали остальные?

— Разошлись по своим комнатам.

— А ты уверена, что это было именно в половине девятого?

— Уверена. У Виолетты часы каждые полчаса пиликают. И я у нее уточнила, который час.

— Не пойму, — сказал я, глядя, как Кика наполняет мою рюмку. — Ты в этом доме незванный гость. Ольга демонстративно не замечает тебя. И вдруг просит сварить кофе.

— А чего ты удивляешься? — усмехнулась Кика, поднимая бокал и чокаясь с рюмкой. — Мне в этом доме комната не предназначена. Значит, я бы осталась торчать в гостиной. А Ольге, видимо, очень хотелось, чтобы вышли все. Вот она и отправила меня на кухню.

— И там, на кухне, ты заметила керосиновую лампу?

— Ага. Все, что зону напоминает, мне сразу в глаза бросается. Когда у нас в Явасе свет вырубали, то мы такими же лампами пользовались... Выпьем, что ли?

Мы выпили. Кика занюхала кусочком хлеба и снова стала разглядывать мое лицо. Но ее голова быстро тяжелела и уже не держалась на кулаке.

— А у тебя тоже нет комнаты? — произнесла она невнятно.

— Нет.

— Жаль, — ответила Кика, опуская голову на стол. — Значит, любви не будет. Почти как на зоне...

Она замерла и засопела.

Я вышел в коридор, вынул из кармана мобильный телефон, но тотчас передумал звонить — здесь было слишком сильное эхо. Встал на ступеньках лестницы, кашлянул — то же самое. Пришлось спуститься в единственную комнату, где можно было говорить не так.

Когда я зашел, Лера неподвижно лежала на диване, накрывшись пледом. Глаза ее были закрыты. Я подумал, что она спит, и хотел выйти, чтобы не мешать, но девушка неожиданно села, встряхнула головой.

— Нет-нет, я не сплю, — сказала она. — Какой тут может быть сон?

Я сел в кресло и позвонил знакомому программисту Кирееву. По ночам он обычно не спал, а блуждал по Интернету.

— Привет, — ответил Киреев, сразу вычислив меня по определителю. — Тебе тоже не спится? Приезжай ко мне, будем кедровые орешки лугать. Приятель из Братска целый мешок привез.

— Я далеко, Володя, — ответил я. — И мне нужна твоя помощь.

— Валяй!

— Ты как-то помог мне найти по Интернету телефонный номер нужного человека.

— Было дело.

— А сможешь сделать наоборот: узнать, на чью фамилию зарегистрирован телефон?

— Нет проблем, — ответил Киреев, и вслед за этим в трубке что-то хрустнуло — наверное, кедровый орешек между зубов программиста. — Давай номер.

— "Шестьсот восемьдесят девять — тридцать один — семьдесят один".

— Хоп! Я перезвоню тебе через пару минут.

Я отключил телефон и уставился на Леру. Она расчесывала волосы массажной щеткой. Потом положила ее на колени, завела руки за голову, высоко подняв локти, и стала заплетать косу.

— Лера, — сказал я. — Ты можешь точно повторить последние слова, которые тебе сказал Марко?

Лера ответила не задумываясь:

— "Я устрою тебе веселую жизнь!"

— Веселую?

— Веселую.

— И как ты думаешь, он сдержал свое слово?

— Еще бы! — воскликнула Лера. — Такую веселую ночь я не забуду до конца своей жизни!

— Значит, несмотря на то, что он покойник, все идет по его плану?

Лера хотела что-то сказать, но ее перебил зуммер мобильного телефона.

— Записывай! — сказал Киреев. — Этот номер числится за Никифором Марко. По буквам: "Майкрософт", "Ангрейд", "Релком", "Килобайт", "Онлайн". Прописан по адресу...

— Все, Володя, спасибо, больше ничего не надо, — перебил я Киреева. — Я так и думал, что Марко, но все равно это очень странно.

— А что странно, Кирюша?

— То, что он уже шесть часов, как убит. А его жене, то есть вдове, с трубки Марко кто-то названивает.

Сколько я помнил Киреева, его ничем нельзя было удивить — ни убийством, ни покойниками, ни, тем более, возможностями мобильной связи.

— Ну и что? — равнодушно произнес программист. — Мужа убили, но мобильник-то цел! Значит, любовник всю им пользуется.

— Я тоже так думаю, — ответил я и попрощался.

Лера уже заплела косу, скрутила ее в спираль на затылке и закрепила шпильками.

— Слышала? — спросил я.

— Что?

— Ты о чем вообще думаешь?

— У меня морковки дома нет, а без нее ни супа, ни рагу не сваришь. Совсем из головы вылетело! Надо было заранее на рынок сходить.

— Да, — согласился я. — В голове у тебя, в самом деле, одна морковка.

Я поднялся, кинул телефон в кресло и подошел к Лере.

— Встань, — попросил я.

Моя просьба Лере немного удивила, но она поднялась.

— Ты мне нравишься, — сказал я.

— Это пока, — вздохнула Лера. — А потом очень быстро разонравлюсь.

— Когда потом?

— Утром.

У меня даже в горле пересохло. Надо же! Я даже ничего ей не предложил, а она уже прямым текстом говорит о разочаровании, которое должно постигнуть меня утром.

— С чего ты взяла?

— Сами увидите.

Нет, я не был бы мужиком, если бы не попытался опровергнуть это весьма сомнительное утверждение. Я решительно обнял девушку, но Лера категорично отвела мою руку.

— Нет-нет, — сказала она, снова садясь на диван и скрещивая на груди руки. — Это невозможно. Пожалуйста, не заводитесь, думайте о чем-нибудь другом.

— Это действительно невозможно? — на всякий случай уточнил я.

— Совершенно исключено, — заверила Лера.

Черт возьми, все-таки я неправильно ее понял. Она меня озадачила.

— Что с вами? — спросила она, заботливо глядя на мое лицо.

— Мне хочется сделать сразу несколько дел. Но я не знаю, с чего начать.

— Моя мама всегда говорила: начинать надо с самого трудного. Для меня, например, это рано вставать.

— А для меня — признавать свои ошибки.

— Вот как! — оживилась Лера. — Значит, вы упрямый?

— Нет, я самоуверенный, — поправил я. — И это усложняет мою задачу. И все же я приношу тебе свои извинения. Я был не прав, когда считал, что это ты убила Марко.

Лера выслушала меня спокойно, не пытаясь упростить процедуру покаяния.

— Вы знаете, кто убийца? — спросила она.

— Думаю, что знаю.

— Но все-таки вы не уверены до конца?

— Абсолютно уверенным может быть только сам убийца и его соучастник. Другим остается лишь тешить себя так называемыми неопровержимыми доказательствами. Но доказательства — это еще не есть истина.

— Надо же, какой вы скептик. Выходит, если я сейчас признаюсь, что убила Марко, вы поверите мне, а не доказательствам?

Что-то мне перестал нравиться наш разговор. Лера, лукаво глядя на меня, ждала ответа на свой вопрос.

— А какой смысл тебе признаваться, если столько сил и времени потрачено на доказательство твоей невиновности? — ответил я, пожимая плечами. Признание Леры стало бы для меня апокалипсисом, оно просто сразило бы меня наповал.

— Смысл в том, что ваше расследование бессмысленно, — играла словами Лера. — Вы же сами пришли к этому выводу.

— Прекрати мне "выкать"! — вспылил я. — И наберись терпения! Очень скоро ты убедишься, что я прав!

Я призывал эту вздорную девчонку набраться терпения, а у самого колени зудели от нестерпимого желания немедленно убедиться в своей правоте. Я даже думать не хотел о том, что ошибся.

Глава девятнадцатая. Шой

Поинтересовавшись, как Лера переносит нервные потрясения, я посоветовал ей накинуть на плечи кофточку, после чего вывел девушку в коридор. Мы поднялись на второй этаж и зашли в гостиную. За столом, положив голову на пачку салфеток, крепко спала Кика.

Лера села, придвинулась ближе к столу и сразу же потянулась к вазочке с шоколадными конфетами.

— Пересядь на другую сторону, — посоветовал я Лере.

— Это мое место, — ответила она.

— Возьми свою тарелку и пересядь, — настоял я. — Иначе в момент эмоционального всплеска ты рискуешь получить отбивной по лицу.

Лера оглядела стол, вспоминая, кто где сидел, и безропотно пересела к Кике. Кика проснулась, подняла голову и безумными глазами посмотрела на Леру. Я присел у камина, пошуровал кочергой остывшие угли, раздумывая, разжигать камин или не стоит.

— Что ж это мы с тобой никак расстаться не можем? — услышал я за своей спиной голос Ольги.

Я оставил кочергу и выпрямился.

— Поверь, это стало неожиданностью даже для меня самого. Но я все-таки закончил расследование.

— Что ты говоришь! — Ольга растянула в улыбке губы. — Поздравляю. Значит, ты определился с убийцей?

— Да, определился. И хотел бы, чтобы сейчас за этим столом собрались все твои гости.

— Понимаю, — кивнула Ольга. — Ты хочешь назвать при всех имя, которое так долго не решался произнести.

И она кинула быстрый взгляд на Леру, желая удостовериться, что главное действующее лицо уже находится здесь.

— Сейчас я пошлю за Плосконосом и Виолеттой, — добавила она, повернулась к столу, но послать оказалось некого. С Кикой Ольга не разговаривала, а Лера в ее понимании уже как бы сидела в следственном изоляторе.

Пришлось Ольге идти самой.

— Это правда? — спросила Кика, отрываясь от горлышка бутылки с минералкой. — Ты знаешь, кто грохнул Марко?

— Он думает, что это сделала не я, — сказала Лера, рассматривая яркую обертку от конфеты.

— Имеет, между прочим, на это право, — заявила Кика и посмотрела на меня глазами бездомной собаки. — Надеюсь, меня ты тоже не подозреваешь? — Вздохнула и тотчас добавила: — Меня нельзя подозревать. У меня судимость. Если еще раз попаду на нары, то это будет полный облом.

— Все-таки, я не понимаю, — сказала мне Лера, — как вам удалось составить цельную картину из какой-то обрывочной информации? Ведь вы не знаете главного, но готовы раскрыть нам глаза на то, что здесь произошло. Наверное, в этом и заключается талант сыщика?

Кажется, Лера решила меня подразнить. Признаться, ее слова немного задели меня. Чтобы не давать повода для новой иронии, я опять присел у камина, вынул из корзины несколько березовых поленьев, сложил их под сводом в виде колодца и сунул в середину газетный комок.

— Не занимайся ерундой! — сквозь зубы процедила вошедшая в гостиную Ольга. Она быстро подошла ко мне, отобрала у меня спички и швырнула их за кирпичную кладку. — Сядь за стол. Подумай, что будешь говорить!

Я заметил, что она очень взволнована и нетерпелива, а руки ее так сильно дрожат, что она вынуждена бесцельно хвататься за стулья и передвигать их с места на место.

Я занял место Марко. Вошел Плосконос. Вид у него был сонный и испуганный. Сутулясь и опустив голову, словно пробирался между рядов в кинотеатре во время фильма, он прошел в угол. Присев на стул, на всякий случай принял "китайскую" позу и принялся грызть ногти.

— Пожалуйста, — тихо сказала мне Ольга, — обоснуй свои выводы. Чтобы ни у кого не осталось никаких сомнений.

— Я постараюсь, — пообещал я.

— По случаю чего собрание? — громко сказала Виолетта, появляясь в гостиной и с ухмылкой оглядывая присутствующих. — Нашему детективу не дают покоя лавры Шерлока

Холмса? Или, пардон, Эркюля Пуаро? Скажите, — обратилась она ко мне, — кто из них вам больше импонирует?

— А кому с большей охотой вы бы признались в совершенном преступлении? — спросил я.

— Прекрасный вопрос! — похвалила Виолетта, но на вопрос, тем не менее, не ответила.

— А кто такой Пуаро? — подала голос Кика.

— Деточка, — не преминула съязвить Виолетта, — неужели в вашем учреждении не было библиотеки?

Ольга обошла стол и встала у входной двери, будто намеревалась предупредить возможное бегство Леры.

— В моем учреждении была библиотека! — с вызовом ответила Кика, хотя Виолетта уже не смотрела на нее. — А будет ли в вашем, еще не известно.

— А давайте поиграем! — предложила Виолетта, размахивая не зажженной сигаретой. — Наш уважаемый сыщик вместо имени нарисует клеточки, а мы будем угадывать буквы? Я начинаю первой. Буква "А"!

— Вам еще не надоело играть? — спросил я.

— Что вы! — воскликнула Виолетта.

— Тогда раздайте каждому свое пожелание, — сказал я и протянул женщине стопку листов.

— Замечательно, замечательно, — приглушенным баском произнесла Виолетта, принимая бумаги.

Она положила их перед собой, низко склонилась и стала перебирать. В гостиной повисла тишина.

— Знаете, — произнесла она, не отрываясь от чтения, — эту задачку я уже один раз решала. Только... только здесь одна писулька лишняя. Я вижу ее первый раз. Вот: "Я в детстве обожала разгадывать загадки. Это ужасно интересно! И вот я сейчас всем присутствующим загадываю загадку..." Такой записки не было!

— Это моя! — сказала Лера, протянула руку за листом и поцелкала пальцами.

— Что ты говоришь?! — с издевкой воскликнула Виолетта. — Никогда бы не подумала, что ты способна разгадывать загадки.

— Тем не менее, это так, — подтвердил я. — Компьютер зафиксировал время, когда это пожелание было написано. Если не ошибаюсь, Лера заходила в подсобку перед вами?

— Ммм... Да!

— В таком случае, это могла написать только она.

— Очень, очень интересно, — пробормотала Виолетта, отдавая лист Лере.

— Компьютер зафиксировал! — скептически произнесла Ольга, которая продолжала охранять выход. — Ерунда какая! У компьютера бывают сбои!

— Был у него сбой или нет, определит специалист, — мягко возразил я.

Ольга кинула на меня недоуменный взгляд, словно хотела спросить: "Что-то не пойму, куда ты клонишь".

Виолетта склонилась над очередным пожеланием.

— "Я человек простой и не умею писать умно..." — невнятно бормотала она. — Ну, это эпистолярные потуги нашего неумного дворника.

Она швырнула лист на середину стола и скороговоркой прочитала начало следующего пожелания:

— "Марко! Ты считаешь, что стоишь на вершине Олимпа..."

— Дайте сюда! — обрывая Виолетту на полуслове, сказал Плосконос, вскакивая со стула. Он покраснел и покрылся капельками пота, словно только что вышел из парной.

— Бери, кайфолоб, бери! — усмехнулась Виолетта. — Никто не покусится на твои порочные откровения.

Плосконос выхватил лист из рук женщины и тотчас смял его в кулаке.

— Почему ты позволяешь ему так обращаться с вещественными доказательствами? — неожиданно громко крикнула мне Ольга.

— В них уже нет необходимости, — ответил я.

На эти слова Ольга возмущенно пожала плечами и произнесла:

— Ну, знаешь! Ты меня удивляешь! Первое впечатление было куда лучше.

— А мне, напротив, он нравится сейчас больше, — вставила комплимент Виолетта и снова опустила голову. — Так-с, что у нас дальше? "Я знаю, что такое настоящий мужчина..." Ага, это мои размышления...

Не успела Виолетта убрать свою записку куда-нибудь с глаз долой, как она в одно мгновение оказалась в руках Кики.

— Секундочку, мадам! — с азартом воскликнула Кика. — Что вы там писали про настоящих мужчин?

— Ну вот, — произнесла Виолетта, глядя на меня с надеждой на защиту. — Впустили быдло в приличное общество.

Кика, упиваясь своей властью над Виолеттой, стала громко, играя интонацией, читать:

— "Я прекрасно разбираюсь в людях. И потому мне сегодня очень грустно. Перед нами сидит глупая Обезьяна, которая думает, что она — человек. Она кривляется, отпускает плоские шуточки, заставляя всех смеяться. Блеск остроумия! Особенно впечатляет, как веселится Шлында. Обезьяна публично вытирает о нее ноги, а Шлында смеется. Прелестная парочка! Не удивлюсь, если через год выяснится, что Шлында и Марко на пару украли редакционный фонд и поделили его поровну".

— Каждый имеет право на собственное мнение! — Виолетта попыталась смягчить эффект от прочитанной записки.

Плосконос вдруг вскочил со стула, задев при этом край стола, и, кажется, хотел схватить нож, но Кика удержала его. Спокойными движениями она порвала лист на мелкие кусочки, кинула обрывки в бокал с водкой и подошла к Виолетте.

— Уберите ее от меня! — заволновалась Виолетта. — Она ненормальная! У нее шапка на голове горит! В этом доме есть мужчины или нет?

Но никто не помешал Кике вылить на голову Виолетты водку. Кика спокойно вернулась на свое место, а Виолетта, стряхивая с мокрой блузки налипшие бумажные обрывки, стала нервно хихикать и что-то бормотать про своеобразие моральных норм.

— Ты глубоко больна, девочка, — сказала Виолетта, с трудом сохраняя самообладание. — Я, в самом деле, не вижу ничего светлого в твоём будущем.

— Мне кажется, — подала голос Ольга, — эту вакханалию надо прекратить. Наш сыщик пытается устроить здесь шоу. Не лучше ли разойтись по комнатам и дождаться милиции?

— Нет, не лучше! — митингово крикнула Кика и захлопала в ладоши.

— Зачем расходиться? — к всеобщему удивлению поддержала ее Виолетта. — Мы еще не все прочитали.

С этими словами она крепко сжала оставшиеся листы, готовясь дать решительный отпор любому, кто попытается отобрать их у нее.

— "Бог все видит, и ничего не забывает. Сейчас мы все веселы, пьем вино и жрем мясо..." — прочитала Виолетта, но неожиданно замолчала, поджала губы и с брезгливостью швырнула лист Кике. — Сама читай свои зековские мемуары! Меня от них тошнит.

Я кинул взгляд на Ольгу. Хозяйка в напряженной позе стояла у двери и, покусывая губы, смотрела на оставшиеся в руках Виолетты записки.

— Следующее! — проворковала Виолетта, отхлебнула из бокала воды и поднесла к глазам лист. — "Я хочу напомнить вам, милые мои, что халва не бывает вечной. За все надо платить. Не стоит надеяться, что сильный и богатый Марко всегда будет рядом, как палочка-выручалочка..."

— Ну, все! — перебила ее Ольга. — Хватит! Дай бумагу сюда!

— Это почему же?! — не скрывая восторга, спросила Кика. — Очень интересно, с какими мыслями принимала гостей радушная хозяйка.

— Тебя, между прочим, никто сюда не приглашал! — вспыхнула Ольга и протянула руку Виолетте. — Дайте сюда!

— Сядь, — тихо произнес Плосконос и, старясь делать это незаметно, потянул Кикку за рукав.

— Пардон, — возразила Виолетта и на всякий случай придвинулась ближе ко мне. — Я все-таки дочитаю... "Вы присосались к нему, как пиявки. Вы готовы на любые унижения, лишь бы угодить ему и собрать крошки с его стола. Не думаю, что через год кто-либо из вас переступит порог моего дома. Не дожидетесь дармовщины, господа! Не думайте, что вы самые хитрые и изворотливые. Я все вижу и все понимаю".

Виолетта с кривой ухмылкой подняла глаза на Ольгу и протянула ей лист.

— Возьмите, ясновидящая вы наша. Это ничего, что я съела лишний кусочек буженины?

— Заткнитесь, — выдавила из себя Ольга, комкая в руке лист. — Здесь все правда, потому вы и беситесь от злости. Посмотрите на себя! Гиены, окружившие труп льва! Думаете и дальше кормиться за его счет? Этот номер не пройдет!

Распалаясь, она повернулась лицом к Плосконосу, который под гнетом ее взгляда просто продавил стул.

— Ты, наркоша, уволен! Можешь забыть адрес фирмы навсегда.

Она вытянула палец в сторону Кики.

— Тебя, дорогая моя, я попрошу уйти из моего дома не позднее шести часов утра, и никогда сюда больше не приходить.

Ольга перевела взгляд на меня.

— Тебя я тоже попрошу покинуть мой дом. В твоих услугах я больше не нуждаюсь... Остальные, кого я приглашала, могут остаться здесь до приезда милиции. Разрешаю вам доесть все, что здесь лежит, и даже унести с собой.

— Ура-а-а! — крикнула Виолетта и захохотала. — Да здравствует халява! Наливайте же, что вы все притихли! А я пока дочитаю до конца. Что у нас тут осталось? "О-а-щ-ш-ц-у..." Ничего не понимаю! Наверное, дорогая хозяйюшка, это литературные потуги вашего покойного мужа!

— Что он там написал? — поморщилась Кика, протягивая руку с бутылкой, чтобы налить мне.

— Можешь ознакомиться, — ответила Виолетта, небрежно швыряя лист на середину стола. — Ой, смешно. Мы, как идиоты, старались, шевелили извилинками, а Марко просто плюнул на клавиатуру, в результате чего там чего-то замкнуло, и получился вот такой текст. Он вовсе не собирался закапывать бутылку. Он хотел узнать, что мы о нем думаем. И узнал, царство ему небесное...

— А что там еще осталось? — спросила Лера, молчавшая все это время.

— Остались две записочки, — произнесла Виолетта. — Должна признаться, что одну из них написала я, пытаясь спасти репутацию нашего несчастного кайфолоуба. Увы, фокус не удался. Зоркий сыщик поймал меня, так сказать, с поличным.

Тем же движением Виолетта отправила очередной лист на середину стола.

— И вот мы приблизились к самому интересному, — торжественным голосом проговорила Виолетта. Все притихли. — Осталась та самая писулька, которую мы нашли в руке усопшего Марко. Но всех борзописцев мы уже вроде как перечислили. Может, наш уважаемый сыщик прояснит ситуацию?

— Это написал один из вас, — сказал я.

— Гениальная мысль, — съязвила Виолетта. — Может, вы даже назовете имя?

— По-моему, всем давно понятно, что это написала Лера! — решительным тоном вставила Ольга. — Доверять в этом случае надо не компьютеру, а логике.

— Что это ты, хозяйюшка, слова не даешь сказать нашему Эркюлю? — возмутилась Виолетта.

— Он уже очень много говорил со мной на эту тему, — ответила Ольга, гневно сверкая глазами в мою сторону. — И утверждал, что это сделала Лера!

— Утверждал? — уточнил я.

— Вот видите! — Виолетта кивнула на меня. — У него теперь иная версия.

— Нельзя верить человеку, у которого мнение меняется каждые полчаса! — громче произнесла Ольга.

Виолетта, по собственной воле ставшая своеобразным буфером между мной и Ольгой, постучала вилкой по бокалу и покачала головой.

— Мы понимаем твои чувства, милая, — с притворным сочувствием сказала она Ольга. — Мало приятного, когда в приличном обществе открыто обсуждаются такие интимные подробности, как... — Виолетта опустила голову, глянула на текст, чтобы быть точной, — подслеповатые глазки, отвислые щеки, липкие потные руки, омерзительный рыхлый животик...

— Заткнись! — криком перебила ее Ольга. — Ты оскорбляешь убитого человека!

— Господь с тобой, что ты! — побожилась Виолетта. — Разве я оскорбляю его, так сказать, светлую память? Я просто высказываю мнение, что столь целомудренное существо, как Лера, не могло знать всех этих пикантных особенностей вашего покойного мужа.

— Почему же! — возразила Лера. — Неправда! Я все это знала и видела.

— Какая же ты сволочь! — прошептала Ольга Лере и от ненависти закрыла глаза.

— Знала и видела, — задумчиво повторила Виолетта. — Гм... Очень смелое признание.

— Ну, в чем вы еще сомневаетесь?! — крикнула Ольга.

— Это пожелание написала не Лера, — сказал я. — И это вообще не пожелание, а фальшивка, которая никогда не лежала в бутылке. Она была написана только для того, чтобы кинуть на Леру тень.

Ольга презрительно усмехнулась. Виолетта вопросительно посмотрела на меня. Кика настороженно стреляла глазами по сторонам. Лера шуршала фольгой от шоколадки и внешне казалась совершенно спокойной. Плосконос, раскрыв рот, смотрел в потолок, качал головой, что-то бормотал и вытирал слезы, которые лились по его щекам. Он был в шоке.

— Кто же его написал, черт возьми? — встрепенулась Виолетта. — Вы долго будете морочить нам, простите за выражение, мозги?

— Ольга, — сказал я.

Глава двадцатая. Дважды мертвец

Раздался тихий возглас удивления. Все повернули головы и посмотрели на хозяйку. Ольга с вымученной улыбкой на лице тихо ответила:

— Это ложь! Разве вы не видите, что этот человек выгораживает Леру? Я слышала, как она обещала продать машину и заплатить ему деньги!

— Ольга? — переспросила Виолетта и недоверчиво посмотрела на меня. — Вы считаете, что она убила своего мужа? Так я вам отвечу: вы заблуждаетесь. В момент выстрела она сидела рядом со мной вот за этим столом.

— Нет, я не считаю, что Марко убила Ольга, — поспешил я успокоить Виолетту. — Но она сделала все возможное, чтобы подозрение упало на Леру.

— Давай, давай! — со скрытой угрозой произнесла Ольга. — Изгаляйся! А потом придет милиция и во всем разберется... Недолго осталось. Я звонила в службу спасения, и мне сказали, что перевал уже расчищают.

— Думаю, что милиция нам не понадобится, — предположил я. — Хотя все улики против Леры были рассчитаны именно на милицию.

Надо отдать должное Ольге — она быстро совладала с собой. Расслабленно улыбаясь, она отошла от двери, села за стол и даже налила себе вина.

— Продолжай, продолжай! — кивнула она мне. — Что ты там еще вынюхал?

— Но фальшивое пожелание — это мелочь в сравнении с другой уликой, которую Ольга "повесила" на Леру. Это пистолет марки "стерлинг", подброшенный в машину Леры.

— Извините за тупоумие, — перебила меня Виолетта. — Вы говорите про пистолет, из которого был убит Марко?

— Я говорю про пистолет, выстрел которого вы все слышали, — уточнил я. — Это очень серьезная улика, особенно когда оружие находит милиция. В надежде на это Ольга позволила Лере беспрепятственно уйти из дома, сесть в машину и уехать.

— Вы знаете, — произнесла Ольга, отпивая из бокала, — даже мне стало интересно. Пожалуйста, рассказывай дальше!

— К счастью, далеко от дома Лера отъехать не смогла и вместе со мной вернулась обратно. На этот раз Ольга решила захлопнуть клетку и незаметно заперла входную дверь на ключ.

— Да! — охотно призналась Ольга. — Правильно. Это сделала я. Чтобы преступница снова не сбежала. Кто-нибудь считает, что ее стоило отпустить?

— Прямо говори! — потребовала Кика у Ольги. — Ты подкидывала пистолет в Леркину машину или нет?

— Нет, — ответила Ольга твердо. — Я не видела пистолета после выстрела, и не знаю, где он находится сейчас. Спросите у сыщика, может, он знает?

— Думаю, что знаю, — ответил я. — Как-то в разговоре с Ольгой я по неосторожности обронил, что видел пистолет в машине Леры. Ольгу это обрадовало — ведь улику заметил посторонний человек, который может потом выступить в качестве свидетеля. Таким образом, пистолет свою роль отыграл, и его уже можно было вернуть хозяину.

— Вы хотите сказать, что сейчас пистолет лежит в комнате Марко? — спросила Виолетта.

— Думаю, что так.

— Вранье! — спокойно возразила Ольга. — Вы все видели, что пистолета там нет. Где он, может знать только Лера.

Лера хладнокровно промолчала. Виолетта начала ерзать на стуле и оглядывать всех присутствующих.

— Все-таки я никак не пойму, — призналась она, — кто же убил Марко?

— Будьте терпеливы, — призвал я. — Общая картина будет не полной, если я оставлю без внимания несколько событий, которые произошли на первом этаже... Большинство из вас писали эти милые пожелания с полной уверенностью, что они будут прочитаны как минимум через год и, разумеется, без вашего участия. Но надо же случиться такой беде! Марко убит, бутылка разбита, все записки лежат на полу. Виолетта отреагировала быстрее всех и сгрэбла их в охапку. Появилась реальная угроза, что тайное станет явным. Особенно заволновались Плосконос и его подруга.

— Я ему не подруга, — поправила меня Кика, вытирая губы краем скатерти. — Я невеста.

— Не возражаете, я пока покурю? — объявила Виолетта. — Все это я знаю, и мне это не интересно.

— Плосконос сначала попытался добыть свои откровения силой, — продолжал я, — но у него ничего не получилось. Кика, в свою очередь, вынашивала планы о поджоге, чтобы спалить комнату Виолетты вместе со всеми пожеланиями. Но Плосконос вдруг сменил тактику и решил выкупить записку у Виолетты. Но чтобы ее выкупить, ему нужны были деньги. А чтобы добыть деньги, ему надо было что-то продать. Тут наудачу я попался ему на глаза, и за сто баксов стал обладателем весьма интересной информации.

Краем глаза я заметил, как с бокалом в руке замерла Ольга. Лера подняла голову и с интересом посмотрела на меня. Кика вопросительно взглянула на Плосконоса, словно хотела спросить: "Почему он знает интересную информацию, а я еще нет?" Виолетта толкнула меня в плечо и, поощряя, сказала:

— А вы молоток! Наняли себе тайного осведомителя, да?

— Никакой я не осведомитель! — произнес Плосконос, вытирая слезы. — Я помог ему. И это нормально. Любой из нас должен был помочь. Тогда бы мы не морочили друг другу головы своими подозрениями.

— Да закрой же ты рот! — оборвала Плосконоса Ольга.

Ей более всего хотелось узнать, какую информацию продал мне Плосконос.

— Вслед за выстрелом из комнаты Марко донесся звук закрывающегося окна, — обнародовал я информацию.

На несколько мгновений в гостиной воцарилась тишина. Все превратилось в сыщиков, угадывая, что бы этот звук значил. Я выждал паузу, предоставляя людям возможность проявить смекалку.

— Наверное, убийца ушел через окно, — предположила Виолетта.

— Я тоже сначала так подумал, — сказал я. — И эта версия даже увела меня в сторону. Я восстановил на компьютере все ваши записки и разложил их по хронологии. Когда

я это сделал, то мне стало ясно, что Ольга незаметно для всех воспользовалась компьютером второй раз и сочинила текст, который потом приписала Лере.

— Позвольте, позвольте, — пробормотала Виолетта. — Выходит, Ольга заранее знала, что Марко будет убит, и что он перед самой смертью сожмет это пожелание в руке? Ничего не понимаю.

— Абсурд, правда? — сочувствующе спросил я у Виолетты. — Мне тоже трудно было понять все это. И я уже почти смирился с тем, что зашел в тупик. К счастью, один маленький факт помог мне взглянуть на всю эту историю совсем с другой стороны.

Я замолчал и взглянул на Ольгу.

— Может, ты обо всем расскажешь сама? — предложил я. — Какой смысл притворяться дальше? Ты ведь прекрасно знаешь, что сейчас ваша с Марко тайна будет раскрыта.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — произнесла Ольга и демонстративно отвернула лицо. — Все, сказанное тобой, ложь и заблуждение бездарного сыскаря! Стоит мне разбить молотком компьютер, как твоя версия развалится, подобно карточному домику.

— Как хочешь, — ответил я. — Тогда я при всех заявляю, что неприятная история с Марко — это результат гнусного обмана и сговора двух негодяев. Один из негодяев — это ты, Ольга.

— А второй? — не выдержал Плосконос. — Кто второй?

— Не травите душу! — взмолилась Виолетта. — Что означают ваши слова?

— Не смотри на меня так! — произнесла совершенно пьяная Кика, хотя я смотрел совершенно в другую сторону. — Я тут вовсе ни при чем...

Я поднял руку, успокаивая эмоции.

— Я вам скажу, что означал хлопок окна, а об остальном вы догадаетесь сами. Единственный выстрел, который вы все слышали, был произведен в воздух, в открытое окно, которое сразу после выстрела было закрыто.

Виолетта тряхнула головой.

— Что-то у меня сегодня совсем мозги не работают, — произнесла она. — А чем же, по-вашему, убили Марко? Бутылкой?

— А кто сказал, что его убили? — с улыбкой спросил я. — Кто щупал его пульс? Кто смотрел на зрачки? Да Марко сейчас живет любого из нас! Это розыгрыш, господа! Это месть за ваши пожелания!

Кика всхлипнула и закрыла рот рукой. Лера от волнения сняла очки. Плосконос вполголоса выругался.

— Он сумасшедший, — едва слышно произнесла Ольга и дикими глазами посмотрела на меня.

Я повернулся к ней с полной решимостью прекратить эту агонию.

— Не по-ни-ма-ю! — громко сказал я. — Зачем ты сопротивляешься? Я же сейчас взломаю дверь мансарды! И всем сразу станет ясно, что ты лгала!

— Что ты говоришь! — слабым голосом произнесла Ольга. — Это кощунство...

— Ключ! — рявкнул я, протягивая руку. — Не надо отпираться! Ты проиграла, Ольга! Меня сразу смутила щедрая сумма, которую ты мне пообещала, если я назову имя убийцы. Ты была совершенно уверена, что платить не придется, потому что убийцы просто не существует!

— Он не в себе, — еще тише сказала Ольга и попятилась.

— В самом деле! — поддержала меня Виолетта. — Дай ключ! Мы сами пойдем и посмотрим!

— Вы что?! — с ужасом оглядывая стол, произнесла Ольга. — Вы все сошли с ума! Там следы, отпечатки... Давайте дождемся милиции.

— Мы не дождемся милиции по той причине, что ее никто не вызывал, — сказал я. — Ольге просто хочется продлить наслаждение своей властью над вами.

— Ты лжешь! — крикнула Ольга. — Я вызвала милицию! Она придет сразу, как только откроют перевал! — Она повернулась к Виолетте: — Я вас умоляю, не идите на поводу у этого ненормального!

— Если это правда, — глухим голосом произнес Плосконос, — то я убью Марко.

— А я ему в рожу плюну! — поддержала решение Плосконоса Виолетта.

— А я его кастрирую! — пригрозила Кика и воинственно сжала в руке нож.

— Отдай ключ по-хорошему, — попросил я.

— Ключ! — дурным голосом заорал Плосконос, и вены на его худой жилистой шее тотчас надулись. — Отдай ключ, сука!

Он вскочил на ноги. Стул с грохотом упал на пол. Вслед за Плосконосом из-за стола поднялась Кика, но пошатнулась, неловко махнула рукой и скинула на пол несколько бокалов. Раздался звон бьющегося стекла.

— Я с вами! — радостно сказала Виолетта, гася окурки в пепельнице.

Подчиняясь общему психозу, Лера тоже встала из-за стола, подошла ко мне и посмотрела на меня глазами человека, узнавшего некую великую истину.

— Не знаю, как вас благодарить, — прошептала она. — Я думала, что вы лукавили, когда извинялись передо мной и говорили, что верите мне...

Кажется, она хотела меня поцеловать, и для этого даже привстала на цыпочки, но ее оттеснил Плосконос, который вслед за Виолеттой выходил из-за стола, роняя на пол все стулья подряд. Попутно он сгребал засохшие бутерброды с рыбой и помидоры и комментировал: "Моральная компенсация... Моральная компенсация..." Кика на ходу допивала то, что оставалось в ее бокале, и роняла пустые бутылки. Грохот стоял невероятный. В гостиной царил дух революции и возмездия.

Пустым, ничего не выражающим взглядом Ольга смотрела на происходящее.

— Что тут у вас? — неожиданно раздался низкий голос, и в дверях выросла фигура дворника.

— Очень кстати! — звонко сказала Виолетта. — Идемте с нами. Свидетелем будете. Так сказать, дополнительно.

— Подожди, — неживым голосом произнесла Ольга, глядя на дворника. — Зайди ко мне. На столе лежит ключ от мансарды. Принеси его сюда.

Кика первой вырвалась в коридор и, цокая каблучками, побежала по лестнице наверх. За ней, активно работая локтями, устремилась Виолетта. Когда я проходил мимо Ольги, она опустила глаза и стиснула зубы так, что обострились скулы.

— Ты горько пожалеешь об этом, — тихо произнесла она.

— Чего ты добиваешься? — не понял я.

Она промолчала.

Лера старалась не отставать от меня. Она снова почувствовала во мне надежного защитника.

— Марко! — злом прокатился по лестнице голос Кики. — Открывай, хватит дурака валять!

И вслед за этим — гулкие удары в дверь.

На лестнице меня обогнал Плосконос. Лицо его было перекошено от ненависти.

Мы с Лерой подошли к двери Марко в тот момент, когда Кика пыталась что-то рассмотреть в замочную скважину, а Виолетта стучала по двери своими тяжелыми перстнями.

— Полная тишина, — констатировала она, прижавшись к двери ухом. — Притаился.

Громящая сапогами, на площадку поднялся дворник, повернулся и вопросительно посмотрел на Ольгу, которая по-старчески медленно шла по ступеням. Не дойдя до двери, она остановилась и посмотрела на меня.

— Ты настаиваешь? — спросила она.

— Да, да, настаиваем! — в один голос крикнули Кика и Плосконос.

Дворник, поймав взгляд Ольги, кивнул, приблизился к двери и вставил ключ в замочную скважину.

Мы все притихли. Признаюсь, у меня учащенно забилось сердце, словно я присутствовал на некоем мистическом ритуале.

Щелкнул замок. Дворник толкнул дверь и тотчас отошел к стене, чтобы освободить проход тому, кто хотел зайти первым.

Все смотрели на лежащего посреди комнаты Марко. Жирно блестела вишневого цвета лужа. Было так тихо, что слышались удары наших сердец да сопение Плосконоса.

Я переступил порог и зашел в комнату. Нет, это не кровь! Это гуашь, смешанная с клеем. Я приблизился к Марко и посмотрел на его затылок со слипшимися волосами.

— Эй, приятель! — сказал я. — Пора вставать.

Марко не реагировал.

Я присел перед ним и похлопал его по плечу.

— Концерт окончен, дружище! Нам уже не страшно!

— Да двинь ему по роже! — крикнул Плосконос.

Почему-то мне стало не по себе. Я взял голову Марко и чуть повернул ее лицом к себе.

— Дружище, — произнес я, но мой голос предательски дрогнул.

Мои пальцы легли на черный запекшийся комок на лбу Марко. Что это? Глина? Алябастр? Я надавил на него и с отчаянной решимостью пробороzdил ногтем.

— Господи! — ахнула Ольга. — Что же он делает!

Я почувствовал, как у меня онемел и потерял чувствительность язык. Мой палец нащупал идеально круглую, еще сочащуюся кровью дырку.

Я разжал пальцы, и голова мертвеца со страшным стуком ударилась о ковер. Ноги не слушались меня, и я с большим трудом смог выпрямиться.

— Кажется, я ошибся, — едва смог произнести я.

Несколько пар глаз, наполненных ужасом, смотрели на меня.

Вдруг с раздирающим душу криком Ольга схватила за лицо и кинулась вниз по лестнице.

— Я не могу это видеть! Не могу! Боже мой, за что?! — в истерике кричала она.

Я не хотел, не мог поверить в то, что ошибся. Марко должен, должен быть жив! Опустив голову, я еще раз посмотрел на бездыханное тело. Бред! Кошмарный сон!

— Это конец, — тихо пробормотал Плосконос и, повернувшись, стал спускаться вниз. За ним, как тень, пошла Кика. Дворник, нахмуриив брови, в упор смотрел на меня. Лера, прижав ладони к лицу, беззвучно плакала, и плечи ее вздрагивали.

В отчаянии я склонился над телом и схватил руку Марко, пытаюсь нащупать пульс... Нет, чуда не произошло. Этот человек был мертв.

Мой взгляд шарил по стенам, по мебели, по коврику. Я пытался найти какой-нибудь спасательный круг, какую-нибудь соломинку, за которую можно было бы ухватиться... Картины, модный светильник, кожаный диван... А что это за пластиковая коробочка, лежащая на полу у кровати? Ага, мобильный телефон. Очень кстати.

Я подобрал трубку, незаметно сунул ее в карман куртки, и только потом обратил внимание, что мои руки выпачканы в крови.

"Вляпался ты, Кирилл Андреевич, — подумал я. — Причем, серьезно".

Я вышел из комнаты. Дворник поднял палец. На колечке качался ключ.

— Закрывать?

— А почему ты спрашиваешь у меня, а не у своей хозяйки?

— Она сказала, что за все теперь будете отвечать вы.

На его губах можно было прочесть затаенную усмешку. Я молча сорвал с его пальца ключ и запер дверь на два оборота.

Глава двадцать первая. На скрученной простыне

— Что же теперь делать? — спросила Лера.

Мы сидели в ее комнате у окна и смотрели, как медленно и тяжело разгоняется рассвет, как сквозь серую мглу проступают контуры соседних домов, и за ними начинается угадываться черная масса леса. Моя голова была свободна от мыслей и идей, словно ее основным наполнителем была вот эта серая предутренняя мгла. Не помню, когда еще я пребывал в таком эмоциональном вакууме, чувствуя себя беспомощным и растерянным. Но самым мучительным было чувство жгучего стыда.

— Светает, — тихо произнесла Лера. — Скоро приедет милиция...

— Не раньше полудня, — возразил я и тотчас прикусил себе язык. Опять корчу из себя провидца, чьи слова — вбитые по самую шляпку гвозди. Надо учиться говорить по-новому. Например: "Мне очень хотелось бы, чтобы она приехала ближе к обеду". Или: "Если бы она не приехала до вечера, я был бы чрезмерно рад".

Мне позарез нужно было время.

— Вам придется начинать все сначала? — спросила Лера.

— Что — все?

— Ну... Расследование.

— Зачем? Я уже все расследовал! — зло ответил я. — Разве ты не поняла, что я ни в чем не ошибся? Я не ошибся, я лишь опоздал со своими выводами! Марко разыграл вас. Он был жив после выстрела, который вы слышали. И ты наступила каблуком не в кровь, а в краску! Он был жив и веселился, наблюдая, как вы грызетесь, подозревая друг друга!

Я встал со стула и стал ходить по комнате.

— Значит, уже ничего нельзя исправить?

— Исправить! — буркнул я. — Исправить можно. Но для этого надо решить две сверхзадачи: найти убийцу и заставить его признаться. И это надо сделать до приезда милиции, иначе к вечеру ты уже будешь сидеть в следственном изоляторе.

— Но... — Губы Леры задрожали. Я напугал ее страшным словом "изолятор". — Но ведь вы доказали, что я не виновна!

Я остановился посреди комнаты, повернулся к Лере и постучал себя кулаком в грудь.

— Я частный детектив, милая! Частный! Все, что я здесь делал — противозаконно. Ни один мой довод не имеет юридической силы. Твое оправдание стояло только на живом Марко. Мертвый Марко перечеркивает все мои потуги одним разом! Ты в самом деле сидишь по уши в уликах!

Лера заплакала от безысходности. Мне нечем было ее утешить.

— Может, — всхлипывая, произнесла она, — у вас есть знакомые в милиции?

— В милиции есть, — ответил я. — А в прокуратуре нет. Убийством будет заниматься прокуратура.

Я окончательно довел девушку до донного пессимизма. Она заплакала навзрыд. Падение закончилось. Я обрисовал ситуацию настолько черными красками, что теперь уже впору было искать светлые участки.

— Хватит убиваться, — сказал я, коснувшись рукой плеча девушки. — Кое-какая версия у меня уже проясляется.

— Какая? — тотчас вскинула голову Лера, с надеждой и тоской глядя на меня.

— Марко убил тот, кто взял пистолет в твоей машине. А легче всего это было сделать Плесоносу. Это он запер Ольгу в комнате. Когда дворник открыл наружную дверь, Плесонос незаметно выбежал из дома. Завладев пистолетом, он вернулся, вломился в комнату Виолетты и сжег записки. Мы, как бараны, побежали на первый этаж, а Плесонос незаметно зашел к Марко и прикончил его.

Лера слушала меня и кивала. Она была готова принять любую версию.

— Здесь, правда, сразу всплывают два вопроса, — продолжал я. — Как Плесонос догадался, что Марко жив, и откуда он узнал, что в твоей машине, под сиденьем, лежат "стерлинг". Но искать ответы на эти вопросы у нас нет времени.

— А на что у нас есть время? — судорожно слотнув, спросила Лера.

Я криво усмехнулся.

— На то, чтобы заткнуть Плесоноса в сортир и бить его там, пока не признается. Он наркоман, воля его сломлена. Если на нем висит грех, то Плесонос расколется.

— А если не висит?

— Тогда мы достойны сочувствия.

— Все из-за меня, — вытирая нос платком, произнесла Лера. — Я по жизни неудачница. Всего двадцать четыре, а жизнь уже поломана... Мама говорит: "Господи! В кого ты такая?" А я говорю: "В тебя!" Она всю жизнь в каком-то затхлом архиве проработала. Ни мужа, ни пенсии нормальной, ни мебели, ни одежды. Ничего у нее, кроме меня, нет.

У меня на сердце тяжело стало от такого тоскливого признания. Во мне снова стали разгораться злость и желание помочь этой дурехе выползти из ямы.

— Ладно, хватит слезы по щекам размазывать! — попытался я утешить Леру. — Делаем все быстро. Идем к Плесоносу. Мне он не откроет, поэтому разговаривать с ним будешь ты.

Лера кивнула и с отрешенным видом пошла к двери.

— Не раскисай! — рявкнул я. — Возьми себя в руки!

Пришло время жестких мер.

Мы вышли в коридор и приблизились к двери Плосконоса. Я прижался к стене, готовый кинуться на дверь сразу, как только щелкнет замок. Лера встала перед порогом, быстро перекрестилась, вытерла глаза и постучала.

— Дима! — заигрывающим голосом произнесла она. И откуда она переняла эту омерзительную интонацию? — Это Лера. Открой, пожалуйста...

Тишина. Я напрягся, готовый к броску. Мне показалось, что за дверью что-то скригнуло. Лера молчала и чего-то ждала. Мне пришлось тихоночко толкнуть ее в плечо, чтобы не дать уснуть.

Она постучала еще, на этот раз сильнее, и вдобавок ударила по двери ногой. И тут вдруг дверь со скрипом отворилась. Оттолкнув девушку, я влетел в комнату и тотчас застыл.

Плосконос висел на скрученной простыне, привязанной к оконному карнизу. На мертвом лице застыла гримаса, напоминающая улыбку.

— Черт! — пробормотал я и взмахнул рукой, словно хотел ударить кулаком воздух. — Опоздали!

Лера тихо ахнула за моей спиной. Я приблизился к Плосконосу и поднял с пола лист бумаги. На нем крупными буквами было выведено: <MI> "Хрен ты меня уволишь!!! Хрен! Хрен тебе!!!" <D> А ниже неумело нарисован кулак с торчащим средним пальцем.

Я протянул лист Лере. Она прочитала и подняла на меня недоуменный взгляд.

— Из-за того, что Ольга пообещала уволить? — с недоверием произнесла она.

— Он надеялся, что будет работать, выкарабкается, станет человеком. Но Ольга сломала его планы, — ответил я.

— Теперь я сомневаюсь, — произнесла Лера, — что он был способен убить Марко. Слабый, безвольный человек — и хладнокровно спланировать убийство своего могущественного хозяина?

— А нам больше ничего не остается, как сомневаться, — ответил я. — Идем отсюда.

Глава двадцать вторая. Не швыряйте визитками!

Едва мы вышли в коридор, как в его противоположном конце громко хлопнула входная дверь, и послышался топот ног. Я прижал Леру к стене. Мы увидели, как по лестнице быстро поднимаются люди в пятнистой форме с автоматами наперевес. Оперативная группа! Очень вовремя!

Лера от страха совсем потеряла голову. Я схватил ее за руку и притянул к себе, иначе бы она кинулась в комнату Плосконоса.

— Пожалуйста, — шепнул я, — постарайся не споткнуться и не упасть.

Прижимаясь к стене, мы добрались до кухни.

— Что теперь будет? Что теперь будет? — повторяла Лера, хватая меня за руки и заглядывая мне в глаза. — Может, мне под стол залезть?

— Лучше в духовку, — раздраженно ответил я, но Лера, кажется, не уловила злой иронии и, прицеливаясь, посмотрела на электроплиту.

Пришлось снова взять ее за руку, как ребенка, и подвести к маленькому квадратному окошку, предназначенному, должно быть, для загрузки продуктов с машины. Окошко было закрыто металлической дверкой, которую я вышиб несколькими ударами ноги.

— Полезай, — сказал я, кивая на проем, заполненный серым рассветом.

В другой ситуации я бы от души повеселился, глядя на то, как Лера задирает узкое платье и пытается поставить ногу на край проема. Но сейчас было не до веселья. Я подхватил девушку на руки и закинул ее в проем ногами вперед, словно полено в печку. Она пискнула уже за стеной дома и, кажется, увязла в сугробе.

Я прыгнул в люк, как в польню, повалился в снег и тотчас вскочил на ноги. Лера тряслась от холода, прижимая руки к груди. Я снял с себя куртку и накинул ей на плечи.

— Потерпи, — сказал я ей. — У меня в машине согреешься.

Страх и холод парализовали ее волю. Лера уже не спрашивала меня, что с ней будет, и что я намерен делать. Она отдала свою судьбу в мои руки, доверяя так, как слепой доверяет поводырю.

Мы прошли под самыми окнами, чтобы нас не заметили из дома. Я думал о том, много ли у нас шансов сбежать отсюда. Кроме "девятки", дорогу теперь преграждали как минимум две машины опергруппы. Я намеревался объехать их по обочине. Хотя она была завалена снегом, четыре мощных ведущих колеса и специальная зимняя резина давали мне шанс. Но как только я приблизился к углу дома и заглянул за него, стало ясно, что в ближайшее время покинуть двор нам не удастся. Рядом с калиткой стояли два омоновца с "калашниковыми".

Пришлось давать задний ход. Лера хоть и весила намного меньше меня, но почему-то увязала в сугробах по колени. Я злился на нее и думал, что легче было бы тащить ее по снегу волоком, как сани.

— Сил нет, — бормотала Лера, выдергивая ногу из снежного капкана. — Не торопитесь, пожалуйста...

Я думал о том, сможем ли мы перелезть через забор, больше напоминающий крепостную стену. Если удастся найти деревянный шест или, на крайний случай, крепкую веревку, то проблем не будет.

Лера взяла в руку снег и прижала его к пылающему лицу.

— Может, вы вернетесь? — произнесла она. — А я сама...

Все понятно, долг вежливости. Неужели Лера всерьез считала, что после этого предложения я с облегчением вздохну и с чистой совестью вернусь в дом?

— Пошевеливайся! — сказал я. — А то торчишь в сугробе, как новогодняя елка.

Мы свернули к торцевой стене дома. Тут снега намело будь здоров, и Лера увязла уже конкретно.

— Ой! — сказала она с нежным восторгом, словно увидела котенка или нашла гриб. — Смотрите!

В это время я уже с ненавистью пялился на забор, отчасти напоминающий стену Московского Кремля, опутанную колючей проволокой, и думал, что для его преодоления лучше всего использовать вертолет. Обернувшись, я увидел, что Лера, согнувшись, рассматривает какой-то предмет, лежащий у ее ног.

— У нас нет времени! — крикнул я, полагая, что внимание девушки привлекла какая-нибудь чепуха, и вернулся, чтобы выдернуть Леру из сугроба, как морковку. Лишь приблизившись к девушке почти вплотную, я смог распознать предмет, который привлек ее внимание. Из снега торчала рукоятка уже знакомого мне "стерлинга".

Мы переглянулись. Я поднял голову и посмотрел на черное торцевое окно мансарды.

— Если не ошибаюсь, это окно комнаты Марко, — сказал я и в это же мгновение в окне вспыхнул свет. На снег упала тень, похожая на паутину. Сыщики уже на мансарде! Сейчас подойдут к окну и увидят нас!

Подняв пистолет, я затолкал его за брючный ремень и схватил Леру под руку.

— Быстрее! — крикнул я и потащил ее к большой ели, за которой проглядывали контуры деревянного флигеля.

Лера окончательно выбилась из сил, и мне пришлось тащить ее едва ли не на себе. Задышавшись и падая на каждом шагу, она пыталась что-то сказать мне, но я не хотел ее слушать. Разговоры сейчас не имели смысла. Если омоновцы нас найдут, то я уже ничем не смогу помочь Лере, и останется лишь уповать на мудрость следователя, который будет вести уголовное дело.

Пригнувшись, мы зашли под тяжелые еловые лапы и немного отдышались. Я лег на снег, пробил в нем что-то вроде амбразуры и стал следить за домом. По окну мансарды плыли тени. Несколько раз внутри молнией вспыхнула фотовспышка. К окну приблизился высокий лысый мужчина в костюме с галстуком. Он курил и, казалось, пристально смотрел на меня.

— Что это? — спросил я, кивнув на флигель. — На баню не похоже. Сарай?

— Марко говорил, что здесь дворник ночует, — ответила Лера. Она сидела на снегу, осыпанном черными иголками, и дышала на порозовевшие пальцы.

— Больше нам некуда деться, — вслух подумал я, вытаскивая из-под ремня пистолет. — Разве что в собачью будку...

Удвигаться было нечему. Когда я в первый раз проверял обойму, в ней было пять патронов. Теперь оставалось четыре. Пятый, вероятнее всего, проделал дырку в черепе Марко и застрял в потолке или стене мансарды.

Я загнал обойму в рукоятку. Лера смотрела на мои руки. Я понял, о чем она думала.

— Не переживай, — скала я ей и подмигнул. — Хуже уже не будет.

— А разве все так безнадежно плохо?

— Разве я сказал, что безнадежно? — возразил я. — Просто плохо.

Тут Лера вздрогнула от тонкого мелодичного писка, уродливо воспроизводящего "Марш тореадоров". Я не сразу понял, что это сигнал мобильного телефона, потому что мой телефон свистит без всяких рулад, как соловей-разбойник. Лера начала крутить головой по сторонам, пытаясь найти источник музыки. Я машинально прикоснулся рукой к своему мобильнику, висящему на ремне. И только тогда до меня дошло.

— В кармане моей куртки! — сказал я, еще не зная, что стану предпринимать. — Быстрее же!

Лера сунула руку в карман и, словно гранату без чеки, вынула оттуда миниатюрный мобильник Марко. Я схватил его и посмотрел на дисплей, где высветилось "My wife" ("Моя жена"). Значит, звонила Ольга.

Секунду или две я колебался, потом все же включил трубку и прижал ее к уху.

— Слушаю, — сказал я.

— Я так и думала, что это ты украл трубку моего мужа, — торопливо сказала Ольга, задыхаясь от волнения и жажды мести. — Что ж, ты окончательно раскрыл свои намерения... Передай большой привет Лере. Можешь ее обрадовать — пусть возвращается, ей уже ничто не грозит.

— Передаю привет, — ответил я, не обратив внимания на последнюю фразу. — А тебя, в свою очередь, я прошу передать большой привет следователю. Пусть он немедленно запросит распечатку твоих последних разговоров по сотовой связи. Представляю, как он удивится, когда узнает, что ты разговаривала с покойником. А для телефонной компании этот факт станет прекрасной рекламой: отныне можно позвонить даже на тот свет!

— Не смешно и не страшно, — усмехнувшись, ответила Ольга. — В распечатке не указывается, с кем именно я разговаривала. Я уже сказала оперативникам, что с сотового телефона мужа мне звонил неизвестный человек, голос которого был очень похож на твой. И этот человек шантажировал меня. Он требовал сто тысяч долларов, в противном случае, угрожал убить Марко! Понятно?

Вот куда она повернула!

— Тебе никто не поверит, — без особого убеждения ответил я. — Я все время был на виду у твоих гостей.

— Нет, не все время, — ответила Ольга. — К твоему сведению, эксперт уже определил, когда был убит Марко. Между 3.45 и 4.15. А ты в 4.05 пришел ко мне отдать аванс и пробыл у меня минут десять. Но никто не знает, что ты был у меня. Так кто подтвердит твою алиби?

Кажется, я сильно изменился в лице, раз Лера с испугом посмотрела на меня.

— Ольга, — произнес я и ужаснулся, насколько неузнаваемым показался мне мой голос. — Я с легкостью докажу твоему эксперту, что вы с Марко затеяли грандиозную аферу с имитацией убийства и...

— Не надо ничего доказывать, — перебила меня Ольга. — Я уже во всем призналась. Как Марко вылил на ковер краску, как выстрелил в окно, как я написала фальшивку, чтобы бросить тень на Леру... Меня поняли и простили, потому что я всего лишь хотела наказать разлучницу. Потому я тебе и сказала: можешь обрадовать Леру, и пусть она спокойно возвращается за шубой. А то простудится и будет потом маяться с женскими болезнями...

— Послушай, Ольга, — произнес я. — Зачем ты это делаешь? Ты ведь знаешь, что я не убивал Марко.

— А потому! — вдруг с необыкновенной ненавистью крикнула она. — Потому что ты наглый, самовлюбленный тип! А я не привыкла, чтобы мне швыряли обратно мои визитки! Когда ты будешь протухать на нарах, я передам тебе для утешения свое фото в обнаженном виде!

Ах, вот где собака зарыта! Банальная месть униженной женщины.

Она оборвала связь. Я медленно опустил руку с трубкой. Пистолет, торчащий за поясом, больно давил под ребро.

— Что? — едва слышно произнесла Лера, глядя на меня как на судью, объявляющего приговор.

— Ольга во всем призналась, — ответил я.

— В чем — во всем?

— Что они с Марко разыграли вас.

Лицо Леры вдруг порозовело, глаза ее заблестели.

— Это правда? — прошептала она.

— Думаю, что правда, — ответил я. — Убийство Марко Ольга теперь валит на меня.

— Послушайте, — необычайно волнуясь, произнесла Лера, не обратив внимания на мои последние слова. — Если она призналась, то... то значит, что все подозрения с меня сняты?

— Конечно. Эксперт уже определил, что убийство произошло не в девять вечера, а в четыре ночи.

— В четыре ночи, — повторила Лера, теребя кольцо на пальце. — Где же я была? Кажется, стояла на крыльце и ждала вас... Точно! Меня Виолетта видела, она подтвердит. А потом мы с вами вышли за калитку. И это видел дворник...

Она резко приподнялась и нечаянно ударилась головой о еловую ветку.

— Мне надо идти! — твердо сказала она.

— Разумеется, — равнодушным голосом ответил я. — Это верное решение. Но самое главное — оно идет из самых глубин души.

— Я воспользуюсь вашей курткой, ладно?

— Валяй! Только документы отдай.

Лера проворно отправила руку в нагрудный карман и протянула мне портмоне. Ни слова не говоря больше, она опустила на корточки и выползла из-под ели.

Как плохо стало у меня на душе! А чего я ждал от этой придурковатой девчонки? Самопожертвования? Но ради кого? Ради случайного встречного мужика? Какое ей дело до того, что я вляпался в эту историю из-за нее? Какой толк от моего благородства и бескорыстия, если в итоге ее честное имя спас не я, а сознавшаяся в розыгрыше Ольга? А Лере надо думать о будущем, об испорченной машине, о бедной маме и весеннем пальто.

Лежа на снегу, я провожал взглядом тонкую фигуру Леры до тех пор, пока она не скрылась за углом. И только потом до меня дошло, что произошла катастрофа. Я не только стал чужим и одиноким. Меня предали в доме, в котором я хотел найти правду. Ольга дает показания против меня. Улики серьезные. Версия с шантажом звучит вполне правдоподобно. Пистолет, из которого был убит Марко, торчит у меня за поясом. Его мобильный телефон — в моей руке. Я скрываюсь от милиции. Я не могу доказать, что около четырех часов ночи был у Ольги. Зато дворник докажет, что в начале пятого я спешно уходил со двора, а потом пытался уехать на своем джипе...

Проклятье!

Я уронил голову на снег и замычал. Если бы Лера не ушла, мне было бы легче.

Глава двадцать третья. Когда завеса спала

Лысый мужчина в пиджаке выбросил окурок в форточку, отошел от окна и скрылся в глубине комнаты. Я пролез по-пластунски под веткой, тяжелой от снега, перекатился через сугроб и, низко пригнувшись, подбежал к двери флигеля.

Она не была заперта, и я немедленно проскочил внутрь. Это было убогое жилище, до духоты прогретое электрокамином и провонявшее табаком и супом. На крашеном дощатом полу лежала потрепанная дорожка. В углу стоял топчан с матрасом и подушкой. У окна громоздился канцелярский стол, заставленный кружками, чайником и кастрюлями. Рядом с дверью торчала рогатая вешалка.

Спрятаться было негде.

Я сел за стол, машинально потянулся к чайнику и плеснул в кружку немного холодного чая. Может, Ольга блефовала? Может, эта бестия хитростью заманила в дом Леру, и

сейчас ее допрашивает следователь? Если это так, то моя совесть чиста. Видит Бог, я хотел ей помочь.

А если Ольга сказала правду? Если она перевела стрелки на меня?

Я попытался воспроизвести в деталях наш разговор. Что она там говорила про эксперта? Установлено время убийства? Марко грохнули между 3.45 и 4.15 ночи? Дай Бог памяти, где я был и что делал в это время?

Чай был крепким, как цифирь. Я с трудом сделал глоток и почувствовал, как, сопротивляясь, судорожно сжался желудок. Какую гадость пьет дворник! Все в нем отталкивает, даже чай, который он приготовил.

В 3.30 я был у Леры. Это точно. Когда я вошел к ней, она дремала, а потом спросила, который час. Я начал выпитывать у нее, о чем она говорила с Марко. Прошло минут десять... да, пожалуй, десять, и я услышал крики запертой в своей комнате Ольги... Прекрасно!

Цифирь дворника, оказывается, неплохо прочищал мозги. Я плеснул из чайника еще и, склонив голову, посмотрел в мутное окошко. Во дворе никого. Внешне все спокойно, из окон дома никто не вылетает, никто не кричит и не стреляет.

Что было дальше? У комнаты Ольги собрались все гости. Я предложил выломать дверь, но Ольга потребовала, чтобы мы вызвали дворника. Позвать его вызвался Плосконос, ему надо было лишний раз прогнуться перед новой хозяйкой фирмы. Он вышел из гостиной, открыл окно на лестнице и стал кричать. Это происходило приблизительно в 3.45, то есть убийство уже могло состояться. Но могло лишь теоретически. Убить Марко попросту было некому, так как все находились друг у друга в поле зрения. Дальше!

Нервно вытаскивая пистолет и стал его рассматривать.

А дальше было вот что. Появился дворник. Он начал демонтировать замок. Открыл дверь и освободил Ольгу. И тотчас мы все почувствовали запах дыма. Побежали вниз. Виллетта продемонстрировала догорающие желетания и свою выломанную дверь. Я вышел из дома и обнаружил пролажу "стерлинга". А затем нашел мертвую собаку...

Я снова отстегнул обойму и пересчитал патроны. Четыре штуки. Понюхал дуло. Ни снег, ни мороз не смогли выветрить стойкий запах пороховой гари.

Значит, я нашел мертвую собаку, а затем поднялся к Ольге, чтобы вернуть ей аванс и распрощаться. Времени было 4.05. Мы беседовали минут десять. Я вышел от нее в 4.15, опрометчиво вернув визитку. Отрезок времени, в течение которого был убит Марко, закончился. У кого железное алиби? У Ольги. Она никак не могла выйти за пистолетом из запертой комнаты, находящейся в запертом доме. И, пожалуй, у Леры... А кто мог незаметно умыкнуть пистолет из машины? Плосконос и дворник. И дворник...

Я вскочил с табуретки и нечаянно скинул кружку на пол. Ржавая водичка веером брызнула по дешевым бумажным обоям. Затаив дыхание, я смотрел в подслеповатое окошко. В сторону флигеля, глядя на глубокие следы в сугробах, шел омоновец в черной маске с большими прорезями для глаз. Вылитый Фантомас!

Кажется, Лерка продала меня с потрохами!

Я лихорадочно оглядел комнату, словно хотел увидеть какую-нибудь потайную дверь. Что делать? Прекратить бессмысленные телодвижения и отдать себя во власть судьбы? Или же попытаться доказать, что я не верблюд?

Я снова посмотрел в окно. Теперь уже можно было не сомневаться, что омоновец полон решимости навести конституционный порядок во флигеле.

Что делать? Прыгать в окно? Или залезть под топчан? Я в нерешительности замер посреди комнаты. Рука произвольно легла на рукоятку пистолета... Нет, это самое последнее дело — объясняться с коллегами при помощи оружия. Какое скверное утро! Как подло сыграла со мной судьба!

Жуткие ругательства стали пропитывать мой мозг. Я поднял голову, чтобы обратиться за помощью к Богу, как увидел над дверью под потолком широкую полку.

На раздумья уже не оставалось времени. Я ухватился за край полки, подтянулся и влез на нее. Тонкая доска тотчас прогнулась под моим весом, затрещала, но выдержала. Я поджал ноги, вытаскивая из-за пояса пистолет и затаил дыхание.

Скрипнула дверь на ржавых петлях. Затем на несколько секунд во флигеле стало тихо. Я видел лишь верхний край мутного окна, да лампочку на загаженном мухами прово-

де, и потому мог только представить, как омоновец с автоматом наизготовку просачивается в темный тамбур. Послышались осторожные шаги и, наконец, я различил тяжелое дыхание.

Я опустил глаза и через щель увидел круглую голову в маске. Омоновец стоял на пороге комнаты, почти подо мной, и осматривал комнату. Я перестал дышать. Как назло, нестерпимо зачесался затылок. В общем, началась пытка.

Омоновец сделал еще шаг и пнул ногой валяющуюся на полу кружку. Затем круто развернулся к выходу и замер. Я увидел его нос, розовый, неестественный, напоминающий какое-то инородное тело, увязнувшее в смоляном колобке. Мне казалось, что у меня в груди даже сердце стало биться тише. Омоновец расслабился. Он опустил автомат и еще раз гляннул по сторонам. Я уже мысленно ликовал, как вдруг в моем кармане истошно заиграл "Марш тореадоров". Кажется, мое сердце разорвалось, как граната.

Омоновец даже подскочил на месте и немедленно вскинул автомат. Целая реакция уже началась, и остановить ее было невозможно. Я понял, что сейчас он прошьет меня автоматной очередью, и в отчаянии врезал ногой по его спрятанному под маской лицу. Пока он валился на спину, широко раскинув руки, я успел с наслаждением почесать затылок. Оглушительно прогремело несколько выстрелов. Падая, омоновец все-таки нажал на спусковой крючок, и пули пошли вверх. Лопнула лампочка, из дощатого потолка полетели щепки. Омоновец, ломая своим весом табурет, повалился на пол. Я успел спрыгнуть. Пистолет в моей ладони сидел влитую. Отступать было поздно.

— Не шевелись! — тихо сказал я, целясь в вытаращенный глаз омоновца, и пнул ногой автомат, затолкнув его под топчан.

Омоновец лежал на обломках табурета и тяжело дышал. Ткань маски на уровне рта дрожала от дыхания и набухала кровью. Я пятился к двери. Телефон Марко в моем кармане продолжал пиликать.

— Фамилия следователя? — спросил я.

— Горчаков, — нехотя ответил омоновец, покрутил головой и сплюнул кровавой слюной через прорезь.

— Откуда он?

— Из районной прокуратуры... Тебя уже ничто не спасет, парень...

Фамилия следователя мне не была знакома.

— Кого он уже допросил? — спросил я.

— Хозяйку...

"Марш тореадоров" действовал на нервы. Я вынул из кармана телефон и поднес его к уху.

— Надеюсь, на тебя уже надели наручники? — язвительно спросила Ольга.

— Не понимаю, о чем ты, — ответил я, продолжая держать омоновца на прицеле. — Я только что пересек грузинскую границу...

— Что ж, желаю удачи, генацвале!

Я отключил питание и затолкал телефон в карман. На стене, рядом со мной, висел моток пеньковой веревки. Я снял его с гвоздя.

— Перевернись! — приказал я, кидая быстрые взгляды на окно. — Лицом вниз. Руки за спину.

— Ты роешь себе могилу, — сквозь зубы процедил омоновец и, не спуская глаз со ствола моего пистолета, стал медленно переворачиваться на бок.

Я мысленно прикидывал, как бы одной веревкой связать ему руки, ноги, да еще подвязать челюсть, чтобы не кричал громко.

И тут случилось непредвиденное.

Едва я нацелился веревочной петлей на руки омоновца, как за моей спиной прозвучал глухой удар, и распахнулась дверь. Я инстинктивно отскочил в сторону, чтобы увидеть, кто вошел. На пороге, заслоняя дверной проем, стоял дворник.

Омоновец все же, не даром ел свой хлеб. Я оталекся всего на мгновение, но ему этого было достаточно. Он провел подсечку и свалил меня на пол. Падая, я потянул за собой вешалку. Засаленные куртки и телогрейки повалились на меня. Я попытался поднять руку с пистолетом, но ботинок с толстой подошвой придавил руку к полу. Тут дворник при-

шел в себя и кинулся на помощь омовцу. Он навалился на мои ноги, не позволяя мне подняться. Зверей, омовец принялся бить меня. Я как мог отбивался, но справиться с двумя крепкими мужиками мне было не по силам. Не стерпев боль, я разжал пальцы, и "стерлинг" с глухим стуком упал на пол.

— Держи его крепче! — орал омовец, стараясь попасть ботинком по моему лицу. Его маска перекосилась, и он, как циклоп, смотрел на меня одним глазом.

Мой рот наполнился соленой и густой кровью. Я плюнул, стараясь попасть в угодливого дворника, но тотчас получил чувствительный удар по скуле. Махая ногами, омовец путался в телогрейках, наступал на вешалку, все эти препоны выматывали его, но он никак не мог отвести душу.

— Подними его! — хрипло крикнул он дворнику, почувствовав в нем своего верного союзника.

Дворник схватил меня под мышки и без усилий поднял. Я на всякий случай потащил за собой обломок вешалки.

— Вот так, сука! — мстительно сказал омовец, глядя на меня одним глазом. — Считаю, что ты покойник... Я тебя пристрелю за оказание сопротивления...

С коротким замахом он отправил свой кулак мне в живот, но я вовремя подставил вешалку. Раздался треск, омовец взвыл от боли и, тряся рукой, отскочил от меня.

— И за это ты, сволочь, тоже ответишь, — прошипел он и кивнул дворнику: — Ну-ка, к стенке его!

Кажется, они решили отправить меня на тот свет. Дворник, завоевывая доверие, послушно толкнул меня на стену и положил свою огромную руку мне на горло. Омовец отошел к столу, набычился, пригнул голову, превращая ее в таран. Я вздохнул. Сопротивляться не было сил. Защитить себя я не мог. Сильные и жесткие пальцы дворника, словно тиски, сдавливали мое горло.

— Убийца, — прохрипел я дворнику.

— Крепко его держи! — в предстартовом экстазе крикнул омовец и дал полный газ. Он снарядам пересек комнату, и когда я уже зажмурил глаза в ожидании тупого удара в живот, произошло нечто непредсказуемое. Дворник вдруг резким толчком откинул меня в сторону, и омовец на полной скорости врезался головой в стену. Флигель содрогнулся, как при землетрясении. С полки свалилась пустая бутылка от портвейна. Не распрямляясь, не производя никаких звуков, омовец несколько секунд постоял, упираясь головой в стену, и без чувств рухнул на пол.

Дворник провел пальцем по трещине на стене и покачал головой.

— Придется вагонкой обшивать, — сказал он. — Не то сквозить будет.

Я вытер кровь из разбитой тубы.

— Тебе спокойная жизнь надоела? — спросил я, глядя на бесчувственное тело омовца.

— Давай-ка свяжем его, — ушел от ответа дворник. — И кляп вставим.

Он поднял с пола веревку, которую я уронил, опустился на колени и с деловым видом стал связывать безвольные руки омовца. Я тупо следил за его работой и не мог понять, чего он добивается.

— Минут пятнадцать, я думаю, у тебя есть, — сказал он, затягивая тугим узлом и поднимаясь на ноги.

— На что? — спросил я.

— Ну, это тебе виднее, на что их использовать, — расплывчато пояснил дворник и внимательно посмотрел мне в глаза. — Ты думаешь, Марко я убил?

Не дождавшись ответа, дворник поднял с пола "стерлинг", вытер его о рукав и протянул мне.

— Ты мне тоже сначала доверия не внушал, — сказал он, неторопливо наводя на столе порядок. — Откуда я знал, кто ты, и что здесь вынохиваешь? Но потом вижу — тебя топят. И ты уже всеми лапками дрыгаешь...

Он наполнил кружку чаем и медленно, словно водку, выпил.

— Над тобой ящичек висит, — кивнул он. — Там есть вата. Ототри кровь... Будешь мои слова передавать — на меня не ссылайся. Договорились? Я на допросы ходить не хочу... Шевельнулся, вроде?

Он согнулся над омовцем, прислушиваясь к его дыханию.

— Выйдем в тамбур!

Мы вышли. Дворник плотно закрыл за собой дверь и негромко сказал:

— Ты выводы сам сделай, а я тебе только скажу, что видел... Я у центральной клумбы снег разгребал, и тут меня Плосконос из окна позвал. Говорит, хозяйка из своей комнаты выйти не может, что-то с замком, и от входной двери ключ потерялся. Я пошел сюда за инструментом и запасным ключом. Назад возвращаюсь. Только за угол свернул, как услышал, что калитка за моей спиной грохнула — вышел, значит, кто-то. Это меня и удивило. Как человек мог выйти, если входная дверь заперта? Вижу — следы на дорожке. Думаю: наверное, кто-то чужой по двору шастал, меня увидел и убежал. А следы маленькие, нога явно женская. Я пошел по этим следам в обратную сторону...

Дворник замолчал, прислушался и почему-то недовольно покачал головой.

— Думаю, и десяти минут у тебя не будет... В общем, свернул я за угол, где у нас хозяйственный дворик. И по этим следам напрямик к пожарной лестнице подошел. Под лестницей следы и начинались. Значит, этот человек из окна по лестнице спустился.

Я с волнением схватил дворника за руку.

— Чьи окна рядом с лестницей? Из какого окна можно до нее добраться?

— Сам разберешься, — ответил дворник и подтолкнул меня к двери. — Иди, у тебя совсем времени не осталось. Он вот-вот очухается. А мне и о себе подумать надо...

Я кивнул и выскочил из флигеля. Дворник тихо свистнул. Я обернулся. Он махнул рукой, показывая, каким путем мне лучше добраться до хозяйственного дворика.

Уже было совсем светло. Я побежал по сугробам, продираясь через кусты смородины, высаженные в ряд вдоль забора. Над особняком висел влажный туман. Он приглушал звуки, и потому казалось, что весь мир погрузился в мертвую тишину...

Вот и забор, отделяющий хозяйственный дворик. Штакетник, выкрашенный зеленой краской, плотно подогнан. Я присел и стал искать щель. Между кирпичной стеной и забором можно просунуть ладонь. Я осторожно приблизил к щели лицо. Хорошо, что не поторопился, а то бы прыгнул бы прямо омовцу на голову. Здоровый детина в черной маске медленно двигался под окнами дома. Если его сюда поставили пасти окна, то он отсюда не уйдет. Но что же делать? Время летит, сейчас во флигеле очухается его коллега.

Я посмотрел на пожарную лестницу. Замечательно! Рядом с ней находилось всего лишь одно окно на втором этаже. Ниже — глухая стена. Выше — крыша. Что за этим окном? Чья-то комната или подсобка?

Омовец дошел до угла дома, постоял там немного и развернулся в обратную сторону. Я отпрянул от щели и сел на снег. Зачерпнул рассыпчатого фирна, набил им рот, чувствуя, как лед приятно обжигает язык.

Он дошел до забора, повернулся и пошел обратно. Я понял, что другой возможности у меня может и не быть. Снег крепкий, подмороженный, покрытый льдом. По нему можно пробежать беззвучно.

Когда омовец удалился от меня метров на десять, я перемахнул через забор и на цыпочках подбежал к лестнице. Только поставил ногу на ребристую перекладину, как увидел, что в металлических заусеницах застряло маленькое белое перышко. Я выдернул его, сунул в карман и быстро полез вверх.

Омовец дошел до угла. Остановился. Но я уже у окна. За тонированным стеклом ничего не видно. Форточка открыта, за ним от легкого сквозняка колышется тюль. Я поднялся еще на ступеньку выше. Если бы окно было распахнуто, то зайти в комнату — сущий пустяк.

Я взялся руками за край форточки и нырнул в нее. Тюль опутала меня, словно рыбацкая сеть дельфина. Я грохнулся на пол, сорвав ее вместе со шторой с петель. Несколько секунд я сидел на полу и выпутывался. Когда завеса спала, я поднялся на ноги и прямо перед собой увидел Ольгу.

Глава двадцать четвертая. Наследник

— Ты вернулся? — спросила она.

Испуг прошел. Ольга уже владела собой, только была немного бледна. Она стояла с чашкой кофе перед книжным стеллажом, делящим комнату пополам.

Я еще тяжело дышал. В висках стучала кровь. Быстро подошел к двери, закрыл замок на два оборота и сунул ключ в карман.

— Что это с твоим лицом? — делая глоток из чашки, спросила Ольга.

— Под поезд попал, — ответил я, осматривая комнату. Затем шагнул к кровати, откинул одеяло и взял небольшую упругую подушку в розовых атласных наволочках.

— Наглеть не надо, — попросила Ольга. — Может, ты еще куда залезешь?

Какой ненавистью наполнилось мое сердце к этой изворотливой и жестокой стерве! Не сдержавшись, я швырнул подушку ей в лицо. Чашка выскользнула из рук Ольги и упала на пол. Звон, брызги кофе.

— Тебя посадят в тюрьму, — глухим голосом произнесла она. — А я принесу тебе передачу...

Я отрицательно покачал головой и вынул из-за пояса пистолет.

— Не принесешь, — ответил я, облизывая разбитые губы. — Куда ты дела подушку, через которую стреляла в Марко?

— Съела! — с вызовом ответила Ольга. — Не старайся, ты ничего не докажешь!

Я опустил на колени перед кроватью, пошарил под ней рукой и вытащил мокрые кроссовки.

— Ты сама во всем признаешься, — сказал я, размахивая кроссовкой перед лицом Ольги.

Она усмехнулась.

— Ты считаешь меня за идиотку? Когда начинается райская жизнь, то угрызения совести затухают. И не пугай меня пистолетом, ты все равно не выстрелишь в меня.

— Ты уверена, что у меня есть выбор?

— За Марко тебе дадут двадцать лет. А если ты убьешь меня, то получишь пожизненное. Вот и выбирай.

— Можешь считать, что я в шоке. Мне выпало увидеть редкостное животное, которое убивает так же легко, как и лжет.

Лицо Ольги исказилось.

— Ты будешь горько сожалеть, что произнес эти слова.

Демонстрируя свою независимость, она взяла со стеллажа медную статуэтку, похожую на булаву, и решительно направилась к двери. Я успел схватить ее за руку и толкнуть на постель.

— Ты уверена, что я ничего не докажу, — сказал я. — Что я могу лишь предполагать, что ты застрелила Марко. Тогда послушай меня. Вы с Марко ловко разыграли всех. Отомстили за пожелания. Тебе особенно хотелось помучить Леру, напугать ее тюрьмой. В общем, у тебя получилось. Лера сполна испытала ужас от своего бессилия. Но тут появился я, и ты сразу вспомнила, что я когда-то был частным детективом. И вот тогда у тебя родился дьявольский план...

Ольга лежала на спине, упираясь в матрац локтями, и презрительно смотрела на меня.

— Ты думала так: если опытный сыщик не заметит розыгрыша и подтвердит, что подозрение падает исключительно на Леру, то почему бы, в самом деле, не воспользоваться ситуацией и не убить Марко? Что тебя с ним связывало, кроме штампа в паспорте? Ни любви, ни уважения, одна брезгливость. Убив его, ты становишься хозяйкой особняка и "мерседеса". И, смею предположить, у Марко есть приличные деньги. Наудачу перевалы завалило снегом, и опергруппа вряд ли бы приехала раньше утра.

Чем больше я рассказывал, тем более жестким становилось лицо Ольги. Она не перебивала меня, но ни словом, ни вздохом не показывала, что соглашается с моими словами.

— Вот почему ты так торопила меня с выводами относительно Леры, — продолжал я. — Надо было как можно быстрее убить Марко, чтобы следователя не насторожил слишком свежий труп. Ты перестраховалась и спросила меня еще раз: уверен ли я, что подозрение

упадет на Леру. Я ответил утвердительно, чем невольно вынес Марко смертный приговор. А ничего не подозревающий Марко скучал в своей комнате, названивал тебе на мобильный и спрашивал, когда можно будет раскрыть карты и "воскреснуть".

Мне показалось, что со двора доносятся крики. Ольга тоже насторожилась. У меня оставалось очень мало времени.

— Преклоняю голову: твой план был просто блестящим. Перед тобой стояла трудная задача. Тебе надо было незаметно выйти из дома, взять из машины Леры пистолет, подняться на мансарду, а потом спуститься оттуда. И ты придумала этот фокус с запертой дверью. На твой крик все сбежались в гостиную. Дворник зашел в дом, открыв дверь снаружи. Ты рассчитала, что он будет ковыряться с замком не меньше пяти минут. Этого времени тебе было вполне достаточно. Прихватив с собой подушку и кусок отравленной колбасы, ты спустилась по пожарной лестнице вниз, взяла в машине Леры пистолет и вернулась к дому. Ты отравила собаку для того, чтобы снять с себя подозрение. Затем ты поднялась к Марко. Не думаю, что ваш разговор был долгим. У тебя не было времени. Ты выстрелила ему в лоб через подушку, чтобы приглушить звук. Потом придала трупу прежнее положение и так же незаметно вышла из дома. По пожарной лестнице поднялась к себе в комнату, сняла мокрые кроссовки, разделась и в таком виде предстала перед нами...

— Ну и что? — спросила Ольга. Она по-прежнему считала себя хозяйкой положения, но голос ее выдал. Подробности моего рассказа ее впечатлили. Тайное стало явным, и она почувствовала себя неуютно, будто с нее на людях сорвали одежду.

— А то, — ответил я, — что я смогу это доказать. Есть свидетель.

— Уже нет, — со страшной усмешкой произнесла Ольга.

Я смотрел на Ольгу, как на вампира.

— Значит, — произнес я, — Плосконос все-таки видел тебя в коридоре, когда ты шла убивать Марко... Я так и думал. И ты, зная, как он дорожит работой в фирме, объявила, что он уволен. Ты была уверена, что он этого не выдержит и покончит с собой... Но ты рано радуешься. Я имел в виду другого свидетеля.

Ольга скривила рот и отрицательно покачала головой.

— Кого? Дворника? Ха-ха-ха! Ничего он не докажет. Потому что ему вовсе не хочется терять это теплое местечко с окладом в пятьсот долларов. Я всех купила, миленький! А кто отказывается, тому будет плохо. Как, например, тебе...

Она не успела договорить, как дверь с треском распахнулась, и, заноса с собой облако пыли, в комнату ворвались автоматчики в масках. Не дожидаясь, когда они начнут ломать мне ребра, я поднял руки над головой и разжал пальцы. "Стерлинг" упал на пол.

— Он хотел меня убить, — сказала Ольга, вставая с кровати.

Несколько стволов целились мне в голову. Один из омонцев подошел ко мне, толкнул меня на стену и обыскал. В комнату зашел лысый мужчина в пиджаке. Он курил на ходу, часто затягиваясь. Взгляд его был добрый и печальный, как у старой собаки.

— Руки, — попросил он и защелкнул на моих запястьях "браслеты".

Что-то я упустил. Что-то очень важное. Оно отложилось в памяти, как узелок: не забыть, проверить, довести до конца...

Омоневец опустил руку мне на плечо и подтолкнул к выходу. Лысый пошел первым, словно я был слепым, а он — мой поводырь. Мы вышли в гостиную. Я остановился и посмотрел на камин.

Да, именно камин! Я беспокоился, чтобы не забыть, и все-таки забыл! Начисто вылетело из головы! Тогда меня что-то насторожило, какой-то незначительный факт. Он беспокоил недолго, как крошечная заноза.

— Вперед! — крикнул омоневец.

— Подождите! — сказал я.

Следователь обернулся, вскинул брови. Я вспомнил! Вот что меня насторожило: Ольга дважды не позволила мне разжечь камин. Это было, когда все собрались в гостиной. Я должен был изобличить Леру. В гостиной было холодно и сыро, и я уже подготовил дрова...

— Подождите, — повторил я.

Ольга стояла в пустом дверном проеме — белая, как смерть — и смотрела на меня.

— Надо проверить дымоход, — сказал я следователю. — Это очень важно.

— И что мы должны там найти? — спросил он равнодушно.

— Пожалуйста, проверьте!

Следователь кивнул одному из омоновцев. Тот подошел к камину, пригнулся, оперся одной рукой на дрова, а другую руку просунул в дымоход. У меня сердце замерло в груди от томительного ожидания. Прошла секунда, вторая, третья...

Омоновец выпрямился. Он сжимал в руке маленькую подушку в некогда розовой атласной наволочке. Сейчас она была покрыта бурными пятнами и вымазана в саже.

— Через эту подушку был застрелен Марко, — сказал я.

— Кем? Вами? — уточнил следователь.

— Ольгой, — ответил я.

Она продолжала неподвижно стоять в проеме, напоминая большую картину в полированной дубовой раме.

— Ложь, — произнесла она. — Эту подушку кто-то похитил из моей комнаты. Я ее обыскала.

Омоновец положил подушку на стул. Следователь склонился над ней, затем приподнял за уголок, осматривая со всех сторон.

— На экспертизу, — сказал он.

Я подумал, что в этой гостиной ничего интересного уже сказано не будет. Но вдруг распахнулась дверь и вошла Лера. Она тяжело дышала, слово только что бежала по лестнице. Какое-то мгновение мы смотрели друг другу в глаза. Потом ее взгляд скользнул по моим рукам, сцепленным наручниками.

— Вы что-нибудь хотели? — спросил следователь.

— Да, — ответила Лера. — Я забыла вам кое-что сказать. Правда, не знаю, пригодится ли вам эта информация...

— Ну, говорите, — поторопил следователь.

Омоновцы, Ольга, следователь и я замерли, глядя на Леру.

— В девятом часу вечера Марко позвал меня к себе, — сказала Лера, переводя растерянный взгляд то на следователя, то на Ольгу. По мне ее взгляд проходил так, будто я стал невидимым. — Я заметила, что он был очень взволнован. Ходил по комнате, раскидывая ногами одежду. Он сказал: "Мне только что звонили из института генетики человека и подтвердили, что все-таки я отец твоего будущего ребенка".

— Какого ребенка? — переспросил следователь, кидая окурок в камин.

— Дело в том, что я беременна, — глупо улыбаясь, ответила Лера. — Уже на четвертом месяце.

Вот это новости! Я от удивления даже рот раскрыл. Так вот почему эту чудилку на соленькое тянуло, и она в обморок падала! Я повернул голову и посмотрел на Ольгу. Если сказать, что это известие ее шокировало — значит, не сказать ничего. Мне показалось, что Ольга сейчас рухнет без чувств. Глаза ее были широко раскрыты, лицо и шея покрылись пунцовыми пятнами, ногти впились в ладони.

— Да, — продолжала улыбаться, заверила Лера. — Это так. Марко сначала не поверил мне, когда я сказала ему, что беременна. Он думал, что я спала с кем-то другим. Вот поэтому и решил на генетическую экспертизу... И вот я в его комнате. Он начал уговаривать меня, чтобы я согласилась на аборт. А как я могла на это согласиться? Ведь это грех! И вообще, маленькие детишки такие ведь хорошенькие, правда? Тогда Марко предложил мне сто тысяч долларов, а я все равно отказалась. Он предложил двести тысяч. Я еще подумала: какие огромные деньги водятся у этого бессовестного человека...

— Спасибо, — сказал следователь. — Можете идти.

— Я не знаю, пригодится ли вам эта информация...

— Можете идти! — повторил следователь.

Я не успел заметить, как Ольга скрылась за стеллажом в своей комнате. Зато прекрасно услышал, каким страшным голосом закричала она.

— Тварь!!! Тварь!!! Убью гадину!!! Убью-у-у-у!!!

Лера пожала плечами и вышла. У меня на душе вдруг стало легко и светло, будто я проснулся после тяжелого сна и увидел в окне синее небо и солнце.

Послесловие

Меня выпустили из изоэкса-ИВС — изолятор временного содержания» на следующее утро — похлопотали ребята из местного угро. Я хоть и дал подписку о невыезде, следователь сказал, что дело, в принципе, можно закрывать. Оказывается, минувшей ночью Ольга покончила с собой, выпив водки с цианидом натрия — той же отравой, которой она убила собаку. Белокурая стерва не смогла смириться с мыслью, что придется делиться своим состоянием с ребенком своей заклятой соперницы.

Месяц спустя, когда под теплым весенним солнцем перевалы очистились от снега, я заехал в тот злополучный особняк. Лера встретила меня холодно, и наше общение с ней было коротким. Она успела сделать роскошный ремонт в своих апартаментах, объединив комнату Ольги с гостиной. Проходящая по огромной, залитой солнцем комнате, заставленной кадучками с пальмами, она пила апельсиновый сок из высокого бокала и шуршала длинным просторным платьем, которое с трудом скрывало уже вполне конкретный животик.

А вот с дворником мы хорошо поболтали. Я привез с собой ящик чешского пива и килограмм сухой воблы, и мы расправлялись с этим добром до глубокой ночи. ■

Не многие из звезд Голливуда могут похвастаться такой родословной, как Дрю Бэрримор. Ее прадед — знаменитый театральный актер Джон Бэрримор, а среди предков — Морис, Лайонел и Этель Бэрриморы. Родители Дрю — тоже актеры. Казалось, после того, как Дрю блестяще сыграла в 6-летнем возрасте в "Инопланетянина" Спилберга, ее имя просто обязано было появиться на Аллее славы Голливуда.

Но ее карьера развивалась неравномерно из-за дурного влияния родителей-алкоголиков и скандальной славы, которую Дрю провоцировала своими ранними пристрастиями к алкоголю и наркотикам. Видимо, ей на роду было написано — сначала духовно и морально падать, а потом возрождаться, как

традиции знаменитых голливудских блондинок.

Она пыталась подражать Мэрилин Монро в небольшой роли в фильме "Бэтмен навсегда" (1995), а скандалами напомнить другую блондинку — Мадонну. Дрю так же остроумна, как и ее знаменитый дед Джон Бэрримор, умевший поставить на место любого надоедливого журналиста. Алкоголь губил деда, но внучка сумела преодолеть эту пагубную привычку.

"Я обожаю бабочек, — заявила Дрю, — за то, что они таят в себе возможности метаморфоз. Как и они, я посто-

белокурая БЕСТИ

птица Феникс из пепла. И надо отдать должное, сила воли и трудолюбие много раз творили чудеса с этой белокурой бестией.

Слава обрушилась на нее неожиданно и она же сломала жизнь юной звезды, но, к счастью, ненадолго. Дрю не только сумела порвать со своими непутевыми родителями, но и стать одной из лучших актрис Голливуда, стать сценаристом, основать свою фирму по производству фильмов и продолжить

янно меняюсь и открываю себя заново. Ведь даже в разной одежде человек ведет себя по-разному. Не случайно Мадонна часто меняет свой имидж".

"Дрянная девчонка"

Все недостатки Дрю можно списать на дурную наследственность: ее отец — актер Джон Бэрримор, увлекшись наркотиками, оставил семью, когда она была еще маленькой. "В детстве, —

вспоминает Дрю, — я не понимала, что такое любовь, не верила в нее”.

Когда девочке исполнилось три года, отец сказал: “Я не могу быть отцом. Мне с этим не справиться”. Это откровенное признание оказалось для ребенка большим по-

трясением. Мама Дрю — неудавшаяся актриса венгерского происхождения Илдико Джед — с 9 лет брала дочь в бары, где та курила не только сигареты. Дрю превратилась в хроническую алкоголичку, а затем, лет в 10 — в наркоманку.

В 4-м классе она бросила школу и так и не закончила образования. Дрю возненавидела idiotские реплики учителей: "Не стой на проходе, не задавай слишком много вопросов, и вообще ты одета, как чучело". В 13 лет она попала в клинику. "Когда я в первый раз после марихуаны попробовала кокаин, — вспоминает актриса, — у меня очень заболела голова, а потом стало все равно, кто что обо мне думает". В клинику ее отправил Стивен Спилберг, а Илдико платила по 500 долларов в день. Вежливые медсестры делали все, чтобы пациентка не мучилась ломками. Ди, как ее называют близкие, уже не думала о блистательной карьере актрисы.

После больницы в течение девяти месяцев Дрю не притрагивалась к наркотикам и не появлялась на людях. Но потом случилось самое страшное: она взяла на кухне нож и изрезала себе руки. Если бы не близкая подруга Эдди, почувствовавшая неладное, Дрю могла погибнуть. Близость смерти подействовала на девушку отвращающе.

Кстати, в 16 лет ей пришлось сделать операцию по уменьшению груди. "При моем маленьком росте, — вспоминает она, — моя грудь не умещалась в бюстгальтер пятого размера. Парни пялились на нее и не давали мне проходу". Девушка стеснялась и даже сутулилась.

А мать Дрю постоянно устраивала вечеринки. На них весь Голливуд приветствовал свою Ди, готовую одолжить деньги на наркотики. И восхищался, когда она лихо запивала любимую текилу

пивом. Вообще Илдико нравилось пользоваться деньгами дочери и жить в свое удовольствие. Но вскоре Дрю поняла, что при такой жизни ее ждет бесславный конец, и в 16 лет она подала в суд на родителей. Девушка добилась полного контроля над своими денежными средствами и отстранения матери не только от воспитания, но и от роли менеджера.

От детских ролей до создания своей компании

Когда Дрю не было и года, благодаря усилиям своей мамы Дрю снималась в рекламных роликах. Родилась она 22 февраля 1975 года в Лос-Анджелесе. И уже в 5-летнем возрасте сыграла в телефильме "Буги". В 1982 Бэрримор снялась в роли сестры главного героя —

Герти в фильме "Инопланетянин" Стивена Спилберга. Через два года сыграла девочку в "Воспламеняющей взглядом" и считалась самым знаменитым голливудским ребенком. За роль в картине "Непримиримые противоречия" Дрю выдвинули на премию "Золотой глобус".

Спилберг после съемок "Инопланетянина" стал ее крестным отцом. Он ужасался ее странной жизни: эротическим фотографиям в 17 лет в "Плейбое", рекламной компании "GuessJeans". Дрю раздевалась догола в ночных клубах и позировала для порножурналов. "Я умру в 25 лет, — говорила она, — и поэтому хочу в отпущенное мне время совершить как можно больше эпатажных выходов". Спилберг требовал, чтобы она стирала помаду, когда приходила к нему в офис. Его вера помогла ей встать на ноги.

Переломным в ее творческой карьере стал фильм "Ядовитый плющ" (1992), в котором она сыграла роль девушки, совращающей отца своей лучшей подруги. В том же году Дрю получила премию "Золотой глобус" за роль в картине "Без ума от оружия". В телефильме "История Эмми Фишер" (1993) она сыграла роль одной из самых мерзких нимфеток. Теперь ей нужно было выходить из замкнутого круга — образа юной обольстительницы.

Это Бэрримор удалось благодаря созданию собственной кинокомпании "Флауэр Филмз" и игре в фильме Вуди Аллена "Все говорят, что я тебя люблю" (1995). Правда, сцены с пением ее героини пришлось дублировать, потому что Бэрримор, единственная из звездного состава фильма, не умела петь. Аллен сомневался при отборе Дрю, но на съемках восхитился ее игрой. С тех пор Бэрримор свободно играет разноплановые роли.

Романтическая натура

"Я — романтическая натура, — призналась Дрю в одном интервью, — хотя

пытаюсь сделать так, чтобы личная жизнь не мешала профессиональной". В 1992 году произошла ее помолвка с Джеймсом Уолтерсом. Они вытворяли все, что им вздумается: снялись обнаженными для обложки журнала "Интервью", сделали татуировки с именами друг друга, а год спустя благополучно расстались, потому что, по их словам, им стало скучно.

После этого Дрю, развлечения ради, снялась с обнаженной грудью в ночном телешоу кинопродюсера Дэвида Лэттермана, потом некоторое время встречалась с гитаристом Эриком Эрландсоном. После Эрика она познакомилась с Джереми Томасом, владевшим небольшим баром "Комната", расположенным на корабле у берегов Лос-Анджелеса. После пяти сумасшедших недель на корабле утром 20 марта 1994 года они поженились прямо в зале "Комнаты". 11 месяцев молодожены ловили кайф, развлекаясь в стриптиз клубах, а потом разошлись...

Продюсер, сценарист, кинозвезда

"Мне нравится быть независимой, — заявила Бэрримор, — и самой воплощать в жизнь свои проекты. Поэтому я не только играю в фильмах, но и продюсирую их. Этим, кстати, занимаются многие голливудские звезды". Так, в фильме "Донни Дарко" она не только сыграла роль учительницы Поумрой, но и выступила в качестве исполнительного продюсера.

К тому же Дрю пишет и сценарии к фильмам. В романтической комедии "Певец на свадьбе" она сыграла с Адамом Сэндлером. Они же написали и сценарий к фильму.

Во время съемок фильма "Жареная картошка по-домашнему" Бэрримор влюбилась в своего партнера Люка Уилсона. "Когда мы познакомились, — вспоминает она, — мое сердце так бешено билось, но на съемочной пло-

щадке мы не обнимаемся и не сидим друг у друга на коленях. Мы с Люком снялись вместе в двух фильмах". Впрочем, ее мечты о свадьбе не осуществились.

Самой добродетельной ролью в кинокарьере Бэрримор стала роль сироты Даниэллы в фильме "История вечной любви" (режиссер Энди Теннант, 1998). Это история Золушки. Теннант сказал: "Мы даже знаменитые хрустальные туфельки и костюмированный бал постарались сделать правдоподобными".

Дрю считает, что в кино она может сыграть Золушку, ведьму, роковую женщину, недотрогу. "Даниэлла, — говорит она, — спортивная, отзывчивая, смелая и хорошо начитанная девушка".

Примирение с родителями

С годами Дрю осознала, что благодаря матери она стала киноактрисой и научилась не бояться жизненных трудностей. "Правда, методы воспитания Илдико Джед были жестокими, но с их помощью, — заявила актриса, — я закалялась". Тем не менее, с матерью Дрю предпочитает держаться на расстоянии. "Мы слишком разные люди", — считает изменившаяся Бэрримор.

Отец Дрю — некогда знаменитый актер Джон Бэрримор после ухода из семьи жил как бомж, на улицах Лос-Анджелеса. Дочь обходила бродягу

и алкоголика стороной, делая вид, что его не знает. Но, когда да отец стал ле-

читься от алкоголизма и ему захотелось вернуться в кино, Дрю простила его и позволила жить в своем роскошном особняке. Прессе заявила, что не может позволить себе купаться в роскоши в то время, как ее отец нищенствует. "Как-никак он мой отец, он дал мне жизнь, — сказала красавица. — Но все равно мы живем, как соседи. Мне только важно знать, что он в безопасности. Я принимаю его таким, какой он есть и ничего от него не жду. Это единственный способ не быть снова в нем разочарованной".

Дедушка Дрю — актер немого кино Морис Костелло блистательно играл шекспировские роли. Из-за колоритной внешности его прозвали Великий Профиль. Отцу Дрю — Джону Бэрримору, в основном, доставались роли героев-любовников. В жизни Джон тоже отличался эмоциональностью: женился несколько раз, любил выпить с друзьями. От него Дрю унаследовала бунтарский нрав. Джон, конечно, раздражал дочь своим поведением. Когда он приходил домой пьяный, девочка закрывалась в своей комнате. В своей автобиографии она поведала, что на каждой сигарете отца она писала, что ненавидит его.

Секс-символ

К концу XX века Бэрримор получала за фильм по пять миллионов долларов и называлась в числе двадцати секс-символов. "Я все время меняю свою внешность, — заявила она, — это придает вкус жизни". Дрю не претендует на звание стильно одетой знаменитости и не хочет быть отмеченной за лучшую фигуру. Ее это совершенно не волнует. Поэтому не щеголяет на голливудских приемах в шикарном нарядах.

"Важно нравиться самой себе, — считает актриса, — чувствовать себя удобно в своем собственном теле. За

последние несколько лет я обрела такое ощущение”.

Внешность Бэрримор меняет, в основном, перекрашивая цвет своих волос. Она — натуральная блондинка. По будням Бэрримор редко пользуется косметикой, кроме помады, но на торжественных мероприятиях — типа премьер фильмов с ее участием — любит появляться “в полном блеске”. Ее любимая “примочка” — блеск для тела. Кроме этого, Дрю любит помаду алого цвета и лак для ногтей лилового и серебристо-серого оттенков. В свое время с прыщами ей помогал бороться Tea Tree Magic Touch Stick. Железки, продетые в специально проколотые в самых экзотических местах дырочки, Дрю боится применять, потому что уважает естественные отверстия в человеческом теле.

Зато у Бэрримор на теле шесть татуировок: на щиколотке изображен католический крест, большой палец правой ноги украшает голубая луна, чуть ниже талии виднеется бабочка, а на левом бедре — цветная маргаритка — любимый цветок Дрю. В свое время она сделала на спине татуировку с именем Уолтерса — “Джеми”, а чуть ниже — небесный житель с именем “Джед” — в честь своей мамы.

Творческий подъем

В первой половине 90-х годов актриса переживала период творческого подъема. Она сыграла в вестерне “Плохие девчонки”, психологической драме “Ядовитый плющ”, триллере “Негде спрятаться”.

Режиссеры любят снимать Бэрримор, потому что она, в отличие от многих звезд, никогда не опаздывает на съемки, подчиняется указаниям режиссеров и работает на износ. В 1995 году вышло сразу три фильма с ее участием “Парни по боку”, “Бэтмэн навсегда” и “Безумная любовь”.

Большим успехом пользовалась романтическая комедия “Певец на свадь-

бе”. В фильме “Крик” Дрю сыграла роль жертвы маньяка. “Все 16 дней съемок, — вспоминает она, я визжала. Это было большим испытанием для моих голосовых связок”. На вечеринке, посвященной премьере фильма “Певец на свадьбе”, Дрю поручили разрезать огромный торт. И бедняжке пришлось преодолеть страх перед ножами, который у актрисы появился после исполнения роли девушки, зарезанной ножом в “Крике”.

В “Жареной картошке по-домашнему” героиня Бэрримор — Салли, так же, как и она сама, не отталкивает своего никудашного отца. После этого она сыграла в фантастической картине “Гарри — снежный человек”.

Трюки, кроме самых трудных, Дрю любит выполнять сама. Так, в вестерне “Плохие девчонки” больше всего зрителям понравились сцены, где она лихо перепрыгивает со спины скакуна на крышу повозки.

В 2000 году Бэрримор вместе с Камерон Диаз и Люси Лиу снялась в фильме “Ангелы Чарли”. Это был огромный успех тройки исполнительниц. Дрю и продюсировала фильм. Так как актрисы принимали участие в благотворительной акции в пользу Фонда Чарльза, принц Чарльз пригласил их на обед. Главный редактор журнала “Vogue” собирался снять “Ангелов Чарли” для обложки, но Бэрримор отказалась наряжаться в кожу и меха, так как является защитницей животных.

Неудачное замужество

Еще подростком Дрю мечтала о ребенке. Ей казалось, что она справится с ним и без отца. Но, став звездой, Бэрримор на какое-то время оставила подобные мысли. Не утратив ангельской улыбки, она прошла через все круги ада. Дрю женщина, которая поклоняется своему возлюбленному так истово, словно он — восходящее солнце. Когда она влюбляется, то с трудом пе-

реносит разлуку с любимым даже на сутки. Тогда по ночам она рыдает в подушку.

Расставшись с Люком Уилсоном, Бэрримор в марте 1999 года влюбилась в 30-летнего актера Джереми Дэйвиса. Он сыграл роль капрала в картине Стивена Спилберга "Спасение рядового Райана". Джереми — юноша с всклоченными волосами, в грязных кроссовках и давно не стиранной футболке. Он заваливал свою Золушку букетами желтых тюльпанов и розовых лилий, водил ее на дискотеки и в ночные клубы, заезжая за ней на своем полинявшем "форде". "Джереми удалось вывести меня из депрессивного состояния и подарить мне надежду", — заявила Бэрримор. Но дальше надежды дело не пошло...

Летом 2000 года Дрю обручилась с 29-летним режиссером и ведущим MTV Томом Грином и с тех пор пресса стала гадать о дате свадьбы. Впервые мужчина, который был рядом, не вызывал у Бэрримор раздражения. "Раньше я влюблялась на пару месяцев, а потом очень переживала, что чувства так быстро прошли и человек перестал мне нравиться", — заявила она. — С Томом все по-другому".

Ради Грина Бэрримор сделалась примерной невестой. Она везде появлялась вместе с ним, помирилась с мамой после семилетней размолвки и даже начала есть мясо, чтобы не расстраивать родителей Тома, пригласивших их на Рождество и наготовивших много мясных блюд. Для вегетарианки Дрю это оказалось настоящим испытанием. Она сказала матери Тома, что ей очень понравилась приготовленная ею курица.

Но самые тяжкие испытания ожидали влюбленную пару после того, как у Грина обнаружили рак. Страшный диагноз изменил Тома. Веселый, жизнерадостный парень превратился в унылого посетителя врачебных кабинетов. Он забросил работу, поссорился с друзья-

ми и стал избегать Дрю. Гордый Том не хотел стать обузой для окружающих.

Бэрримор приложила невероятные усилия, чтобы вытащить его из этого состояния. В свое время она сама была в подобной ситуации. Дрю настояла на операции и убедила Тома, что он нужен ей в любом состоянии. Она объяснила всем его друзьям, что ему очень нужна их поддержка. Операция прошла успешно, и вместе с Дрю Тома встречали друзья и родственники. А через полгода он забыл о болезни.

Бэрримор в любой ситуации не может обойтись без приколов и розыгрышей. Почти год она намекала журналистам о готовившейся свадьбе. Таблоиды помещали огромные статьи с вымышленными подробностями, а потом Дрю с невинным видом заявляла, что она с Томом только помолвлена.

Последним ее розыгрышем было появление влюбленной пары на знаменитом шоу "Суббота, в прямом эфире". В студии появилась счастливая Бэрримор в роскошном свадебном платье и заявила, что они решили обвенчаться на глазах у зрителей. Потом вышел Том в смокинге и поцеловал невесту. Ведущий спрашивал об обручальных кольцах, а звукорежиссер судорожно пытался найти запись свадебного марша. И вдруг Дрю передумала и заявила, что "это слишком даже для нее".

Но по требованиям друзей и родственников свадьбу все равно пришлось устраивать. Она состоялась 7 июля 2001 года в Малибу. Из Оттавы прилетели родители Грина. Дрю же не общалась с матерью из-за того, что та пыталась через Интернет продать детское белье дочери. Тем не менее, Бэрримор решила простить ее в связи с таким событием. На церемонии присутствовали партнерши Дрю по фильму "Ангелы Чарли" Кэмерон Диаз и Люси Лиу.

Супруги поселились в небольшом особняке в Беверли Хиллз, а в феврале дом загорелся и, если бы любимец Бэрримор пес Флосси не разбудил ново-

брачных, неизвестно чем бы все кончилось. Они потеряли почти все имущество и переехали в особняк на соседней улице.

В октябре 2002 года Грин подал на развод. "Дрю — чудесная женщина, — заявил он на суде. — Я ее очень люблю. Хотелось бы, чтобы наш брак оказался более счастливым... Желаю ей большей удачи с другими мужчинами".

Том не выдержал звездности супруги. Она была окружена славой и зарабатывала во много раз больше его. А ведь в свое время он получил известность благодаря ей. В "Ангелах Чарли-2" Грину дали небольшую роль туповатого обожателя героини Бэрримор. Такова судьба звезд Голливуда. Они вынуждены крутить романы со своими партнерами по съемкам, а, если выйдут за них замуж, то обычно брак продолжается до съемок в следующем фильме. Джулия Робертс, получающая 20 миллионов долларов за фильм, постоянно меняет своих возлюбленных, которые не могут перенести ее славы, и — уходят.

Дрю надеялась, что Том передумает разводиться с ней, и в день, когда он подал заявление, она впервые за долгое время напилась в баре. Единственным утешением для нее стал успех фильма "Ангелы Чарли-2": за три недели проката он собрал 40 миллионов долларов. Чтобы как-то отвлечь Бэрримор от мрачных мыслей, приятели подыскали для нее шикарный особняк с пятью спальнями, джакузи, бассейном и двориком, по которому мог носиться ее любимец — пес Флосси.

Легко ли быть звездой?

У кинозвезды, по мнению Дрю, есть свои преимущества — богатая обеспеченная жизнь; но и свои неудобства — преследования поклонников и папарацци, фотосъемки в публичных местах, сплетни в прессе. Она любит свою профессию за то, что на

экране можно изобразить все пороки и тогда не нужно повторять их в жизни. Хотя у нее все происходило наоборот.

В фильме "Ангелы Чарли" (2000) Бэрримор не только сыграла одного из "ангелов", но и проявила свой характер, как продюсер. Она отказала мужу Мадонны Гаю Ричи и доверила режиссуру дебютанту Джозефу Макгинти Николу, который очаровал ее своим остроумием и энергичностью. В титрах он появился под псевдонимом Макджи. Вместо Сальмы Хайек Дрю пригласила на роль Натали Кук Кэмерон Диаз и отвергла кандидатуру Анджелины Джоли, мечтавшей о роли Алекс Манди, отобрав актрису китайского происхождения Люси Лиу. Режиссер черпал вдохновение в бондиане и фильмах об Остине Пауэрсе и заставлял актрис до седьмого пота тренироваться в спортзале.

В прошлом году Бэрримор снялась в комедии Денни де Вито "Дюплекс" и в режиссерском дебюте Джорджа Клуни "Признания опасного человека". В "Дюплексе" она с Беном Стиллером составила очередную комическую пару американского кино. С другим комиком — Адамом Сэндлером Дрю блестяще сыграла в картине "Певец на свадьбе". В этом году она снова встретилась с ним на съемочной площадке в романтической комедии "50 первых поцелуев". Забавность ситуации состоит в том, что очаровательная Люси Уитмор в исполнении Бэрримор после автокатастрофы страдает провалами в памяти. Из-за этого влюбившемуся в нее ветеринару Генри Роту (Адам Сэндлер) приходится каждый день заново завоевывать сердце возлюбленной.

Сейчас Дрю встречается с барабанщиком из группы "The Strokes" Фабрицио Моретти, хочет написать книгу и стать режиссером...

И все у нее получится. У несравненной Дрю Бэрримор... ■

МОЛОДОЙ БОУЛЬВАР

139-187 стр.

Проект
осуществляется
при поддержке
Министерства
Российской
Федерации
по делам печати,
телерадиовещания
и средств
массовых
коммуникаций

ЧУДО. да и

Марина ФЕТИСОВА

фото: Владимир Чекишев

только!

Говорят, чудес не бывает...

А когда рожденный ходить по земле человек легко и непринужденно перелетает с трапеции на трапецию на высоте больше десяти метров, разве это не чудо? И как, если не при помощи волшебства, имея две руки, заставить целый рой резиновых шариков чертить в воздухе замысловатые узоры? Или когда медведи разъезжают на велосипедах, а львы скачут верхом на лошадях?

Чудеса, да и только!

Да, приходя в цирк, все мы ожидаем чудес. И глядя на всегда уверенных, лучезарно улыбающихся артистов очень легко поверить, что все происходит само собой, по мановению волшебной палочки. Никто и никогда не расскажет, каких усилий требует исполнение того или иного трюка, и сколько времени и терпения понадобилось для его подготовки. Кто-то сравнил цирк с конфетой: фантик, мол, — для зрителя, а начинка — для артистов. Но в конфете-то начинка самое главное. Цирк это вроде хлопушки: не знаешь, что внутри, будет неожиданно, интересно, красиво, а расковыряя хлопушку — посыпятся яркие, но бесполезные бумажки, и сюрприза не получится. Поэтому никогда не спрашивайте иллюзиониста, как он делает свои трюки! Пусть обман, но какой красивый обман...

Цирк — искусство древнее, и во все времена очень популярное. Его истоки восходят ко времени более чем тысячелетней давности, и ведет свое начало от представлений на ярмарочных площадях средневековых городов и школ верховой езды. Там, где собирался народ, появлялись артисты, умевшие делать удивительные трюки. От выступлений в кругу зрителей современный цирк унаследовал круглую арену.

Русский цирк берет свое начало в Киевской Руси. Еще скоморохи на народных гуляниях и ярмарках исполняли комические сцены, показывали дрессированных медве-

дей и собак, использовали приемы акробатики и жонглирования.

В 1866 году Альберт Саламонский приступил к строительству каменного циркового здания на Цветном бульваре. Место было выбрано не случайно. В Москве балетные труппы работали именно здесь.

Цирк — особый мир, живущий по своим собственным законам. Для цирковых артистов это больше чем место работы, это вся жизнь. По многолетней традиции во всем мире цирковое искусство передается от поколения к поколению, от отца к сыну. Но если ремесло переходит только к родственникам, как быть тем талантливым ребятам, у кого родители не артисты?

А никак. Фактически, профессионального циркового образования просто не существует. Нигде, кроме России.

В 1927 году в Москве было открыто Государственное училище циркового и эстрадного искусства им. М. Н. Румянцева (Карандаша). Это уникальное, единственное в России и в мире, высшее цирковое учебное заведение. Цирковые школы разбросаны по всему свету, а вот самостоятельный дневной вуз, дающий всестороннее высшее образование, только один.

По мнению директора училища Валентины Савиной, престиж цирковой профессии сегодня несколько упал. И уж подавно нет никакого сравнения с советским временем, когда в училище поступали из всех советских республик и конкурс доходил до ста человек на место. Нынче — 7—9.

— Раньше быть артистом цирка считалось очень престижным, — говорит Валентина Савина, — а теперь, когда зарплата 5 копеек, сами понимаете... Разумеется, есть дети цирковых артистов, которые не видят себя вне манежа. Поступают и ребята из самых дальних уголков России.

Чему же учат будущих цирковых артистов? Литературе, иностранным языкам, философии, основам права, физике, биологии, ну и, конечно, в первую очередь, собственно цирковому искусству. Оно состоит из пяти жанров: акробатика, гимнастика, эквилибристика, жонглирование, клоунада. (Есть еще дрессура, но искусство

дрессуры передается только от отца к сыну — у училища нет возможности содержать животных.) При этом каждый студент обязан освоить все пять жанров и, попробовав все, выбрать себе что-то по душе. И никто не может сказать, кого больше выпустит училище в том или ином году: акробатов или клоунов. "Артисты, — улыбается директор циркового училища — товарищущий".

Конечно, при поступлении каждого абитуриента спрашивают, чем конкретно он хотел бы заниматься, но как много еще изменится до тех пор, пока неопределенные пожелания увенчаются блестящим выпускным номером. Студент иногда открывает для себя новую интересную область циркового искусства и случается, что, поступив с желанием стать акробатом, выходит клоуном или жонглером.

Директор циркового училища считает клоунаду, как ни странно, самым сложным жанром циркового искусства. Но при этом самым любимым, вернее, интересным. "Вы знаете, — объясняет она, — вообще-то, у меня нет любимых жанров. Я знаю, что сложно, а что просто. Но все зависит от исполнения, от актерского мастерства, главное — как номер преподнести".

Почему же клоунада — один из самых сложных жанров? Великий клоун Леонид Енгибаров сказал: "Клоун — это не профессия, а состояние души". Наверное, поэтому...

Все свои репризы великие клоуны Ю. Никулин и О. Попов проверяли на детях. Дети — самые откровенные зрители — не смеются "по политическим соображениям". Но тому славному поколению клоунов все-таки было проще — отсутствовала конкуренция со стороны сатиры, притом телевизионной, а значит, доступной много большему числу людей. У знаменитого клоуна Карандаша, имя которого носит эстрадно-цирковое училище, в послевоенные голодные годы был такой номер: на сцену ставился мешок с картошкой. Клоун выходил и садился на него — и больше ничего — просто сидел. А потом сообщал: "Что ж поделаешь? Все мы на картошке си-

дим..." Реприза имела потрясающий успех благодаря своей отчаянной смелости — многие в те суровые годы осмелились бы сделать такое!

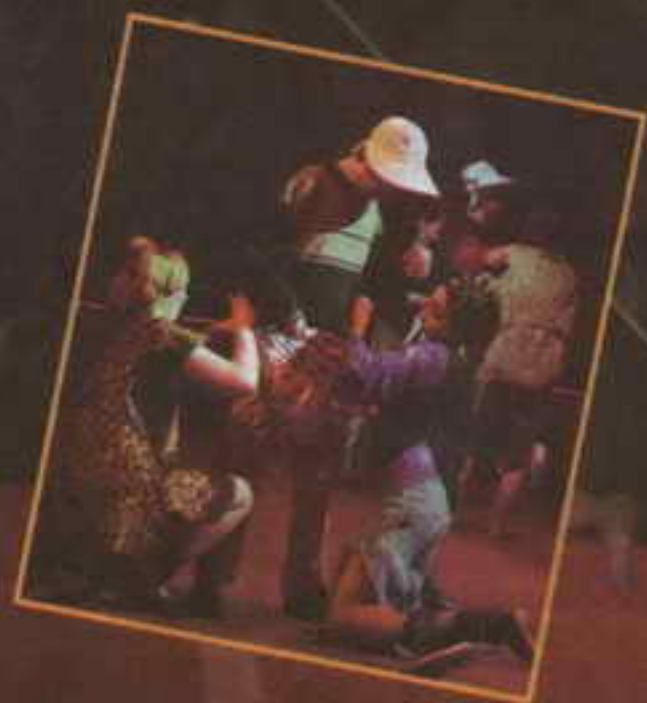
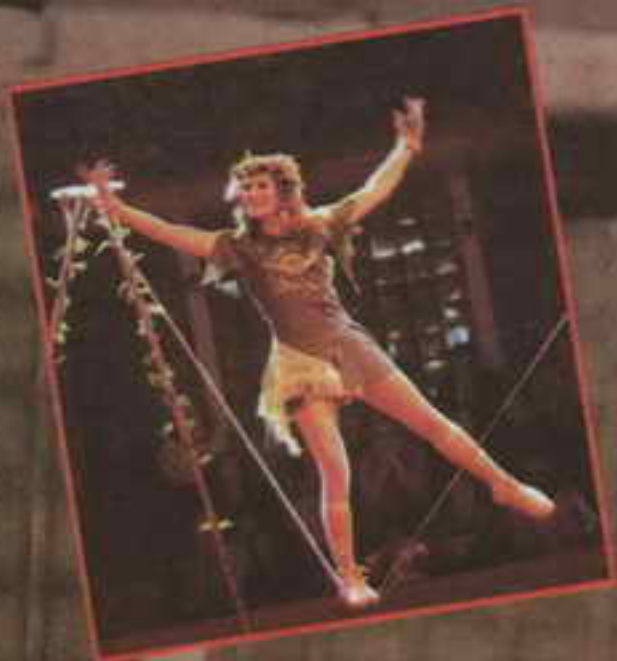
В эстрадно-цирковом училище преподают классическую клоунаду, а ведь существуют десятки различных ее жанров. (В России есть даже специализированный театр клоунады — Терезы Дуровой.)

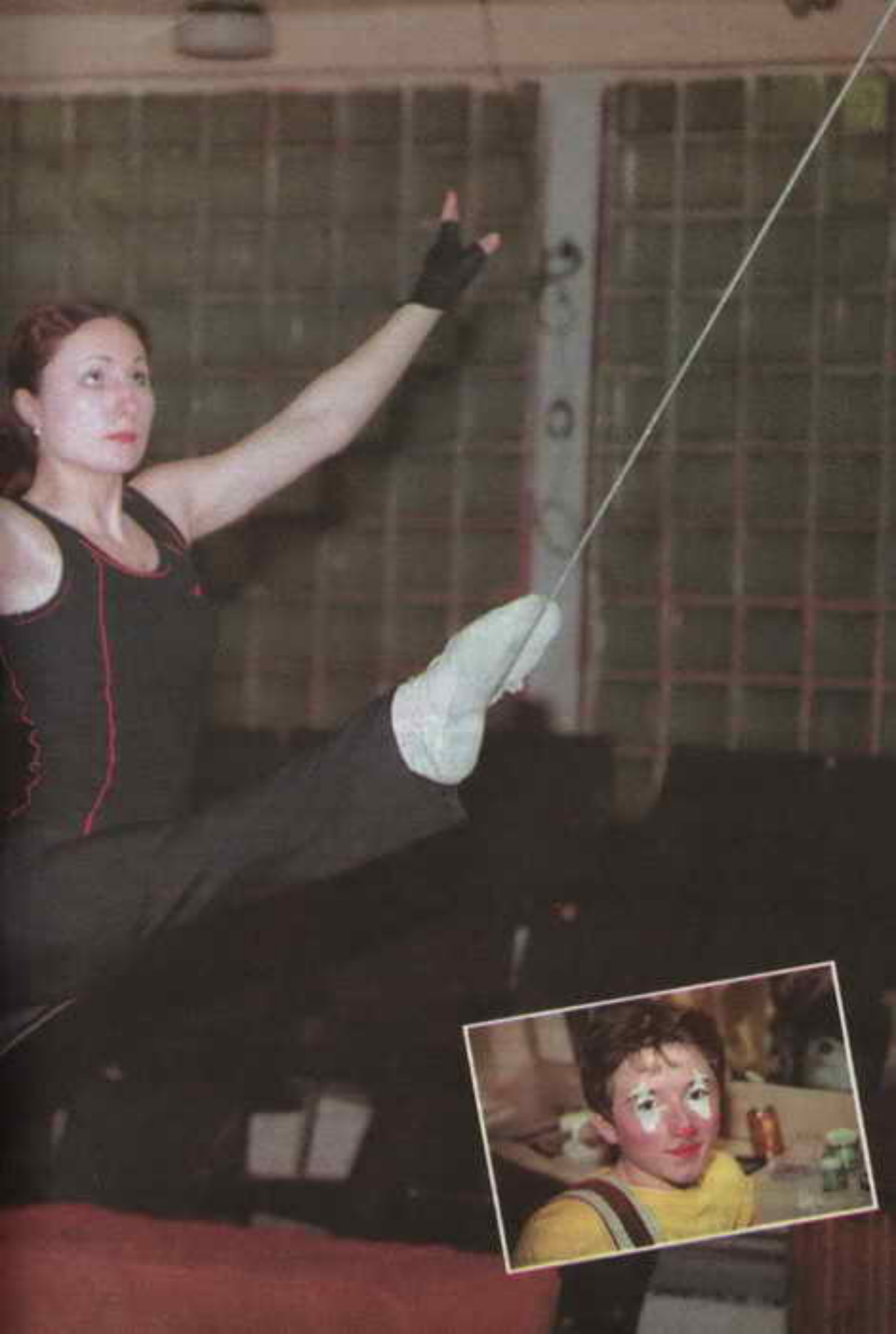
Поступить в цирковое училище не просто. Случайные люди сюда не приходят. У всех поступающих обязательно должна быть определенная подготовка. Вступительные испытания начинаются с творческого конкурса, который проходит в три этапа. На первом — оцениваются внешние сценические данные. Да еще абитуриент должен продемонстрировать определенные умения в акробатике.

Второму этапу предшествует важное испытание — медкомиссия. Помимо стандартной справки для поступления в вузы (№086-у), поступающих сюда обследуют специалисты. Очень часто ребята скрывают физические недостатки. Однако даже плохое зрение является причиной отказа — отбор весьма строгий. Цирк — дело опасное. Собственно на втором этапе абитуриентам предлагается показать свои особые умения — те, что ему нравятся и чем, предположительно, хотел бы заниматься.

И, наконец, на третьем этапе поступающим предлагается тема для импровизации под музыку. Комиссии важно оценить, как человек чувствует сцену, двигается под музыку. Конечно, многие неуверенны, даже боятся сцены — это ничего, во-первых, вуз он для того и создан, чтобы учить, а во-вторых, многое приходит только с опытом. Но, говорит директор, профессиональные артисты-преподаватели уже после нескольких минут наблюдения за юным артистом почти наверняка скажут, добьется он успеха или не стоит даже пробовать.

Только после творческого конкурса поступающие допускаются до экзаменов по общеобразовательным предметам — русскому языку и литературе. Если человек поступает после 9 класса, он пишет изложение, после 11 — сочинение.

Ну и, наконец, по набранным баллам определяют кандидаты на поступление — им еще предстоит выдержать конкурс результатов, который, как правило, составляет 7 — 12 человек на место.

Часто говорят, что человеку со стороны в цирк не попасть. Это миф. Было бы желание. Иногда "династийные" дети хуже подготовлены, чем другие. Им отдается предпочтение только потому, что, взяв представителя династии, преподаватели могут быть уверены, что он не посмеет посрамить свой род и не бросит цирк после обучения, так как вся его жизнь связана с цирком. Но на практике, единственное, что оценивается на экзаменационных просмотрах — потенциал артиста.

Учатся в цирковом училище четыре года. На первом курсе студенты проходят все основные цирковые жанры. Поэтому распределение происходит только на 2 курсе. Классы формируются на основании желания ребят — это же искусство — тут нет места принуждению. На третьем курсе на основании имеющихся умений и при помощи преподавателей, ребята начинают формировать номер, с которым они выйдут на манеж на выпускном представлении по окончании учебы.

Наверное, спрашивать ребят, сложно ли учиться, не имеет смысла. Конечно, сложно. Говорят, особенно тяжело на первых двух курсах. Мало того, что приходится осваивать сложнейшие и незнакомые цирковые жанры, так еще и общеобразовательные предметы надо учить. Труднее всего совмещать. Представьте себе, каково писать контрольную по математике, если перед этим два с половиной часа провел на манеже в напряженной тренировке. Даже переодеться времени нет, и в классе появляешься в сценических костюмах, а за это и "получить" можно от преподавателя.

Каков распорядок дня? Работа с утра до ночи. "В "нормальных" вузах, — улыбается директор, — положено учиться 36 академических часов — здесь не менее 42. Оба манежа, имеющиеся в распоряжении училища, постоянно заняты".

Безусловно, цирковое училище — вуз НЕ нормальный. И студенты там особенные. Ну какой нормальный студент прогуливает занятия? А тут все просто, ребята пожимают плечами: "Третий курс гуляешь, на четвертом не учишься".

А вот финансовые проблемы у студентов циркового училища точно такие же, как у всех "нормальных" студентов. Стипендия, как известно, — злая насмешка над молодостью, а деньги нужны всем. Вот ребята и подрабатывают на "ёлках" в Новый год, в ночных клубах. Это если по специальности. А иногда и официантами. И то и другое очень тяжело — вся работа ночная! Утром поспать пару часиков, и вперед на занятия — кувыряться "под куполом".

Конечно, выпускников этого уникального учебного заведения расхватывают, словно горячие пирожки. На выпускное представление приходят представители различных трупп и выбирают понравившийся им номер. Часто артисты-выпускники уезжают за границу.

О популярности российского преподавания циркового искусства в мире говорит уже то, что сейчас в Москве учатся 20 иностранных студентов, а список кандидатов на поступление заполнен на пять лет вперед. К нам едут учиться дети из Дании, Франции, Канады, Мексики и многих других стран.

Ни один цирк мира не может создать полноценную программу без участия артистов России. В самом известном в мире американском цирке "Ринглинг", где собраны артисты со всего света, половину труппы составляют русские, работающие по контракту. Знаменитый канадский цирк "Дю Солей" тоже состоит на 50, а то и 70 процентов из наших.

Судя по результатам международных цирковых фестивалей, у китайцев традиционно сильны велофигуристы, эквилибры на скамейках, акробаты с обручами. Сильны в дрессуре хищников швейцарцы. Очень высокие достижения в конном жанре у англичан и французов. Русские же циркачи сильны во всех жанрах!

Сильны-то они сильны, были бы только деньги...

Гордость эстрадно-циркового училища — преподаватели. Это, как правило, его же выпускники — артисты, отработавшие стаж. Да, не удивляйтесь, как и у спортсменов, у артистов большинства жанров есть ограничения по возрасту. Акробаты и гимнасты редко выступают больше 15 лет. Преподаватели училища — настоящие мастера, энтузиасты, работающие на благо любимого цирка... за копейки. Они дарят молодым ребятам свой бесценный опыт и те восхищаются ими: "Вроде немолодые уже, лет 60, с травмами, а выйдет на манеж и сделает такое, что нам молодым и не снилось". "Мастерство, — смеются сами преподаватели, — не пропьешь!"

Мне выпала особая честь — побывать на "кухне", где готовится настоящее цирковое представление — на репетиции выпускного спектакля. Главный человек на ма-

неже — режиссер Николай Александрович Кисс — потомок славной цирковой династии.

— Сережа! — раздается его недовольный голос. — Пошел — значит, быстро пошел!!! Дыра 8 секунд!

Выпускной спектакль, а это именно спектакль, так как все номера являются частью одной центральной темы, посвящен Толкиену: хоббиты, эльфы и волшебники — вот кого мы увидели на манеже. Жонглеры, гимнастки на ткани, воздушные акробаты, клоунская группа, и в завершение блестящий номер партерных акробатов. Легкие, как бабочки, девушки-акробатки в ярких трико порхают над манежем, совершая в полете невообразимые сальто. Может быть, совсем скоро выпускницы эстрадно-циркового училища будут порхать уже над манежем Цирка на Цветном бульваре. Что ж, удачи им...

ПОДАЙТЕ, ЛЮДИ Д

Максим БАШКЕЕВ

■ Город — амстителище чайний молодых и угасших надежд повидавших жизнь. Он может дать тебе всё, деньги, положение, славу... а может съесть, проглотить, подчинить своей воле и выбросить на обочину, оставив без сил и средств к существованию. Испокон веков в города стремились и из городов бежали, но всегда были и те, кто не мог существовать без города — нищие, калеки и прочие побирушки. Ещё в Киевской Руси существовала целая каста юродивых, странничков и просто божьих людей, которые никогда не работали и существовали исключительно на подаяние. Они занимали целые слободы, и никого это не удивляло. Так почему же мы до сих пор не можем разобраться в своих чувствах к обитателям вокзалов, чердаков и подвалов? Почему, едва завидев грязное существо в жалких обносках, одни прячутся с головой в газету, другие смеются, а третьи спешно тянутся за кошельком, даже не вникнув в суть просьбы? Да и кто они такие, откуда, и почему мы должны им помогать? Попробуем разобраться в этом вместе.

Взгляд официальный

Согласно статистике, в Москве насчитывается 30000 лиц без определённого места жительства. Из них: 12 процентов — бывшие москвичи, 4 — бывшие жители области, 46 — приезжие из других регионов России и 38 процентов — приезжие из республик СНГ. То есть получается, что на каждые 360 жителей — один неблагополучный элемент. Но существуют и альтернативные данные, согласно которым в Москве насчитывается 150000 бомжей, попрошаек и прочих искателей всевозможных благ за чужой счёт, что даёт уже совсем другое соотношение: один человек на 73 жителя.

Налицо серьезнейшая проблема, которую нельзя оставлять без внимания. Спра-

ведливости ради скажу, что в Москве многое в этом направлении улучшается. Так, именно для бомжей создают всё новые и новые ночлежки, но чтобы попасть туда, надо предъявить паспорт со столичной или областной пропиской. Действуют несколько лечебниц. С 1994 года на территории Городской дезинфекционной базы № 1 действует амбулаторный пункт для бездомных, открытый международной организацией "Врачи без границ". В год через это медучреждение проходит до 20000 пациентов. Но с другой стороны, местную управу завалило письмами жителей с жалобами на наплыв неблагополучных лиц, часть которых оседает в подъездах и подвалах их домов...

И ещё вопрос, нужна ли самим бомжам наша забота? Ведь как показывают ежедневные наблюдения и репортажи по телевидению, живя на городских свалках, они чувствуют себя вполне вольготно, не испытывая недостатка ни в еде, ни в питье. Единственное, что их действительно напрягает, так это отсутствие чистой воды и патологическая нехватка хлеба, да и войны за стеклотару разгораются всё более ожесточённые. А часто ли мы видим бомжа с протянутой рукой? Нет, обычно он роется в мусоре, собирает бутылки, в общем, как может, зарабатывает себе на жизнь.

Но, кроме устройства лечебниц и ночлежек, у власти есть другой способ общения с бомжами — силовой, который носит куда более динамичный характер, да и осуждения общества не вызывает. Одно из последних нововведений — "Легучие бригады", создаваемые из сотрудников метрополитена и УВД. В задачу бригад входит борьба с несанкционированной торговлей, нищими и попрошайками, должны они также следить, чтобы вагоны и станции метро не превращались в гостиницы для бомжей. Есть даже предложение вообще не пускать

брые

и в метро, даже если они платят за вход. Ей-богу, это правильно. Действительно, пора что-то делать, а то ведь по кольцевой уже ездить невозможно. Здесь блевотина, там спит уставшее тело, ароматизируя окружающую среду, в итоге полвагона пустует. Другое дело, как эта благая затея будет работать, и не закончится ли всё банальным гонением бабушек-торговок.

В конце концов, можно воспользоваться средством, широко применяемым в провинции. Там разрешено просить милостыню только у церковных папертей. Если человека застигают за сбором подаяния в каком-либо другом месте — всё, сразу в околоток. По наблюдениям — мера вполне действенная.

Vox populi

А каково отношение к бомжам и попрошайкам у обычных людей, у тех, чья рука "да не оскудеет"?

— С наступлением лета все они активизируются так, что реально мешают спокойно жить. Летом я стараюсь обходить стороной рынок — обязательно пристанут "беженки с детьми". И ведь не просто просят — нагло требуют, за руки, за одежду хватают! — жалуется знакомый, в

силу различных обстоятельств вынужденный работать курьером.

— Я не желаю видеть этих людей. Они мне противны. Я работаю, плачу налоги, причём не маленькие. У нашего государства полным полно разных социальных программ. Так почему я должна им давать что-то сверх этого? Почему моих детей трогают в метро какие-то немые не то таджички, не то цыганки? Да кто вообще знает, чем они болеют? — возмущается моя подруга, которой в 21 год посчастливилось выйти замуж и обзавестись ребёнком.

— В идеальном случае, я готов раз в месяц переводить немного денег (ну пусть будет 100 рублей) на спецсчет, для помощи немущим, но я категорически не хочу их видеть. Они меня просто бесят. Да, жалко бабушек, забытых государством, но это не моя проблема. Я бабушкам ничего не должен, я у них ничего не брал. И я не хочу, заходя в магазин, видеть протянутые руки. Пусть о них заботятся спецорганизации и фонды, — рассуждает студент одного из экономических вузов.

Реакция

Даже из этих трех высказываний двух молодых людей и одной юной мамы видно, что отношение к попрошайкам резко негативное. И то, что они начали, откровенно говоря, наглеть, — чистая правда. И кто гарантирует, что личность, бредущая по вагону с протянутой рукой, не носитель ВИЧ, не больна туберкулёзом, педикулёзом, экземой, чесоткой? Да на кой ляд сдался этот лототрон, повезёт — не повезёт? Зачем мегаполисам замедленные биологические бомбы?

Сейчас они уже не утруждают себя устными объяснениями происходящего, просто выставляют табличку, мол, слепой я, глухонемой, безруко-безногий калека, подавайте мне, красивому. Шайки таджикско-цыганок с детьми наперевес, с кульками за спиной, ежедневно атакуют наше метро. Сначала пускают "торпеду" — ребёнка, который, продираясь сквозь давку, теребит всех направо и налево, за ним уж следует

кто-то из старших со скорбной миной. Они уже стали профессиональными житейскими психологами, умело давят на психику. Дескать, вот у вас всё хорошо, а у нас горе, а вы не верите, а у нас несчастье стряслось... И как им хватает наглости обращаться к нашим пенсионерам, которые, пожалуй, беднее их самих? Знают ведь, к кому подходить, кто вряд ли откажет.

А что же люди? Неужто не знают, что за каждым побирушкой, пацанёнком-цыганёнком, стоит могущественный цыганский клан, что все собранные деньги пойдут отнюдь не на его питание, а на строительство роскошных особняков, на подкуп должностных лиц, на покупку наркотиков, которые потом они будут продавать нашим же детям... Или никто не знает, что за каждым калек в коляске стоит своя мафия? Или не догадываются, что старушек у метро тоже крышуют? А постойте, понаблюдайте полтора-два часика и увидите, как бабушек привозят и увозят как по расписанию, что по вечерам калек встречают крепкие ребята и потом в уголке пересчитывают монеты. А вечная "жалостливая" бабка в переходе на "Парке культуры" после "смены" идет в ближайший сбербанк и покупает валюту. Одна наша сотрудница чуть не погорела на такой вот старушке. Стояла бабушка в магазине, не хватало ей мелочи на колбаску, и так хотелось подойти и расплатиться за бабулю... но тут бабуля вытащила увесистую пачку сторублёвок и расплатилась сама... Разве об этом никто никогда не говорил, никто этого не видел?

Говорили и видели. Но продолжают подавать. Почему? Да потому, что хотят в своих глазах подняться, хотят сами себе казаться лучше. Разве вы никогда не испытывали необъяснимого облегчения, почти радости, когда расставались со своими деньгами в пользу "голодающих Поволжья"? Но давайте посмотрим на проблему с другой стороны, если мы разумом понимаем, что подавать не стоит, а сердце просит и требует, чтобы акт милосердия свершился, надо искать компромисс. Поэтому находим ближайшего уличного музыканта, бродячего фокусника, иллюзиониста или ещё кого-нибудь, смот-

рим на его творчество и только после платим. Именно платим, а не подаём, потому как эти люди работают. И мозгу хорошо, и сердцу спокойно.

Чего новенького?

Эволюция не обошла стороной всех этих сирых и убогих. Лишь только они почуяли, что слепцы, калеки, нищие со шляпой и истории про то, как 38 семей бежали из Чечни и им некуда теперь деться перестали приносить должный доход, как сразу же начинается мозговой штурм. Надо придумывать что-то новое.

И вот одна из последних разработок. В людном месте, неподалёку от остановки общественного транспорта к вам подлетает запыхавшаяся симпатичная девушка. Показывает "только что" порезанную ворами сумочку и слёзно просит дать 10 рублей на проезд, а то все деньги в кошельке остались... И дают, хорошо дают, и частенько гораздо больше требуемого червонца, ведь и сумочка порезанная налицо, и девушка симпатичная здесь, ну как не помочь? Сам помогал, в метро дело было, только дёрнул меня чёрт метров через 50 обернуться, и увидел я, как безденежная красавица уже обрабатывала другого прохожего.

Но это хотя бы свежо и забавно. А вот крышеватели московских попрошаек под прикрытием различных фондов и организаций открывают "академии попрошаек", назовём их так. Туда собирают "студентов" со всего дна, и учат их, где стоять, как и что говорить, как одеваться и вообще как себя вести. Причём занимаются этим профессиональные психологи, филологи и стилисты.

В Европе и Америке появились интернет-нищие. Они публикуют на своих страничках слёзную историю и просят помочь, кто чем может. Обычно людям срочно надо: расплатиться с долгами, сделать себе операцию по увеличению груди, развестись со сволочью мужем, вылечить больную маму, купить дом, записать альбом, снять фильм (расположено по степени популярности). Как правило, истории подлин-

ные и действующие лица реальные, что и подкупает многочисленных пользователей. Пожертвования принимаются по системе, аналогичной web-money. В неделю такой сайт может приносить владельцу до 10000 у.е.

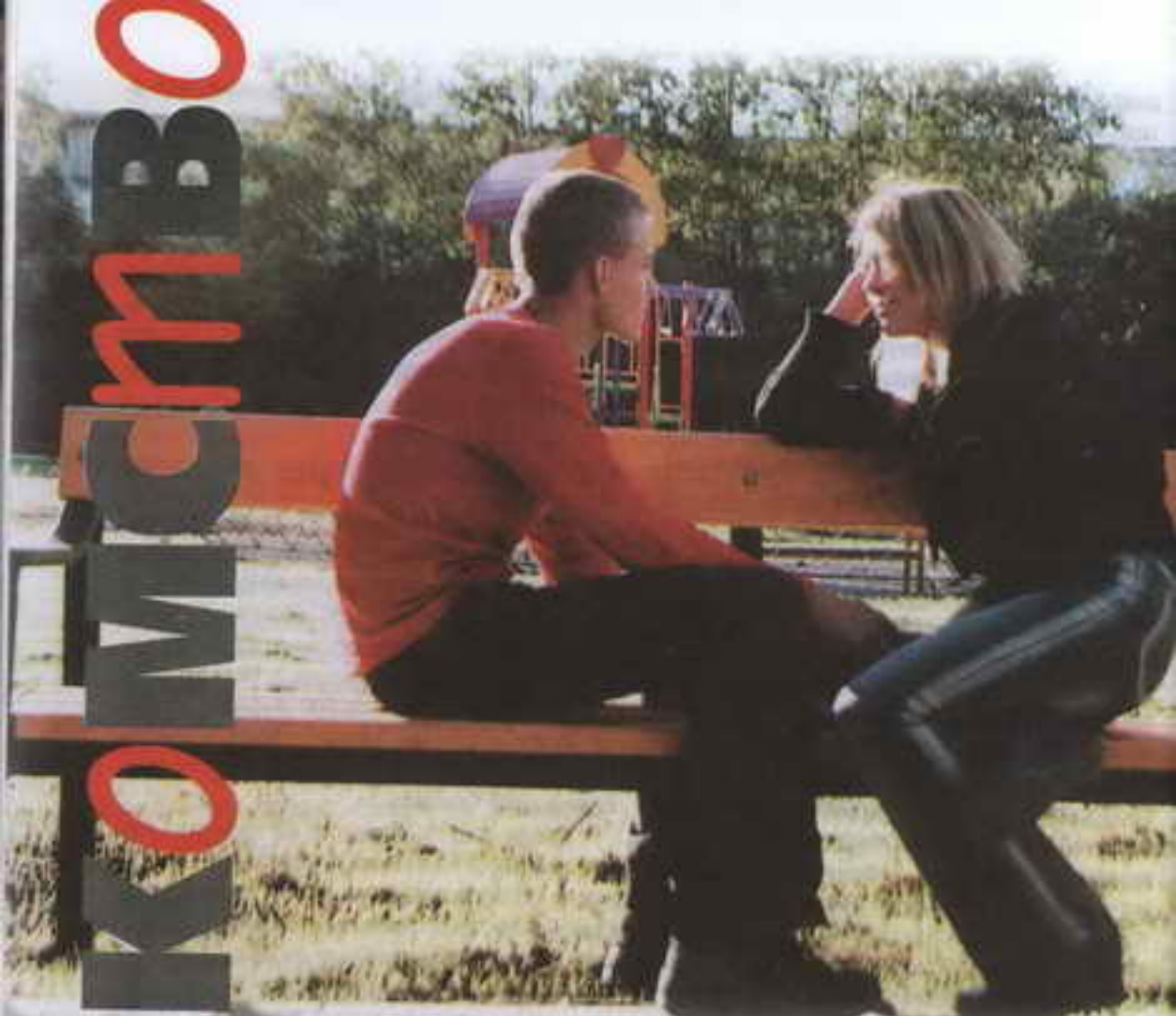
Но это всё детский лепет по сравнению с дамой, которая работает в Конаково. Она просит подаяние на 100 языках мира! Вот уж точно, Россия — страна с самым образованным народом...

Скорбные цифры

А теперь к менее забавным вещам. Существуют данные, согласно которым в день московское нищенство суммарно приносит своим хозяевам около 90 миллионов рублей, что в год составляет миллиард долларов США. А каждый нищий в отдельности зарабатывает в день от 500 рублей до 100 у.е. И кто среди нас может похвастаться такой зарплатой? Кому мы подаём? Людям, богаче нас? Смешно.

Среди нищих, стоящих на паперти, нет тех, кого действительно подтолкнула нужда, и для кого такой шаг крайний и одноразовый. Готов гарантировать это на 99 процентов. Разве вы сами пойдёте на улицу с протянутой рукой? Нет, проще зайти к соседям, знакомым, наконец к родственникам обратиться. И почему все "страстотерпцы" лихорадочно покидают своё место "работы", если кто-нибудь предлагает им поработать в той или иной форме? Им этого не нужно, зачем, когда и так всё хорошо?

Так что, раз уж власти не могут решить эту проблему, а вы всё же не хотите, чтобы нищенствующие элементы требовали у вас денег в любом людном месте, посылайте их сразу на работу, в нашем городе, кстати, катастрофически не хватает дворников. А если так и подбивает кому-нибудь подать, то десять раз подумайте, кому вы отдаёте свои кровные, и что на них будет потом сделано. Лично я быстрее помогу рублём алкашу перед магазином или панку на Пушкинской площади — по крайней мере, я буду точно знать, на что они собранные деньги употребят.

Э
Н
А
К
О
М
С
Т
В
О

с продолжением

Римма САВИЧЕВА

"Она вошла в вагон метро на той же остановке, что и я. Села напротив. Я решил познакомиться с ней. Но как начать? "Девушка, можно с вами познакомиться?" — слишком банально. "Не хотите ли конфету?" — а вдруг не хочет. "Привет! Как поживаешь?" — фамильярно для нового знакомства. "Я тебя люблю и хочу, чтобы ты стала моей женой!" — чересчур рано. Так я ничего и не сказал. На станции "Курская — кольцевая" девушка моей мечты вышла.

Больше я ее никогда не встречал". На этом история закончилась.

Даже в наше демократичное время, когда в человеке ценятся такие качества, как коммуникабельность и общительность, заговорить с посторонним человеком — понравившимся парнем или миловидной девушкой, завязать новое знакомство сложно, если вы не знаете, как это сделать. Много лет назад познакомились молодые по большей части на ярмарках, деревенских праздниках, летних хороводах, во время зимних вечеров. Специально для

молодых организовывались посиделки. Здесь собирались девушки, занимались рукоделием — шили, вязали, пряли. Тем самым будущие хозяйки демонстрировали свои умения и готовили себе приданое. Молодые люди смотрели на хорошеньких умелиц, и каждый мог выбрать невесту. О своем выборе парень сообщал родителям, после чего те засылали сватов. Сватать шли отец, дядя, брат и товарищ. Стучавшись в дверь, говорили: "Здравствуйте, люди добрые. Мы тут телочку потеряли, ищем. Ты не к вам она убежала? Ты можно к вам хлеб на стол покласть?" Если родители девушки соглашались, то впускали сватов в дом. В случае, когда парень был не уверен, что девушка действительно выйдет за него замуж,

Могло стать так, что "пробная" пара начинала готовиться и к настоящей свадьбе.

Во многих странах были широко распространены "ярмарки невест", зачастую приуроченные к крестьянским или церковным праздникам. Знакомства, завязавшиеся в такие дни, поощрялись обществом и обычно заканчивались сватовством.

Но прошло время посиделок и серенад под окнами любимых. Сегодняшние молодые люди берут на вооружение скорее способ знакомства героя рассказа Зощенко Володи Завитушкина с понравившейся барышней в трамвае: "Присаживайтесь ко мне на одно колено, все легче ехать". С новым человеком познакомиться сложно, если не знаете, для чего он вам нужен и что с новоприобретенным другом или подругой будете делать. Один товарищ на мое возражение, что в девушке важна не длина ног, а ее характер и взаимопонимание с ней, ответил: "Это зависит от того, зачем она тебе нужна: просто посидеть, попить чай, повстречаться какое-то время, а потом расстаться или жениться на ней". Цель знакомства определяет и его место, и время, и способ. Я провела небольшой опрос среди мужчин в возрасте от 18 до 25 лет на тему "Для чего вы знакомитесь с девушками?" Результаты получились следующие: из 37 опрошенных 26 сказали, что ищут знакомства с девушками для общения и секса, 3 молодых человека ответили, что только для секса, остальные — для совместного проведения свободного времени (интимные отношения не исключали, но и не ставили целью знакомства).

Психологи советуют не торопиться вступать в близкие отношения при недостаточном знакомстве. Проблема здесь не только в морали и нравственности. На начальной стадии общения между девушкой и молодым человеком происходит так называемая "притирка характеров", в их взаимоотношениях возможны споры и разногласия. Такие же сложности и в первых интимных отношениях. Поэтому размолвки в общении и отсутствие гармонии в сексе приведут в конце концов к скорому разрыву недавно зародившейся дружбы.

чем?...

он просил, чтобы избранница дала ему "заклад": кольцо и платок. Если молодой человек посылал сватов и ему отказывали, то заклад оставался у него, и он потом пропищал его вместе с товарищами.

В давние времена существовали и другие способы знакомства молодых людей. Например, обряд выбора пробных обрученных. Он заключался в том, что пары из парней и девушек составлялись по жребию, и молодым полагалось вести себя как настоящим обрученным — ходить друг к другу в гости, обмениваться подарками.

Кто же может проявить инициативу при знакомстве? Традиционно пальма первенства в этом вопросе принадлежала мужчине, а за женщиной оставалось право выбора. Если девушка предлагала дружбу юноше, то ее считали дерзкой и нескромной. Это связано с тем, что женское начало в нашем обществе считается пассивным, а мужское — активным: мужчина должен занимать руководящие посты, принимать ответственные решения, первым знакомиться с дамой. Но молодежь двадцать первого века лишена комплексов и предрассудков. "Не вижу ничего плохого, если мне дадут понять, что мной заинтересовались, — говорит двадцатилетний Дмитрий. — Не в загс же и даже не на ужин в ресторан поведет меня девушка, а просто покажет, что она смелая и без ненужной стеснительности". "Если бы я в кафе не попросила разрешения присоединиться пообедать, то так никогда и не познакомилась с замечательным человеком Костей, — отвечает Светлана на мой вопрос: кто должен проявить инициативу: он или она? Но как для представительниц слабого пола, так и для молодых людей при знакомстве важна тактичность и постепенность: не хотите же, чтобы вас сочли развязным мачо или самоуверенной нахалкой!

Если определились с намерениями в отношении понравившегося вам человека, то следующий этап — формальное знакомство. При этом важно установить визуальный контакт (например, в метро можно сесть или встать рядом), улыбнуться и ... заговорить. Множество людей затрудняются при выборе подходящего начала для разговора, хотя первые слова не играют большой роли. При знакомстве психологи советуют использовать позитивные речевые конструкции, которые бы показывали дружелюбное расположение к собеседнику. Избегайте негативных фраз, они не стимулируют того, к кому вы обращаетесь. В кино стала свидетельницей следующей сцены: парень пытается установить контакт с сидящей рядом барышней: "Ох, до чего же скучный фильм! Меня от него в сон клонит!" На что получил вполне очевид-

ный ответ: "Не мучайтесь, идите поспите дома". Придумать тему для разговора можно практически всегда. Отталкиваться лучше всего от ситуации, в которой находитесь, от вашего спутника или спутницы или от вас же самих. Несколько примеров, взятых из жизни, подтверждают это.

"Этого парня я увидела в одном столичном супермаркете, — рассказывает Катя. — Каждый из нас бродил между стеллажами с товарами, делая свои покупки. Пару раз мы пересекались в отделах молочных продуктов и бытовой химии. На кассе я набралась смелости и спросила: "Простите, вы покупаете спаржу. Мне интересно, что с ней можно сделать?" Парень начал делиться какими-то кулинарными рецептами. Расплатившись за покупки, мой новый знакомый предложил: "А хотите я вас угощу блюдом из спаржи? Кстати, как вас зовут?" С тех пор Антон мне часто готовит спаржу. И не только".

Другая история. В спортивном клубе: "Сударь, могли бы вы мне помочь? Наверняка знаете, как пользоваться тренажером". Молодой человек, которого, как выяснилось через две минуты общения, зовут Андрей, с готовностью показывает принцип работы тренажера. "Мы обсудили достоинства и недостатки всех тренажеров, поделились впечатлениями от занятий в этом клубе и решили прийти заниматься завтра в одно и то же время", — вспоминает 19-летняя Лера, как познакомилась со своим другом.

Может быть, возьмете на вооружение такой способ? В кинотеатре за несколько минут до начала сеанса: "Девушка, извините, что я к вам обращаюсь, но, думаю, вы меня выручите. На моем телефоне кончились деньги, можно вашу трубку: послать SMSку". Предприимчивый молодой человек скидывает сообщение на свой сотовый, тем самым узнавая номер понравившейся ему барышни. А на следующий день звонит и приглашает ее поужинать вместе. Знакомство состоялось.

Большинству людей нравится говорить о себе, поэтому они идут на контакт, когда им задают вопросы, касающиеся их самих.

Так познакомились Оксана и Борис. На выходе из вагона метро он спросил: "Вы так увлеченно читали книгу, что мне стало интересно, кто ее автор?" Оксана назвала современного российского писателя-фантаста. "Это первая его книга, какую вы читаете?.." Молодые люди за обсуждением современных писателей сделали переход с Сокольнической ветки метро на Замоскворецкую, вместе вышли на станции "Павелецкая" и отправились погулять по городу.

Конечно, может случиться так, что юноша или девушка, в отношении кого вы проявили намерение познакомиться, не заинтересованы в общении и не поддерживают вашу инициативу завязать дружбу. В таком случае не надо расстраиваться и винить себя: "Во мне что-то не так!" Возможно, он (или она) спешит куда-то и не вправе терять ни минуты. Или человек, к которому обратились, влюблен, и какими бы ни были вы замечательными, он никого не воспринимает. Или у него личная драма. У каждого могут быть свои причины побыть одному.

Некоторые "продвинутые" молодые люди предпочитают знакомиться в Интернете. Здесь не видят тебя, но и ты не видишь собеседника, его реакцию, мимику, жесты. Зашла на один из многочисленных сайтов службы знакомств. "Знакомства на любой вкус! Возможно, здесь Вы найдете свою судьбу", — обещают разработчики веб-страницы. Чтобы найти себе друга или подругу, необходимо задать интересующие параметры, среди которых такие, как рост, вес, возраст, образование, знак гороскопа, семейное положение. Требуется, как и при реальном знакомстве, определиться с намерениями начать отношения: для дружбы, переписки, реальной встречи, совместного досуга, виртуального романа, интимных встреч. Существует даже виртуальный загс для тех, кто нашел друг друга в сети.

Знакомства в Интернете — не достойная альтернатива непосредственному общению, а, скорее, отдушина для тех, у кого много комплексов, кто не может по тем или иным причинам просто сказать незна-

комому человеку "Привет!", глядя ему в глаза.

Разновидностью поиска друга или подруги в сети можно считать знакомства по объявлениям. "Александра. Возраст: 21 год. Хочу найти парня для дружеских отношений. Немного о себе: знак зодиака — Овен, образование — неоконченное высшее, глаза зеленые, волосы светлые, мой рост 165 см, вес 65 кг, из еды предпочитаю шашлык, характер спокойный. Идеал любимого: общительный, любящий, нежный". Объявления такого типа можно приравнять к рекламе и относиться к ним нужно с сомнением: нет гарантии, насколько сведения из объявления соответствуют действительности и не разочаруетесь ли вы при встрече. Такой способ устраивать свою личную жизнь выбирают те молодые люди, которые хотят сэкономить время на знакомствах, не желают приложить усилий со своей стороны для установления контакта с новым человеком. Зачем все это, ведь можно просто дать объявление и сидеть дома, ждать своего принца или принцессу!

Способ знакомиться каждый выбирает сам, исходя из намерений, ситуации, характера. Можно вести активный образ жизни, самому выбирать себе знакомых. Или сутки напролет сидеть в Интернете, задавая параметры нужного тебе спутника. А можно дать объявление и время от времени проверять почту в надежде, что кто-то откликнулся на твое заманчивое предложение. Важно помнить, формировать свой круг общения — в порядке вещей, а вот отказываться от этого — нет. Проблема одиночества не должна стоять перед нами, ведь вокруг очень много хороших людей, с которыми можно познакомиться. Главное, чего обычно не хватает — это храбрости. ■

■ Выпускник ВГИКа, один из ведущих артистов театра Романа Виктюка Фархад Махмудов обладает не только драматическим талантом, но и особой пластикой, энергетикой, скульптурной выразительностью тела, яркой и необычной наружностью. В нем есть загадка, магия и отстраненность...

— Фархад, некоторые актеры "разделяют" профессию на артиста театра и артиста кино. Говорят, что на сцене невозможно "спрятаться", а в кино любой сыграет. Каким актером быть трудней?

— А что тут делить? Это все бредни, которые придумывают, вероятно, неудавшиеся, невостребованные актеры, те, у кого амбиций много, а толку мало. В нашей профессии самое главное — играть хорошо и целиком отдаваться роли. На сцене тоже можно "спрятаться", как и в кино есть свой особый, конечно, монтаж. Перед выходом на сцену всегда проделываешь огромную работу и тщательно готовишься к спектаклю. Если в театре есть момент "над сценой", то есть кинорежиссеры, любящие примитивизм в эмоциональных проявлениях: моментах агрессии, любви или радости, а на сцене играть актеру надо "закрыто", переживая все изнутри...

В кино я играю с детства и могу сказать, что вырос на съемочной площадке. Первая работа была в 1984 году на студии "Узбекфильм" в ленте Юсупа Азимова "Тихоня", а в 1985 сыграл главную роль в "Волках", потом в музыкальной сказке "Проделки Майсары", на "Таджикфильме" в картине "Взгляд"...

— Ты из актерской семьи?

— Нет, мой папа — инженер, а мама работник Министерства просвещения Узбекистана.

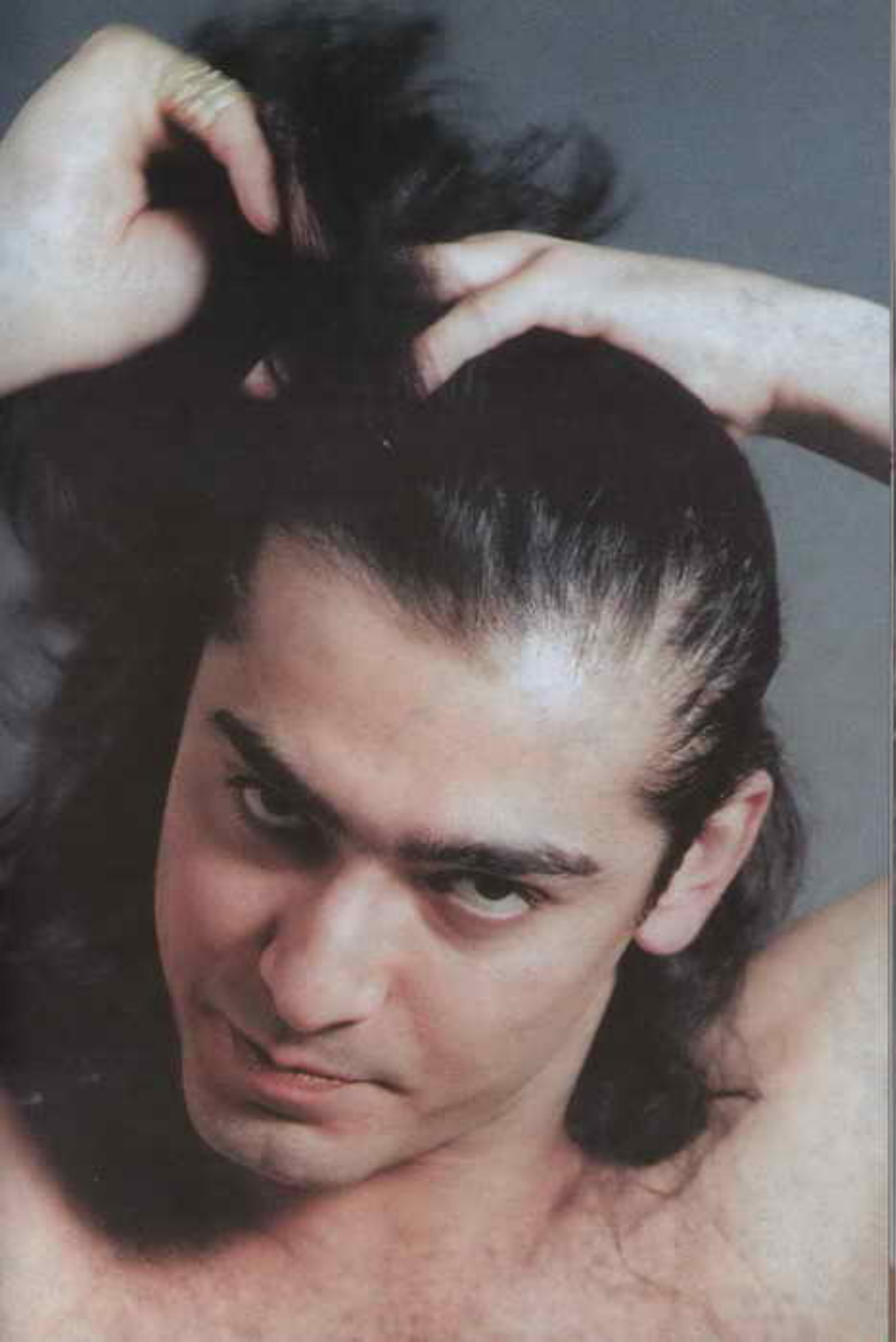
— На экранах ТВ сейчас крутят одни сериалы, как к этому относишься?

— Хорошо. У нашего брата, актера, появилась возможность хоть немного подзаработать, а то недолго и вообще "загнуться".

— Как актер сейчас выживает?

— Выживает благодаря сериалам. Люди их смотрят, значит не так все плохо —

Загадка, Магия и отстраненность

Бразилия не полностью заполонила свои фазендами экраны. Мы сейчас можем увидеть, как и наши богатые плачут, тоже забавно.

— Где бы хотелось сняться?

— Везде и все сыграть! Многие зависят от режиссера, сценария и от отношения к работе всей съемочной группы. Феномен сериала "Бригада" именно в том, что собралась команда людей, которые "горели" на съемочной площадке, было видно, что все работают с огромной самоотдачей. Каждый привносил что-то свое — от гримера до простых рабочих, переставлявших лампы. Всем было интересно на площадке, не только нам, актерам. Хороший режиссер тот, кто умеет собрать настоящую команду людей, которые будут его понимать, слышать и слушать. Вот тогда получится и кино, и сериал.

— Что тебе дает сцена?

— Невероятное удовольствие и практику. Каждый день выходить на сцену — большое счастье, встречаться со зрителем, обогащать его и самого себя, вовлекать в удивительный мир ощущений — Тут, Здесь и Сейчас. Всю свою энергию я отдаю залу и получаю ее. Само чувствование зала много значит. В театре происходят чудеса — отдаешься зрителю и ведешь его за собой, "берешь", и делаешь с ним, что хочешь. Их эмоции помогают мне.

— Ты занят в спектаклях "Саломея", "Эдит Пиаф", "Мастер и Маргарита", "Антонио фон Эльба", "Осенние скрипки", "Путаны", "Заводной апельсин", "Давай займемся сексом!", "Бабочка... Бабочка". Ответственно ли быть артистом театра Романа Виктюка? Роман Григорьевич — режиссер гениальный, следовательно, чрезвычайно требовательный, строгий.

— Роман Григорьевич — талантливый человек и все его постановки очень режиссерские, а в истинном режиссерском театре всегда жесткий рисунок. Если актер правильно "действует и живет" в задуманной постановке, то у него нет и не будет ощущения зажатости. Рисунок так выстроен, что по-другому просто нельзя себя чувствовать. Чтобы у актера что-то не так получи-

лось во время игры — этого не может быть благодаря режиссуре. Жесткий рисунок и правильная причинно-следственная связь "ведет" актера в контексте спектакля и выбиться из нее сложно. Конечно, большая ответственность за все, что ты делаешь в театре такого гениального режиссера.

— Есть любимые роли?

— Самая любимая моя первая роль, наверное, потому что первая, в спектакле "Маркиз де Сад. Философия в будуаре" — сыграл мадам де Сен Анж.

— Сложно сыграть женщину?

— Не думаю, что сложно, если есть задача и принцип — зачем играю женщину, ведь не для праздного удовольствия, а ради искусства.

— Знаю, что ты пишешь стихи...

— Когда приходит вдохновение и мысль — не могу не взяться за перо.

— Другие театры посещаешь?

— Большая проблема со временем. Люблю ходить в разные театры, с удовольствием все бы пересмотрел, но гастрольная жизнь "выматывает". Много ездим по России, странам бывшего СНГ, по всему миру.

— По России вы много колесите и собираете большие залы. Имеет ли для тебя значение, какой зритель — столичный или провинциальный?

— Не имеет. Провинциальный зритель бывает даже теплее, нежели столичный. Хотя, честно говоря, не вижу большой разницы. В Москве играем мало, у нас здесь нет своей площадки. Много ездим и дарим искусство людям. В Канаду вот уже ездили в пятый раз и везде нас принимают хорошо.

— Наверное, путешествовать любишь?

— Больше двух недель дома не бываю, дорога зовет. Дорога как стихия, как вода, земля, ветер, она тянет. Есть у нас, актеров, что-то цыганское. За последние шесть лет работы в театре — поезд, самолет, автобус — для нас нормальное, обычное времяпрепровождение. Постоянно гастролировать стало привычным и совершенно не пугает! Иногда думаешь: "Все, хватит, устал", но проведешь в Москве месяц и по-

нимаешь, что уже нужно ехать, нас где-то ждут.

— Чем увлекаешься в свободное время?

— Люблю хорошую музыку, какого бы жанра она ни была, "хэви-металл", кельтскую старинную, рок-н-ролл, джаз, симфоническую.

— Фархад, какие качества ценишь в людях и что не приемлешь? Некоторые говорят, что не любят когда врут, ненавидят подлецов...

— Знаете, да все люди когда-нибудь врут, даже самим себе. В каждом человеке, наверняка, где-то в глубине прячется маленький подлец. Нельзя поддаваться плохому во всех его проявлениях, жестокости, похоти, лжи, жажде наживы. Я не приемлю негатив во всех его проявлениях.

— У тебя произошло важное событие в этом году...

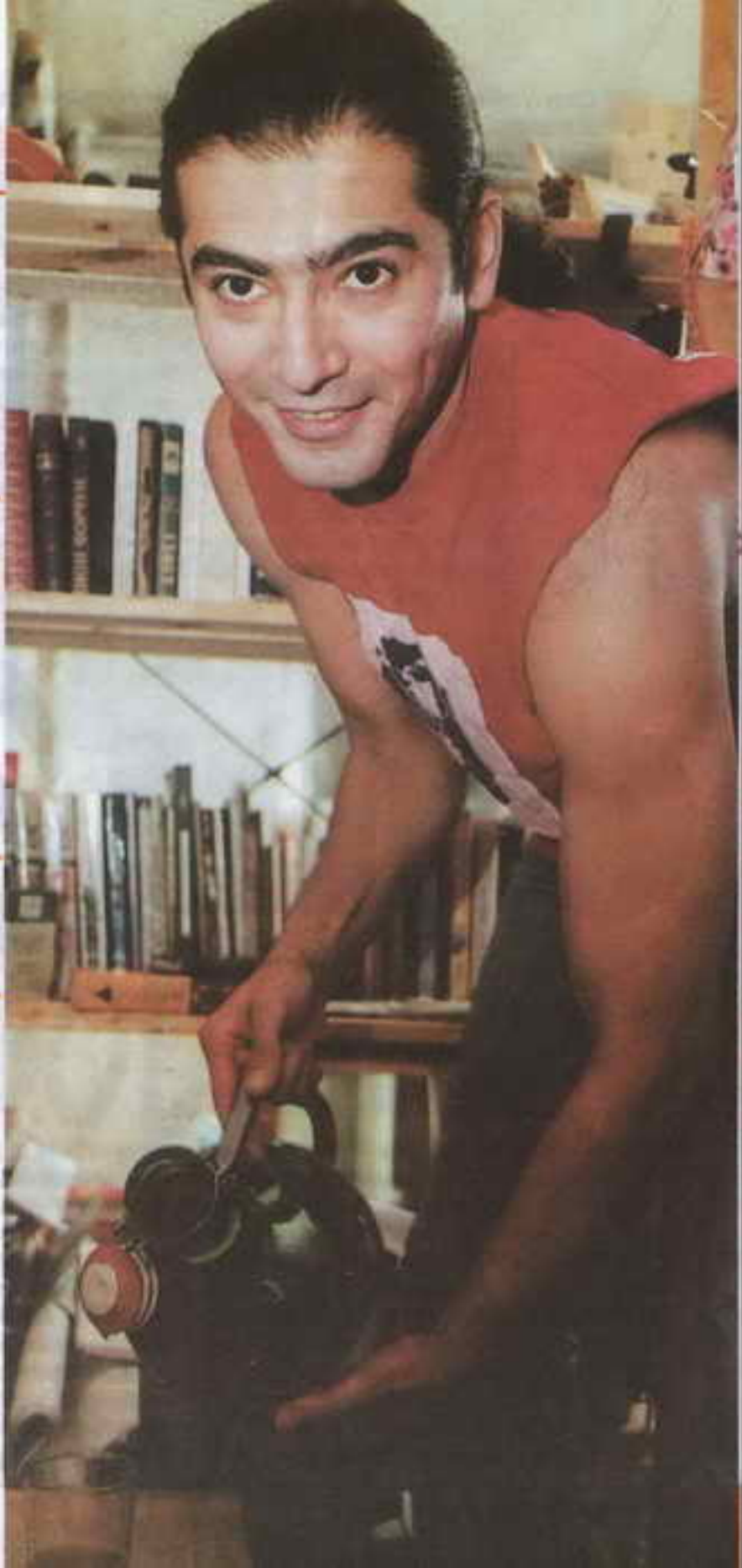
— Родился мой сын Искандер-Александр.

— Хочешь, чтобы он тоже стал актером?

— Пусть будет, кем захочет. Жизнь покажет. Мне приходилось видеть, к чему приводят необдуманные поступки родителей, пытавшихся навязать детям выбор профессии. Ни к чему хорошему это не приводит, на детей нельзя "нажимать". Пусть сами решают, кем быть. Актером можно стать только по велению души. ■

Беседовала

Елена ВОРОБЬЕВА.

Сразу уточню: речь здесь пойдет не о войсковом общежитии вообще. Тема слишком обширна да и болезненна для многих бесквартирных военнослужащих, вынужденных тратить по два-три часа в день на дорогу от какой-нибудь отдаленной общаги (заселенной к тому же наполовину вьетнамцами) до родной части. Нет, в данном случае нас интересуют только общежития, расположенные в самих частях, поскольку это совершенно особый мир со своими, особыми отношениями.

Что такое общежитие части? Как правило, отдельное здание высотой до пяти этажей, стоящее где-нибудь на отшибе, у забора, за плацем или столовой. Картина почти всегда одинаковая: казенный фасад, крохотный дворик с бельевыми веревками, шеренга детских колясок у входа, запах готовящейся еды в подъезде, кастрюльки на

му люди, вынужденные не только на службе, но и вне ее проводить почти все время вместе, стараются сделать свою жизнь максимально веселой и разнообразной.

История первая. Хэллоуин.

Если кто не знает, Хэллоуин — это День всех святых, праздник, пришедший к нам из Америки. У большинства с ним ассоциируются вырезанные из тыквы злобные маски со свечками внутри, ведьмы в черных балахонах, всякого рода страшилки и злые розыгрыши. Вы спросите: а армейское общежитие тут при чем? А при том, что как-то раз в ночь с 31 октября на 1 ноября (а именно на эту дату и приходится Хэллоуин) в общежитии одной крупной бригады

общага

Екатерина
ПОСТНИКОВА

за

подоконниках, по вечерам — очередь в общей душ, и всегда, до глубокой ночи, орут телевизоры, радиоприемники и младенцы. Весело, в общем.

Семейные военнослужащие занимают обычно отдельные комнаты, холостякам же полагается одна комната на три-четыре человека. По идее, общежитие — жилье временное, но я знала офицеров, которые провели там по десять или даже пятнадцать лет. Что поделаешь, квартир на всех не хватает, и очередь движется всегда очень медленно. Поэто-

связи стояла подозрительная тишина. Даже молодые лейтенанты, известные своей привычкой устраивать посиделки до первых петухов, почему-то рано улеглись спать. По пустым коридорам разгуливала лишь общежитская кошка Тинка, да дежурная в своей будке на первом этаже мирно трепалась с кем-то по телефону.

Командир части, который тоже жил в этом общежитии, вернулся домой в двадцать минут первого и с удивлением увидел темные окна. "Надо же, — поделился он с женой. — Спят!

забором

Чего это они?" Супруги как раз возвращались из театра, и буквально пять минут назад жена посетовала, что молодежь снова не даст спать своими танцами за стенкой. И вдруг — о! Странно.

"Не нравится мне это. — Жена командира опасливо заглянула в подъезд и на всякий случай принюхалась. — Что-то здесь не так". Командир (а он был человеком неглупым) согласился: "Давай на всякий случай сразу в комнату не пойдем, а вокруг общаги сначала прогуляемся". Так и поступили.

Здание стояло темное, молчаливое, и ничего подозрительного в нем, вроде бы, не было. Командир посмотрел на свое окно (оно находилось на первом этаже) и вдруг повернулся к жене: "Слушай, ты форточку перед уходом закрывала?" "Нет", — отозвалась женщина. "Отлично, — кивнул командир. — А она закрыта". Оглядевшись и заметив невдалеке гуляющий по территории пожарный патруль, он помнил рослого солдата: "Иди-ка сюда, сынок! Значит так, сейчас идешь с нами, я откры-

ваю комнату, ты заходишь и внимательно все проверяешь. Потом заходим мы”.

В коридоре горел слабый дежурный свет. Командир повернул ключ в замке своей двери, распахнул ее и легонько подтолкнул солдата в спину. Тот вошел, нашарил на стене выключатель и щелкнул им. Свет не загорелся. А в следующую секунду на голову несчастному рядовому с тихим шелестом спланировало с потолка темное покрывало, раздался замгильный вой, прямо за окном, во мраке осенней ночи, вспыхнули зловещие глаза оскаленной маски (сделанной за отсутствием тыквы из футбольного мяча), из платяного шкафа шагнула какая-то фигура, и в довершение всего чьи-то ледяные руки нежно обняли солдата за шею. Несчастный парень, вереща от ужаса и изо всех сил отбиваясь от чего-то неведомого, вылетел в коридор и чуть не сбил командира с ног. Почти сразу же в комнате громко хлопнуло окно, и кто-то с топотом и треском унесся по клубам прочь.

Полковник остался невозмутим. “Вот поганцы — заметил он. — Выкрутили лампочку. И ладно бы, что-то новое придумали, так нет, все как в прошлом году”.

Разыгрывают в общежитиях всех и всегда. Балует этим, конечно, молодежь, которой некуда девать свою здоровую юношескую энергию, но я знала и взрослого, солидного подполковника, который тоже этим не брезговал. Какие бывают розыгрыши? Ну, к примеру, очень любят в общагах перевесить дверь комнаты так, чтобы она открывалась не наружу, а внутрь (или наоборот) и посмотреть, какотреагирует хозяин. Так как к любому замку в общежитии несложно подобрать ключ, часто выкручивают лампочки, прячут вещи, соединяют все предметы в комнате нейлоновой ниткой, а хвостик потом привязывают к дверной ручке (если дверь открывается наружу). Шутят над женщинами: запускают в комнату мышку или сажают в шкаф первого попавшегося столового кота, и он выпрыгивает оттуда прямо в объятия дамы, собравшейся переодеться. Могут подменить соль в тумбочке мелким сахаром, стащить электроплитку.

Кстати, об электроплитках. Как правило, в каждом армейском общежитии имеется общая кухня, и в комнатах категорически запре-

щается что-то готовить. Но большинству жильцов, конечно же, не хочется тащиться с кастрюлькой по коридору, а потом еще и ждать, когда освободится конфорка на плите. Вот и придумывают способы, как разогреть себе ужин, но при этом не попасться в лапы начальнику пожарного надзора части.

За плитку или кипятильник могут выселить. Микроволновую печьку (их иногда разрешают) может позволить себе не каждый. Договориться с пожарным почти невозможно, над ним ведь тоже есть свои проверяющие, которые могут внезапно нагрянуть с рейдом. Поэтому, если кипятильники все же прячут где-нибудь среди вещей (предмет ведь маленький), то плитку решаются заводить лишь самые отчаянные. А кушать хотят все. Поэтому вот пять известных мне способов готовить без электроплитки, с помощью разрешенных в общежитии предметов.

1. Свеча. Да-да, обычная стеариновая свечка. В качестве посуды для разогрева используют тонкостенную алюминиевую мисочку или плоскую жестянку из-под селедки. Посудину держат тряпочкой за края и водят над свечкой по часовой стрелке. Ужин нагревается до хорошей температуры буквально за пять — десять минут. Можно даже что-нибудь сварить: для этого на металлическом фотоштативе крепится средних размеров консервная банка, в нее наливается вода и кладется то, что нужно приготовить, а под банкой зажигают несколько свечей сразу, так, чтобы пламя почти касалось доньшка. Сама видела: получается неплохо, а задуть свечки в случае опасности легче легкого.

2. Спиртовка. Очень полезный предмет. В отличие от свечки, не коптит и не оставляет в комнате характерного запаха. Жаль, трудно купить, особенно сейчас, а раньше их запросто продавали в магазинах типа Юный химик.

3. Масляный радиатор. Чисто зимний способ. Если в общежитии прохладно, жильцам разрешается использовать такие радиаторы, так как у них нет открытой нагревательной спирали. Штука очень хорошая, и поймать с ней невозможно. Радиатор кладут на бок, сверху ставят мисочку с едой и накрывают посудой большего диаметра. Разогреть — пять минут, приготовить, увы, ничего нельзя.

4. Утюг. Желательно российского производства, который способен раскаляться буквально докрасна. Гладить им, особенно тонкие ткани, проблематично, а вот готовить — милое дело. Предварительно нужно выломать регулятор температуры, который автоматически выключает утюг в случае перегрева. После этого берем два кирпича, переворачиваем наше устройство верх тормашками и зажимаем между кирпичами ручку. Все. Теперь можно включать и ставить сверху сковородку (по возможности, сделанную из тонкого металла). Получается даже жарить картошку.

5. Самый экстремальный способ, которым пользовались контрактники Псковской дивизии ВДВ. На кирпич (под которым лежит резиновый автомобильный коврик) ставится посуда из токопроводящего металла, к ней с помощью крокодильчиков подсоединяются два провода, вилка втыкается в розетку, и все — главное, помешивать еду ДЕРЕВЯННОЙ лопаткой, иначе так тряхнет, что мало не покажется.

Не подумайте, что это — руководство к действию. Лучше не экспериментировать. Но все-таки русская нация — самая изобретательная нация в мире, не правда ли?

Администрацию общежитий вообще принято обманывать. И обманывают, начиная с жучков в электросчетчиках и заканчивая мертвыми душами, которых записывают как жильцов, чтобы хоть немного разгрузить комнаты и не толкаться вчетвером в тесном пространстве. Иногда это заканчивается трагедией.

История вторая. Офицер, убитый подушкой.

Начальник КЭЧ (квартирно-эксплуатационной части), он же — негласный комендант общежития, был человеком вредным. С ним не проходили почти никакие фокусы: жучки он находил, кипятильники вычислял, оборванные провода трансляции (об этом чуть ниже) терпеливо склеивал изолентой, а главное — он любил считать жильцов. Запишут, допустим, девчонки-контрактницы к себе в комнату какую-нибудь телефонистку (которая на самом деле обитает у тетки в городе) и вешают лапшу дежурной, мол, уехала подруга, но скоро вернется. Нарочно на ее тумбочку всяких

флакончиков наставят, плюшевого мишку на кровать посадят, пару постеров из журналов на стенку приклеят. В общем, создают видимость. А комендант раз — и берет комнату на контроль. Неделию не появляется мертвая душа, вторую не появляется, а на третью ее приказом оттуда выселяют, мол, не живет девушка, а только место занимает.

Ладно, уговорят девчонки свою соседку пару раз в общежитии помелькать, по коридору в халатике пройти, у коменданта перед глазами покрутиться. Так он возьмет и ночью (я не шучу) заявится, дверь тихонько откроет и смотрит, сколько человек на койках спят, все ли на месте. В общем, вредный был дядька.

И вот однажды из части перевелись в другое место сразу две контрактницы, и их соседки по комнате моментально привели подруг записываться. Первые дни новоиспеченные мертвые души активно играли свои роли, часами торчали в общаге, носились по коридору, получали постельное белье, выспрашивали у дежурной, где можно гладить, в общем, имитировали во всю. Потом они решили, что достаточно примелькались, и со вздохом облегчения исчезли. Тут великие комбинаторши и забеспокоились. С одной-то мертвой душой проблем не оберешься, а с двумя.

Комендант положил на них глаз менее чем через неделю. Зашел вечером, после службы, и выслушал легенду о том, что соседки уехали, одна к маме, вторая к своему молодому человеку. Спустя пару дней он наведался ночью и записал к себе в блокнотик: спят двое. Девчонки взбесились и придумали план мести.

“Товарищ подполковник, — заявила одна из них коменданту. — Если вы хотите их застать, то завтра они будут ночевать в комнате, точно!” Комендант поверил и зашел вечером. “Еще не приехали, будут попозже”, — с честными глазами сказали девушки. Хорошо. Попозже так попозже. Несчастный подумал и решил прийти ночью, чтобы с гарантией застать неуловимых соседок.

Около двух часов он отпер своим ключом дверь и застыл в изумлении: комната была совершенно пуста. Постели заправлены. Образцовый порядок. Ночник на тумбочке горит. Господи, а эти-то куда делись? —

подумал подполковник и на всякий случай заглянул под кровати. Никого. То, что девочки стоят по бокам окна за шторами, ему даже не пришло в голову. Пожав плечами и решив разобраться утром, он повернулся, чтобы уйти, и в этот момент одна из контрактниц бесшумно шагнула из своего укрытия, тихо взяла с ближней койки подушку и швырнула ее коменданту в спину. Просто чтобы разыграть вредного товарища. А он вдруг пошатнулся и рухнул, как подкошенный. Трясти его и шлепать по щекам оказалось бесполезно. К тому моменту, когда дежурный врач добежал до общежития, комендант был уже мертв: обширный инфаркт. Кто же знал, что он — сердечник?..

Кстати, о мертвых душах. Была такая история. Два парня-лейтенанта и две девочки-контрактницы вступили в гнусный заговор с целью уменьшить количество соседей. Они разбили на пары, пошли в загс и расписались. Каждой молодой семье, само собой, предоставили отдельную комнату, после чего лейтенанты заняли одну из них, а девушки — вторую, и стали жить по двое, как белые люди. Все бы хорошо, да только одна семья вдруг прониклась друг к другу нежными чувствами и заявила второй семье, что, мол, мы муж и жена, а значит, хотим жить вместе. Представьте состояние их друзей, у каждого из которых была своя личная жизнь и которые объединяться никак не планировали? Пришлось беднягам идти разводиться, а что делать?

Я обещала рассказать о радиотрансляции. Это такая зловредная штука, нужная для того, чтобы будить жильцов по тревоге. То есть в каждой комнате где-нибудь в углу вмонтирован под обоями динамик, из которого в самое неподходящее время (например, в три часа утра) вдруг доносится душераздирающий свист-настройки, а потом громовой голос дежурного по части объявляет внеочередное построение на плацу. Громкость уменьшить нельзя, совсем выключить тоже нельзя, поневоле роман Оруэлла "1984" вспомнишь.

Но — нашего человека голыми руками не возьмешь! После первой же тревоги динамики выключают, аккуратно срезают обои, выламывают из стены черную коробочку и торжественно обрывают идущие к ней провода. По-

том все ставится и подклеивается на место. Разбудить-то тебя все равно разбудят...

Стоит также немного рассказать о том, что такое воскресный десант. Военнослужащие, живущие в общежитиях, скорее всего, и так все знают, но для гражданских поясню: это когда в часть приезжает СЭС травить тараканов и крыс, всех выгоняют из комнат, а представитель командования под шумок ищет компромат. Как правило, все происходит в выходной, когда жильцы дома. И без розыгрышей тут тоже не обходится. Например, в общежитиях, где нам с отцом в разные годы приходилось жить, сыщики нашли в комнатах пятерых неучтенных младенцев, человеческий скелет с биркой "средняя школа № 18", муляж атомной бомбы, большую лохматую собаку, пятидесятилитровую ханистру с надписью "Цианистый калий", печку-буржуйку и восемь метров труб к ней, два самогонных аппарата, мемориальную доску и еще кучу всякой чепухи. А что делать? Только чувство юмора способно спасти наших людей от серой обыденности.

Легче всего в общежитии гражданским людям. К ним относятся: невоенный персонал части, жены офицеров, дети, солдатские мамы, которые с разрешения командования приехали в гости к сыновьям и получили временные места. Приезжают порой и девушки, тут уж как договориться. Однажды я видела, как дежурная, поскрипев мозгами, записала подружку солдата как буд.жен. (будущая жена). Ведь если есть графа степень родства, надо же в нее хоть что-то написать!

Гражданских не поднимают по тревоге, к ним намного мягче относится комендант, их никуда не дергают в выходные, в общем, сказка, а не жизнь. Но, увы, саму жизнь в общежитии трудно назвать сказкой, ведь люди, которые там обитают, не только не имеют квартиры. Они, получается, круглые сутки находятся на работе и покинуть территорию могут только в отпуске. От этого здорово устаешь, и можно понять тех, кто согласен тратить два часа на дорогу через весь город в гражданскую общагу, наполовину заселенную вьетнамцами.

Остается надеяться, что рано или поздно все наши военнослужащие получат квартиры, и общежитие действительно станет временным жильем. А пока — держитесь, ребята! ■

УЧИТЕЛЮ — 75!

Дорогой Ясен Николаевич!

"Молодой бульвар" от души поздравляет Вас с замечательной датой — Вашим юбилеем. Благодаря Вам, студенты факультета журналистики смогли творчески реализовать себя на страницах журнала "Смена", с которым мы с удовольствием сотрудничаем уже в течение двух лет.

Безусловно, Вы — кумир не только нас, нынешних, но и для студентов многих поколений. И наши родители, и мы знаем Вас как человека невероятного обаяния, доброты, скромности, с искрометным чувством юмора.

Ваши глубочайшие знания, эрудиция снискали уважение среди коллег, многочисленных учеников и слушателей не только нашей страны, но и далеко за ее пределами. А для всех нас, студентов, выпускников журфака, Вы всегда остаетесь самым лучшим деканом в мире.

Согласно древней истине, каждый человек должен построить дом, вырастить ребенка и посадить дерево.

В Вашем гостеприимном доме — в самом сердце Москвы, всегда горит свет в окнах. Он наполнен веселым смехом, молодыми голосами Ваших воспитанников. Эта вечно зеленая поросль вырастает в ту мощную силу, которая помогает обществу понять себя и стать намного добрее.

Мы, журфаковцы, искренне желаем Вам, дорогой Ясен Николаевич, поистине кавказского долголетия, энергии, и чтобы еще многие годы Ваша жизнь проходила под девизом: "Учитель, воспитай ученика!.."

Спасибо Вам за то, что Вы есть.

**Студенты журфака,
авторы "Молодого бульвара".**

Весь коллектив редакции журнала "Смена" и, мы надеемся, его многочисленные читатели с удовольствием присоединятся к поздравлению молодых коллег.

Александр Панайотов — один из победителей нашумевшего конкурса-проекта "Народный артист", проходившего летом 2003 года. Зрители полюбили его за харизму, не похожую на других манеру держаться на сцене и за красивый голос.

В "народные артисты" нельзя попасть по знакомству, иначе теряется сам смысл артиста-самородка. Так решили организаторы конкурса и не прогадали: зрители выбрали "своих парней", похожих на себя, таких же, как они, "с соседнего двора", талантливых и искренних: Алексея Гомана, Александра Панайотова, Алексея Чумакова.

Александр Панайотов родился в Ленинграде 1 июля 1984 года и жил там до трех лет, пока семья не переехала на Украину, в Запорожье. Его родители — обычные рабочие, никогда не пели и не были связаны с музыкой. По знаку зодиака Александр — Рак, а по восточному гороскопу — Крыса. Рост — 189 см, цвет глаз — серо-зеленые. Происхождение фамилии — греческое.

В школе Саша не очень любил точные науки и с 15 лет уже сам писал песни для участия в конкурсах. При поступлении в музыкальную школу Саша спел песню зарубежной певицы Мэрайи Керри, чем сильно удивил приемную комиссию.

Панайотов один год проучился в Киевском эстрадно-цирковом колледже (выгнали за плохое поведение), в настоящий момент он студент Киевского национального университета культуры (2 курс).

Раньше он хотел перевестись в Гнесинку, а теперь собрался поступать в ГИТИС: учиться актерскому мастерству. Описывая себя, Александр говорит, что он — высокий, обаятельный, яркий, талантливый, способный, упрямый, острый, смешной, одинокий певец.

Гадалка нагадала будущему певцу, что его жизнь пройдет в три этапа: Киев — Москва — Нью-Йорк. Сейчас "пошла" Москва.

На сцене Александр не новичок, и к победам ему не привыкать: в 2000 году выиграл Гран-при в международном конкурсе "Черноморские игры", завоевал III место на "Славянском базаре"; в 2001 году — I место "Дискавери" — Варна (Болгария), I место "Море

друзей" — Ялта-2001; в 2002 — I место "Песни Вильнюса" Литва...

Александр считает, что все эти победы просто ничто по сравнению с победой над собственным весом. До приезда в столицу Панайотов весил 106 кг. Когда "взял курс" на Москву — сбросил за год 25 кг для участия в конкурсе "Народный артист", чем очень гордится.

Свой успех на конкурсе Александр и другие победители "Народного артиста" решили продолжить гастрольным туром по городам "Золотого Кольца" России.

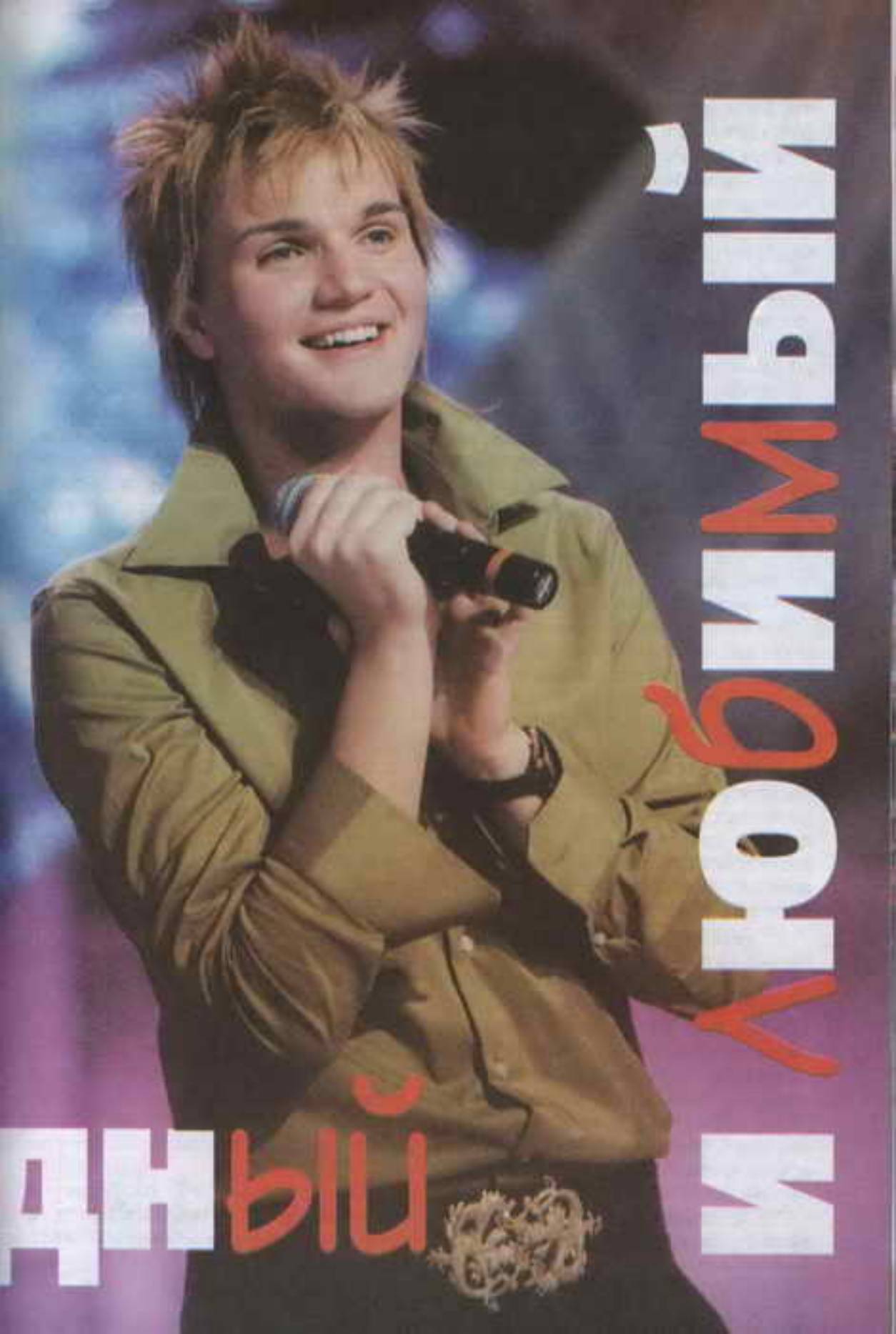
Города небольшие, но истинно российский дух здесь чувствуется как ни в каком другом месте нашей страны. "Народные артисты" надеются своей честностью, открытостью и доброжелательностью покорить сердца российской глубинки, где люди, как им кажется, проще и душевней. Ведь и сами молодые дарования в большинстве не столичные "штучки". Главная задача для них проста — хорошо петь, чтобы у зрителей надолго остался положительный заряд от концерта.

— Александр, во время гастролей сколько городов успели "охватить"?

— Мы выступили в двадцати городах России. Причем гастрольный график составлен так, что переезды происходили преимущественно по ночам, и отсыпались мы в автобусе. Понадобилось чуть больше времени, чем обычно, для разминки перед концертом после долгого сидения. В довольно узком пространстве автобусного прохода не побегаешь, но занимались арм-реслингом, играли в шахматы, подтягивались на поручнях.

С помощью гастролей приобретается колоссальный опыт, прежде всего, профессиональный. Например, гастрольная жизнь заставила убедиться, что независимо от того, какая концертная площадка, какая публика, нужно отдаваться работе на все сто

Наро

МИРОВОЙ
ПОБЕДЫ
И

ДНЬ
ПОБЕДЫ

процентов. Нельзя халтурить, даже в мелочах. Вот иногда хочется надеть не сценический костюм, или лень погладить рубашку. Я теперь себе этого не позволяю. Ведь зритель сразу чувствует, как артист относится к своему делу.

— Вы уже заняли свою нишу на эстраде. Опытные коллеги по сцене как к вам отнеслись?

— Нас, "народных артистов", коллеги хорошо принимают. Может, какая-то внешняя оболочка, потому что в шоу-бизнесе никто по-настоящему друг друга не любит. Просто все мы идем "параллельно". Иногда они говорят приятные слова, бывает, из лести, бывает, искренне — обычное дело. Я лично пытаюсь оградить себя от всей сладкой мишуры: если всему верить, можно зазнаться и пойти неправильным путем.

— "Неправильный путь" — это как?

— Скажу о правильном пути — это соответствие достигнутому уровню, адекватная оценка ситуации и себя. Не думать, что круче всех, а корону, которую на тебя надевают окружающие, даже из лучших побуждений — хранить в тумбочке. Каждый день работать — лучшая защита от "звездной болезни".

— Лариса Долина действительно тебе помогла?

— Мне, как никому из проекта, повезло, что Лариса Александровна обратила на меня внимание с самого начала. Очень большая для меня удача то, что я с Ларисой Александровной дуэтом исполнил песню "Лунная мелодия", а ее специально под наш дуэт написал композитор Ким Брейтбург.

— Каким ты видишь свое будущее? И вообще, ты его планируешь?

— Разумеется, планирую, но не все зависит от моих желаний. Как-то нескромно говорить о моих наполеоновских планах, но уверен: впереди неплохая карьера, ведь с таким продюсером, как Евгений Фридлянд, по-другому не бывает. И хорошо, что есть планы, многие их вообще не имеют. Скажу немного пафосно: в данный момент у меня есть все возможности для реализации поставленных целей.

— Ты намерен пробовать себя в другом музыкальном жанре, ампла?

— Намерен, но, по крайней мере, не сейчас. Пока делаю то, что у меня получается, как я считаю, классно. Но вообще-то, люблю экспериментировать и даже несколько эпатировать. Но не стану преждевременно все раскрывать, чтобы для публики был сюрприз.

— Как "народных артистов" встречали в городах и весях?

— По-разному. До сих пор не можем понять, от чего это зависит: или от города, или от климата. И люди разные, и у каждой встречи свои оттенки. В любом случае, не от нас. Мы настроены на обмен положительной энергией и всегда выкладываемся по полной, и не важно, выступаем мы в "России" или где-нибудь в глубинке. И как бы нас ни встречали — настороженно, скептически, — а вот провожают везде одинаково: шквалом аплодисментов, цветами и благодарными улыбками.

В городе Королеве, например, после концерта море поклонников окружило всех "народных". Люди различных возрастов около часа держали нас в плотном кольце, брали автографы, признавались в любви и задавали вопросы. Когда поклонники стали расходиться, возле меня остались самые стойкие. Девочки лет 9-10 не отходили и со слезами на глазах повторяли как заклинание: "Саша, ты такой хороший. Мы тебя любим!" Я не знал, как реагировать на откровенные чувства столь юных созданий. И на следующую встречу с поклонницами я, наверное, возьму побольше подарков. Конечно, для меня дороги все мои поклонники, невзирая на возраст. Просто я не ожидал, что такие малышки будут признаваться мне в любви. Но все равно приятно, правда, и ответственно, становиться кумиром для девятилетних.

— У тебя есть любимая девушка?

— Пока нет, и, следовательно, мое сердце свободно, хотя я, не то слово, какой влюбчивый! Я не ищу подругу жизни, а жду знака судьбы, и мое любимое женское имя — Ева.

Женюсь, наверное, в 27 лет. Сейчас я, в этом плане, нахожусь в свободном полете... ■

Беседовала **Ольга БЫСТРЫХ.**

Чья игра бейсбол?

Потна ТЕСЛЕР

■ Безусловно, практически все мы большие любители голливудских фильмов. Частенько зависаем у экранов наших телевизоров, обиваем пороги прокатов и кинотеатров, чтобы ни в коем случае не пропустить очередную остросюжетную новинку. Как ни странно, но почти в каждой киноленте, будь то старый или недавно вышедший американский фильм, мы можем наблюдать игру в бейсбол. Вспомним, например, "Джерри Магуэера" с красавчиком Томом Крузом в главной роли "Красоту по-американски", с потрясающими танцами болельщиц во время перерыва между игрой в бейсбол. Фильм "Как избавиться от парня за десять дней", в котором главный герой постоянно водит свою

подружку на матчи и т.п. А не приходилось ли вам задуматься, почему именно американцы так любят этот вид спорта, столь далекий от нас? "Молодой бульвар" задумался и решил поделиться с читателями своим мнением.

Бейсбол — это тот вид спорта, который пробуждает у американцев огромное количество воспоминаний, ассоциаций и эмоций. В детстве в него или в одну из многочисленных его разновидностей, например, софтбол, играют практически все. Это увлечение считается "национальным времяпрепровождением". К тому же игра в бейсбол весьма демократична. В отличие от гольфа и баскетбола, она доступна практически всем. Людям среднего роста, а главное, — большого веса, который распространен среди американцев, поглощающих свои любимые чипсы, гамбургеры и фишбургеры в огромном количестве. Короче говоря, любые воспоминания о детстве, учебе, юности связаны у американцев с бейсболом. И, конечно, каждый из них считает эту игру своей национальной игрой.

Однако вопрос этот довольно спорный. Считается, что крикет, прародитель бейсбола, родился в Англии в XV веке. В 1907 году американская комиссия изучила происхождение бейсбола, намереваясь раз и навсегда положить конец спорам на эту тему. Уже в 1908 году комиссия опубликовала сообщение, в котором говорилось, что бейсбол является исключительно американской игрой, не имеющей ничего общего ни с одной иностранной, и что создателем этой игры является некто Даблдей. Однако даже в самой Америке существуют две версии происхождения бейсбола.

Вариант №1.

Бейсбол появился на свет в начале XIX века. Долгое время создание этой игры приписывалось некоему Абнеру Даблдею, из американского городка Куперстаун. Однако сейчас оспаривается не только то, что он когда-либо играл в бейсбол, но и то, что человек с такой фамилией вообще проживал на Земле. Зато не вызывает сомнений другой факт. В 1845 году житель Нью-Йор-

ка Александр Картрайт создал бейсбольный клуб "Никербокер" и разработал свод правил, которые вскоре были признаны другими бейсбольными клубами города. В 1869 году в Соединенных Штатах появилась первая команда, выплачивавшая игрокам деньги за участие в матчах, — "Ред стокинз" из Цинциннатти. Ее примеру поспешили последовать другие, в результате чего между любителями и профессионалами произошел раскол. С тех пор их пути уже никогда не пересекались.

Вариант № 2.

Бейсбол зародился еще до начала Гражданской войны в Америке (1861-1865 гг.) в виде "раундерса" — весьма примитивной игры, в которую играли на песчаных площадках. Самые первые чемпионы усовершенствовали этот вид спорта и ввели в него определенные технические приемы.

Первая бейсбольная лига была создана в 1871 году, а уже к началу XX века в большинстве городов восточного побережья США появились свои профессиональные команды. Та, которая побеждала как минимум в четырех играх (из возможных семи), провозглашалась чемпионом сезона. Такой порядок розыгрыша титула чемпиона сохранился и до сих пор.

Но даже из двух вариантов истории создания бейсбола американцы так и не смогли выбрать одну и по сей день ведут горячие споры на эту тему.

Вообще, бейсбол достиг в Америке зрелости в 20-е годы, когда "малыш" Рут привел команду "Нью-Йорк янкиз" к победе в нескольких розыгрышах "всемирной серии". Рут стал национальным героем. Одним из таких героев был и выступавший за "Бруклин доджерс" Джеки Робинсон — талантливый и мужественный спортсмен, ставший в 1947 году первым афро-американцем среди игроков ведущих бейсбольных лиг.

Популярность бейсбола в мире с каждым днем возрастала. Во многом это связано с тем, что в октябре 1986 года в Лозанне приняли решение о его включении в программу летних Олимпийских игр. Офи-

циальный олимпийский дебют бейсбола, как известно, состоялся на Играх 1992 года в Барселоне.

Начиная с 50-х годов, географические рамки бейсбола расширяются. Например, в Японии он получил распространение с помощью американских оккупационных войск, которые находились там после окончания Второй мировой войны. В бейсбол активно играют на Кубе, а также в других странах Карибского бассейна. Доказательством широкой популярности бейсбола за пределами США стал и тот факт, что на Олимпийских играх 1996 года в финальном матче за золотые медали встретились Япония и Куба.

А первые шаги бейсбола по нашей стране были сделаны тринадцатого августа 1987 года, когда образовалась Федерация бейсбола и русской лапты СССР. Первая победа не заставила себя долго ждать, двадцать шестого сентября 1987 года на тбилисском стадионе "Локомотив" сборная СССР со счетом 5:4 выиграла у опытной команды Чехословакии. Кстати, команда института МАИ принимала участие во всех бейсбольных турнирах в нашей стране. Эта команда стала обладателем лучшего бейсбольного приза в СССР — "Хрустальной биты".

Что касается бейсбола в России на сегодняшний день, то можно с полной уверенностью сказать, что он набирает силу, конечно, не наравне с футболом или хоккеем; но этим видом спорта начинает увлекаться все большее и большее количество молодежи. Двадцать третьего апреля этого года стартовало первенство Москвы по бейсболу 2004 года. Бейсбол — олимпийский вид спорта, и нынешний год стал очень важным этапом отечественного бейсбола. Так как сборные команды России (составленные из спортсменов города Москвы) летом приняли участие в первенстве Европы для 12-летних ребят и в первенстве Европы до 16 лет.

Однако, к сожалению, большинство молодых людей довольно редко слышит о

бейсболе, и уж точно не представляет, какие в нем существуют правила. Постараемся рассказать о них, чтобы немного развеять туман над этой загадочной игрой.

Официальные правила бейсбола действительны во всем мире и остаются без каких-либо изменений с конца XIX века. Команды разделяются на нападающую и защищающуюся. Игра длится девять "иннингов", то есть обе команды нападают и защищаются по девять раз. Участники нападающей команды по очереди пытаются с битой в руках попасть по мячу, брошенному с расстояния 18,4 метров питчером — игроком защищающейся команды. Если игрок отбивает мяч, то он должен сразу пробежать по базам, расположенным в углах поля. Если игрок нападающей команды совершает пробежку по всем четырем базам, то его команда получает очко. Задача игроков защищающейся команды состоит в том, чтобы поймать отбитый мяч и вывести бьющего из игры. Игроки защиты обязательно надевают на руку кожаную ловушку для мяча. Если один из защитников сумеет поймать мяч до того, как он коснется земли, то бьющий выходит сразу в аут, что позволяет защищающимся получить очко.

Победа присуждается той команде, которая наберет больше очков к концу девятого иннинга. Фиксированного времени в бейсболе нет. Любая отдельная атака может длиться долго или, наоборот, произойти очень быстро, в зависимости от успеха и способностей команд. Целый матч в среднем длится от полутора до трех часов.

В бейсболе, как и во всех видах спорта, есть своя специальная лексика, с которой предлагаем вам, на всякий случай, ознакомиться. Вдруг вы окажетесь на бейсболе и сможете блеснуть ей! Начнем с самого элементарного:

Аут — ситуация, означающая, что игрок нападения в данном периоде (иннинге) выведен из игры.

Бант — короткий удар.

Бол — мяч, не пораженный битой отбивающего.

Инфилд-флай — мяч, отбитый очень высоко над полем. Мяч, кстати, можно

поймать только ловушкой, останавливать его корпусом, головой, свободной рукой запрещено.

Присужденная встреча — встреча, законченная со счетом 9:0 по решению судьи в наказание команде, грубо нарушившей правила.

Страйк — ошибка, фиксирующаяся арбитром.

Флайбол — мяч, отбитый высоко над игровым полем и пойманный игроками защиты до того, как он коснется земли.

Ну а что касается исторических корней бейсбола, то ту американскую комиссию, изучающую происхождение игры, в мире посчитали некомпетентной. И обвинили в том, что она серьезно не изучила вопрос, а задалась лишь целью доказать, что это исключительно американская игра. В защиту собрано множество доказательств. Вот некоторые из них. Само название "бейсбол" использовалось для обозначения популярной английской игры, которая известна с XVII века. В книге, опубликованной в Англии в 1744 году и перепечатанной в США в 1762 и 1787 годах, изображена игра в бейсбол. На картинке можно узнать игрока с битой на базе, позади него кетчера, ловящего мячи, питчера и две стартовые площадки. По существу, в книгах, напечатанных до 1830 года, было много упоминаний не только о бейсболе, но даже и о бейсбольных клубах.

Так что советуем вам, будучи в Англии, не забыть, что это исконно английская игра, а в Америке смело утверждать, что вы рады находиться на родине бейсбола. Главное, что ваши познания будут восприняты с радостью и там, и тут. ■

Крас

Алла
ПУСТЫНОВА

Практически все дизайнеры включили в свои новые коллекции трикотажные вещи. Ну и правильно, они же подойдут любой фигуре: полные и худые, высокие и маленькие, мужчины и женщины, дети, — все выглядит в этих вещах замечательно. А тем более в наших холодных условиях. Молодые дизайнеры, участвовавшие в конкурсе "Новая мода. Мир без границ", просто устроили яркий, фактурный трикотажный "разгул".

Так что смело надевайте трикотажные жакеты рубашечного кроя. Актуально они будут выглядеть с широкими манжетами и воротниками-стойкой. Вязаные сарафаны и платья с воланами на уровне колен. Если такое увидите, не думайте, что это все из времен наших бабушек, — вспомните, сейчас в моде 60-е.

Кстати, важная деталь: все вещи должны выглядеть так, как будто они с чужого, большего, чем ваше, плеча. Все должно быть достаточно объемно, ни в коем случае не "в обlipку". Можно подпоясаться широким ремнем, таким же вязаным пояском, или просто носить свободно. Особенно шикарно будут выглядеть закатанные рукава.

Теперь о шапочках. Недавно в Москве прошла большая выставка "Шапо-2004", где на каждом шагу встречались вязаные шапки, береты, шляпы с полями, кепки и даже мужские головные уборы. Если ваш "прикид" выполнен в стиле "кантри", то есть широкие "деревенские" юбки, блузоны, трикотажные или из других тканей, надетые навывпуск, обмотанные вокруг плеч большие пестрые платки с кистями, то плотная цветная шапочка, украшенная различными рисунками, придется весьма к месту. А еще советуем проявить фантазию и украсить либо новую, а можно и прошлогоднюю шапочку, всякими бантиками, ремешочками, пуговицами, оборочками. И носить ее как угодно: натянуть плотно на лоб, надеть набекрень, сдвинуть на затылок и

ЖИВОСЦЕНЫМ

выпустить челку. Все равно будет модно, нарядно и красиво.

Еще одной особенностью одежды в этом сезоне можно считать завышенную талию. Сам силуэт прямой, либо приталенный, но особый "пикс" — А-силуэт. Это касается и сарафанов, и пальто, и платьев, и даже кардиганов, у которых вместо рукавов прорези. Очень красиво!

А-силуэт считается признаком геометрической моды. И это на самом деле так: клапаны карманов предлагается делать в форме прямоугольников, самые популярные рисунки — полоска и клетка, воротники скроены как огромные треугольники.

Кстати, в шотландской клетке мы всегда будем выглядеть модными, особенно в сочетании юбок с белыми блузочками или цветными свитерочками и пиджаками, можно и джинсовыми.

Чтобы носить в этом сезоне брюки, следует провести ревизию своей фигуры. Потому что на смену "клешам", скрывающим недостатки полненькой фигуры, пришли брюки-скинни —

узкие и длинные, закрывающие каблук туфель. Ноги выглядят еще длиннее, особенно на высоких каблуках.

И самое время — поговорить об обуви. В этом сезоне в моде и элегантный высокий каблук, и удобная плоская подошва. Но это совсем не те спортивные туфли без каблука, что носили в прошедшем сезоне. Сейчас женские туфли напоминают балетные тапочки и детские сандалики с круглым носом, бантиками и застежками-перекладинами на подъеме. Это особенно актуально для модного образа женщины-куколки *baby-doll*.

В мужском гардеробе самая главная одежда — пиджак. Моден однобортный, приталенный и немного длиннее обычного. Цвет — любой, но самый шикарный — в полоску.

Для рубашек и галстуков стоит выбирать полоску, а также клетку. Ворот рубашек — широкий, а если вы не носите галстуки, то предлагается застегивать только нижние пуговицы, но ни в коем случае не верхнюю.

Мужские брюки предпочтительны прямые и узкие, и, в отличие от женских, очень длинными им быть не обязательно.

Верхняя мужская одежда успела перепрыгнуть из 60-х в 70-е. Как и тогда, в моде приталенные пальто с большими воротниками, отделанными мехом. Это может быть как полупальто, так и очень длинное пальто-шпатель. Модными будут куртки на меху, с меховыми воротниками и манжетами. И, как и трикотаж, они должны выглядеть объемными, опять же словно с чужого плеча.

Между прочим, особая деталь: некоторые дизайнеры настаивают на поношенном и немного потертом виде. И вообще всем, и мужчинам, и женщинам, советуют относиться к одежде с юмором. Если наряд сделать поношенным, то его носитель должен обязательно выглядеть опрятным.

А теперь поговорим о цвете. Известно ли вам, что несколько сезонов назад дизайнеры назвали белый цвет — в обморок не падать! — "новым черным". Если раньше считалось, что без чего-нибудь обязательно черного в гардеробе просто не прожить, то теперь начали так же говорить о белом. И определили, что он скрывает недостатки фигуры и даже совсем не полнит. Главное — хороший крой.

А кроме того, у белого цвета масса оттенков — слоновая кость, топленое молоко, плохо отбеленная шерсть, ослепительно белый, — оттенки могут быть холодными и теплыми. Удивительно, да? Можно в одном только белом цвете заблудиться.

В прошедшем сезоне розовый цвет просто сделали культовым. Красиво и женственно, конечно, но на смену ему уже спешит оранжевый, считавшийся когда-то верхом безвкусицы. А вот поди ж ты, и он дождался своего звездного часа. Говорят, на "апельсиновый" особенно реагируют мужчины. Ну, ладно, посмотрим, что будет дальше. Главные цвета зимнего сезона все-таки фиолетовый и сливовый. А также ежевика, бронза, персик, все оттенки оливкового. Трикотажные вещи также советуют подбирать не только белого цвета, но и любые оттенки голубого, который так же, как и белый, хорошо сочетается с остатками летнего загара.

И последняя новость. В Новосибирске уже выпустили партию сапог и ботинок со стельками, аккумулялирующими тепло. Ура! Значит, не замерзнем. ■

Екатерина МАКАРОВА

Правильный развод

■ Она говорила такие глупости, что я хохотал до боли в мышцах, сидя на диванчике под оранжевым зонтиком торшера. Позже я понял, что она стесняется, и сказал благодарно:

— Спасибо тебе.

Наверное, тогда со мной все еще было нормально. Днем я ел на фуршете черную икру, пил ледяную водку и краем глаза наблюдал за молодым журналистом, пытающимся ко мне прорваться. Охрана его не пускала. Рослый вышибала с рельефными мышцами, угадывающимися даже под пиджаком, обняв юношу, увещевал его вполголоса: "Ну куда, куда ты, не видишь, народ занят, отдыхает..." Жен-

щина-распорядитель протопала с блокнотом, на груди у нее при каждом шаге подпрыгивала запаянная в пластик карточка на блестящей стальной прищепке.

За стеклянной стеной зорким снайпером затаился фотограф. Я его видел, но ему казалось, что смотрю я только в тарелку, и он готовился запечатлеть жующую знаменитость. Не люблю фотовспышек. Вот кого надо выставить отсюда.

— Охрана! На минуточку.

Вышибала подошел и уставился на меня с подчеркнутым вниманием.

— Фотографа уберите, пожалуйста. Вон там.

— Извините, там не запрещено.

— Но я прошу.

В огромном холле у цветного фонтана с лампочками все расселись по кожаным диванам, две блондиночки разносили коктейли, набежала пресса. И вдруг ко мне, вежливыми касаниями ладоней раздвигая толпу, пробралась она.

Есть такая порода — поклонницы. Разные. От безобидно-скромных старшекласниц с опущенными глазами и дрожащими ручками до вызывающе-наглых баб в норковых шубах и драгоценностях. Им кажется, что общаться с ними я обязан по определению. Одни автограф просят, боясь сказать лишнее слово, а некоторым меня самого подавай, да побыстрее. И никому ничего не объяснишь.

Эта девушка не выглядела наглой, но и фотографии моей вместе с заготовленным фломастером в руках не держала. Смотрела прямо, не мямлила. Просто села рядом на диван и мило улыбнулась:

— Здравствуйте. У меня есть к вам вопрос, не возражаете?

Ага, наверное, журналистка. Пишет гладкие статейки для домохозяек, сопровождая свои опусы столь же гладкими снимками в розовых тонах.

— Привет, — я уселся поудобнее и взял у услужливой блондиночки два бокала. — Угощайтесь.

— Спасибо. — Она взяла коктейль и потянула через соломинку. — М-да. Градусов многовато. Я вас ни от чего не отрываю?

— Пока нет.

Ей было лет от двадцати пяти до тридцати, взрослая уже. Волосы до плеч, свитер, джинсы, крошечный рюкзачок. В рюкзачке, должно быть, диктофон и казенный "Кодак" в нейлоновом чехле. Журналистка тем и отличается от поклонницы, что приносит пользу. Вот эта простушка спросит сейчас, как я пришел в большое кино и чем увлекался в детстве. Мило, и в душу не полезет.

— Вы, девушка, из какого издания? Предупреждаю сразу: текст согласовываем до публикации. Щелкать сами будете?

Она уставилась на меня с недоумением, потом до нее дошло, и она засмеялась:

— Да нет. Я ваша жена.

Ну-ну. Это что-то новое. Свежее. Даже интересно.

— Милая, да ведь я холостяк. Убежденный. Может, вы что-то путаете?

Тогда она достала из рюкзачка паспорт и фотографию в рамочке...

Рассказываю историю.

В той компании было три девушки, одна красивая, остальные — так себе. Мы сидели у костра и жарили шашлык, лес щебетал, одуряюще пахло мокрой лист-

вой и дымом, а я все думал о своем дипломе и тихо наедине с собой радовался. ВГИК — это высшее образование, престиж, дверка в мир, где не нужно с девяти до шести становиться роботом, чтобы не умереть с голоду. Это — шанс. Мне уже звонил один человек и туманно намекал, что через две недели будут какие-то пробы, и я должен приехать, потому что мало ли, а вдруг...

Одна из тех, что — "так", протянула мне свернутый трубкой туристический коврик: "Сидите лучше на этом, здесь муравьи". На ней была спортивная куртка, в коротких блондинистых волосах уже показались темные корни, а лицо было милым, глуповатым и детским. Когда я спросил, честно ответила: "Валерия, девятнадцать". Так и застряло в памяти: Валерия-19, как позывной разведчицы.

Не помню, о чем тогда трепались. Кажется, о кино. Ну да. Точно — о кино. Ни о чем другом я и думать не мог, не то что говорить. В сумерках набросали в костер сухого хвороста, и веселое пионерское пламя раскрасило в яркие цвета стволы берез и наши лица. Мы пили какое-то недорогое вино из походных стаканчиков, пекли картошку, курили, и эта Валерия-19 затыгивалась неумело, глядя смешными глазами на тлеющий кончик сигареты.

— В первый раз? — добрый от вина и сладких призраков будущего, я обнял ее за плечи и почувствовал, что тело теплое, волосы пахнут шампунем и дымом, а куртка грубая, нейлоновая, противно шуршащая.

Я — человек ощущений, не могу не тронуть, руку не пожать, не обнять даже вот так, по-приятельски. Ощущение остается надолго. Лицо забуду, голос, а вот мягкость, тепло, запах — никогда.

Пели что-то из Окуджавы, потом неожиданно грянули "Замыкая круг", дружно, хором, разбившись на первые и вторые голоса. Мы были очень далеко от Москвы, два часа электричкой и еще сорок минут автобусом, среди сосен, берез и домиков, в поселке с деревянным домом культуры. Пейзажи там красивые, особенно круглое озеро в раме белого песчаного пляжа. Купались, кажется. Я поднял ее на руки над водой и швырнул с силой, ожидая, что завизжит, но она молча бултыхнулась в глубокую озерную зелень, и я успел увидеть лишь напряженное лицо и цепочку на шее.

— Ты смелая.

Она выбралась из воды, застенчиво поправляя купальник, замоталась в полотенце, стала искать куртку, и все это — молча.

Девушка, которая "красивая", хмыкнула в мою сторону, изящно выжимая мокрые волосы:

— Игорек, а вы похожи. Честно. Как брат с сестрой. Подходящая пара. Давайте, мы вас поженим? У меня мама — заведующая ЗАГСом.

Валерия-19 уже сидела у костра и ковыряла прутиком в золе, выскивая картофелину. Услышала, подняла голову, посмотрела внимательно.

— А давайте! — поддержал я красивую и подмигнул своей замерзшей кулаще. — Как, Лер, замуж за меня пойдешь?

— Да, Игорь, пойду.

Ну не помню я, честно, не помню, зачем все это сделал. Почему не одумался, не засмеялся...

теле**о**р**з**ение

■ Что может быть занятнее, злободневнее и интереснее рекламы? Нам просто некуда от нее деваться. Сколько раз в день вы слышите отборную "русскую речь" ваших домочадцев, друзей, случайных подруг, когда по телевизору начинается заветное пятиминутное испытание? Конечно, случаются и возгласы одобрения, но часто ли? Производители рекламы по какой-то не известной науке причине чаще всего норовят прежде всего угодить мужчине, даже если предлагаемый товар сугубо женского применения. Хотя это как сказать, знаете ли... Знал я такой случай, когда мужчина тоже использовал женские гигиенические салфетки... в качестве стельки...

С мужчинами все просто. Считается, что им биологически свойственна полигамия, позволяющая оплодотворить своими генами максимальное количество женщин. Таким образом, для мужчины

любая молодая и красивая женщина является объектом сексуального желания. Значит, реклама должна: 1) привлечь внимание мужчины сексапильным женским телом; 2) создать у потребителя четкую ассоциацию: купишь рекламируемый товар — встретишь шикарную женщину, а может и сразу нескольких. Логика рекламных посланий следующая: женщина всегда хочет мужчину, обладающего именно этим продуктом. Для нас, мужчин, все в рекламе просто — голову ломать не надо. Проще говоря, побриться такой-то бритвой — все женщины твои, использовать такой-то дезодорант — все женщины твои и так далее. Но у нас есть секрет — называется "иммунитет против рекламы". Например, "Наш крем обладает изысканным и неповторимым ароматом", — говорит мне одна реклама. О'кей, готов согласиться. В конце концов нравится аромат или нет — сугубо личное дело. "А наш крем сделает вашу кожу

гладкой и шелковистой", — вкрадчиво сообщает другой рекламный ролик. Также вполне возможно, поэтому ничего не имею против. Но как только мне начинают "втирать" нечто вроде "Этот аромат очаровывает женщин", и, соответственно, на экране телевизора возникает дюжина привлекательных молодых особей женского пола, усиленно облизывающих счастливого обладателя чудо-крема — я понимаю, что началось банальное психологическое жульничество, обещание избыточного, — я сразу же говорю себе: "Стоп, ребята! Идите-ка вы на хрен со своим кремом!".

Но большинство индивидов на это не способны. Вот и мой сосед по лестничной клетке — Недовес — он же бар-менеджер Гирькин, без лишних мыслей употребляет с утра бритву "Джилет", в течение дня сигареты "Мальборо", а вечером пьет пиво "Бекс". И делает он это не потому, что данные товары чем-то ближе именно ему, в принципе, он ничего другого толком и не пробовал. Просто реклама засела в его мозгу, побрелась "Джилетом", тебя будут гладить по щекам шикарные девушки, покуришь то, что надо, будешь выглядеть настоящим мужиком, ну а вековые традиции пивоварения, просто круто само по себе.

С женщинами-то не так, не так... У них другая беда: они верят всему, что им говорят. Не знали? Посмотрите вокруг. Например, у меня подруги так по магазинам и бегают, то за желтенькой баночкой крема, то за красненьким тюбиком геля. А что? Ведь модель из проклятого ящика молвила, что все будет, как у нее. И неважно, что 9 из этих моих 10 безнадежных подруг можно сравнить разве что с мопассановской Пышкой после напалмовой атаки, а вообще такой тип существа прекрасно описан у Луи Буссенара в африканских приключениях: "...Это был крупный мастодонт 1.60 в холке, с мощным крупом и широкими бедрами,

созданными для рождения здорового потомства. Огромные шрамы придавали телу агрессивный вид, небольшие усы на морде призывно шевелились, мощный пяточок позволял отыскивать самые вкусные корешки под толстым слоем почвы. Чтобы умертвить такого зверя, понадобится точный выстрел в черепную коробку (между глазом и ухом) из самого крупнокалиберного бушменского ружья". Чувства, которые подобная реклама стимулирует у женской аудитории, блестяще характеризует знаменитый монолог Элочки-людоедки из "Двенадцати стульев": "Увидев меня ТАКОЙ, мужчины взволнуются. Они задрожат. Они пойдут за мной на край света, заикаясь от любви. Но я останусь холодна. Разве они стоят меня? Я самая красивая!" В общем, как сказал один умный человек, сегодняшняя реклама, предназначенная для женщин — всего лишь воплощенные мечты среднестатистической жлобихи. Ну да ладно, переживут.

Но что самое обидное, рекламы становится больше, женской, мужской — это, в принципе, без разницы. Хватает и того, что её просто чересчур много. Просмотр фильма превращается в муку: 20 минут кино, 10 минут рекламы. Такое впечатление, что телевидению патологически не хватает денег, и оно вовсю продает эфирное время под "двигатель прогресса", отнюдь не заботясь о нас, зрителях. Почему в Европе место под рекламу жестко ограничено? В Германии, например, двумя часами в день, и кино нельзя прерывать. И на безденежье никто не жалуется. Просто-напросто минута рекламы при таких условиях дорожает во много раз. А у нас что? Скоро вообще большинство каналов превратятся в сугубо рекламные. Разве трудно перенять европейский опыт, тем более, что он положительный? ■

Ник СИГАРИЩЕНКО,
с любовью.

Сегодня вашему вниманию мы представляем серию научно-популярных фильмов "NATIONAL GEOGRAPHIC", выпущенную компанией "ПИРАМИДА-ВИДЕО", — захватывающие приключения, чудеса животного мира и загадки истории. Национальное Географическое Общество, основанное в 1888 году, занимается всесторонним исследованием природы и животного мира и уже много лет создает уникальные по сложности, красоте и объему информации фильмы.

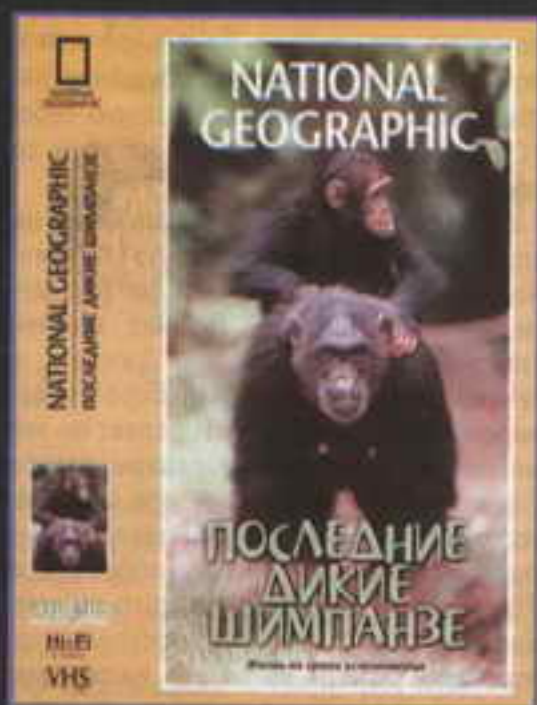

В ПОИСКАХ ЯГУАРА

Режиссер Кейт Черчилл.
ПУ № 226016004

Это животное не зря считается одним из самых могущественных представителей животного мира. Ягуар — не только свирепый хищник, но еще и самый таинственный из собратьев больших кошек.

Цель этого фильма — дать Вам возможность лучше узнать и полюбить этого зверя. Неуловимый, словно лесной призрак, он прячется от мира и ему не так просто назначить встречу...

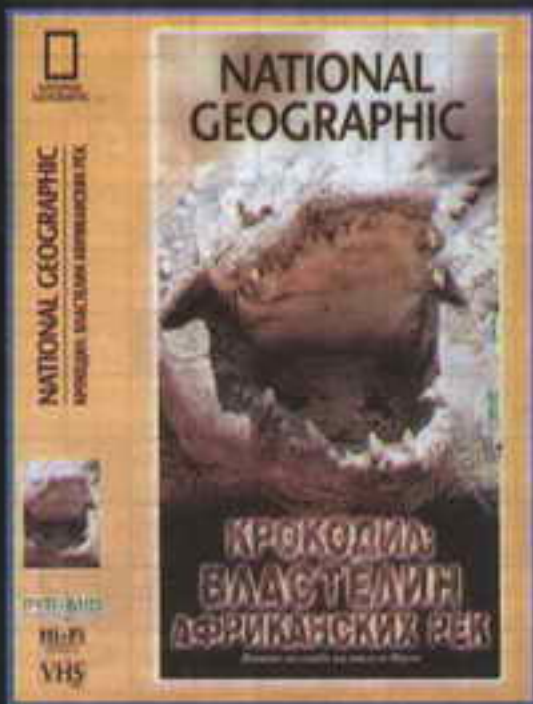

ПОСЛЕДНИЕ ДИКИЕ ШИМПАНЗЕ

Автор сценария
ДЭВИД ХЭМЛИН.
ПУ № 226013804

Многие ученые уверены, что это очаровательное и невероятномышленное существо сродни по интеллекту с трехлетним человеком.

Но, как и многие другие редкие животные, из-за варварской вырубке лесов, браконьерства и загрязнения окружающей среды, оно на грани исчезновения.

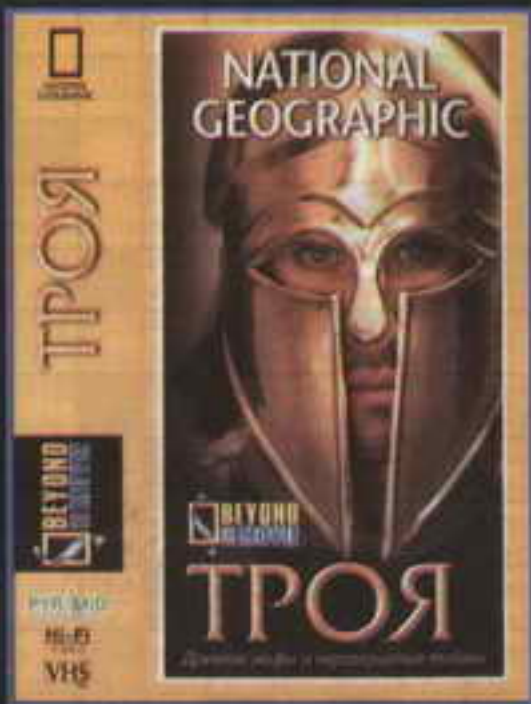

КРОКОДИЛ: ВЛАСТЕЛИН АФРИКАНСКИХ РЕК

Авторы сц. и режиссеры КЛЭР НОЛАН,
ХЬЮ МАЙЛС. ПУ № 226011904

Хозяин африканских водоемов нильский крокодил — свирепый монстр и один из самых опасных хищников, но, кроме того, он — интереснейшая из рептилий и одно из самых древнейших существ на Земле.

При длине шесть метров и весе около тонны ему нет равных в краях, где он обитает.

ТРОЯ

Автор сценария и режиссер
ТИМ БЭЙНИ.
ПУ № 226013904

У вас есть шанс узнать многое: из того, что вот уже 3000 лет считается одним из самых захватывающих и неразгаданных сюжетов западной культуры. Кто только ни искал реальное подтверждение существования Трои — аферисты, жаждущие нажиться на реликвиях, историки, археологи.

И только современные ученые обнаружили золотые клады и разрушенные войной поселения. Они же ознакомят вас и с неизвестными ранее фактами.

Видеогид Наталья Тендора

1		2		3		4		5		6		7		8		9
						10										
11	12		13		14					15	16		17		18	
			19				20	21								
22											23					
					24											
25		26		27							28	29		30		31
						32										
33											34					
						35										
36	37		38		39						40		41		42	
					43											
44				45							46	47				
			48			49		50	51							
52		53									54				55	56
						57										
58											59					

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Достопримечательность Базеля с самым богатым в Европе обезьянником. 6. Сколько лет, сколько зим. 10. Место, где река может "пришить" себе рукава. 11. Кустарник, из чьих листьев делают сердечные препараты. 15. Наследственное владение, поместье в Турции. 19. Недовольство в шаге от злости. 22. Пятнистая аквариумная рыбка, впервые завезенная в Европу в 1896 году. 23. Актер, каждый вечер отдающий на сцене концы. 24. Защитные чулки для ловчей птицы или лошади. 25. Говорун, краснойбай. 28. Нагонный ветер на берегах Севера России. 32. Деньги в долг на определенных условиях возврата. 33. Татьяна Гремина в девичестве. 34. Звуковая организация речи. 35. Длинная лента через плечо в облачении дьякона. 36. Человек с одной точкой зрения. 40. Каждый из орлиных атрибутов китайского дракона. 43. Машина для размножения текста. 44. Самый большой ночной горшок. 46. Сплав, применяемый в из-

готовлении винтов вертолета. 48. Человек, полностью выражающий себя, выражаясь. 52. На чужой ... рот не разевай (поговорка). 54. "Антипод" беремени. 57. Время, за какое гемеродом Фидипп пробежал 225 километров от Афин до Спарты. 58. "...не спрашивает у розы: лобызал ли кто тебя?" (Г. Гейне). 59. Добыча смеха вручную.

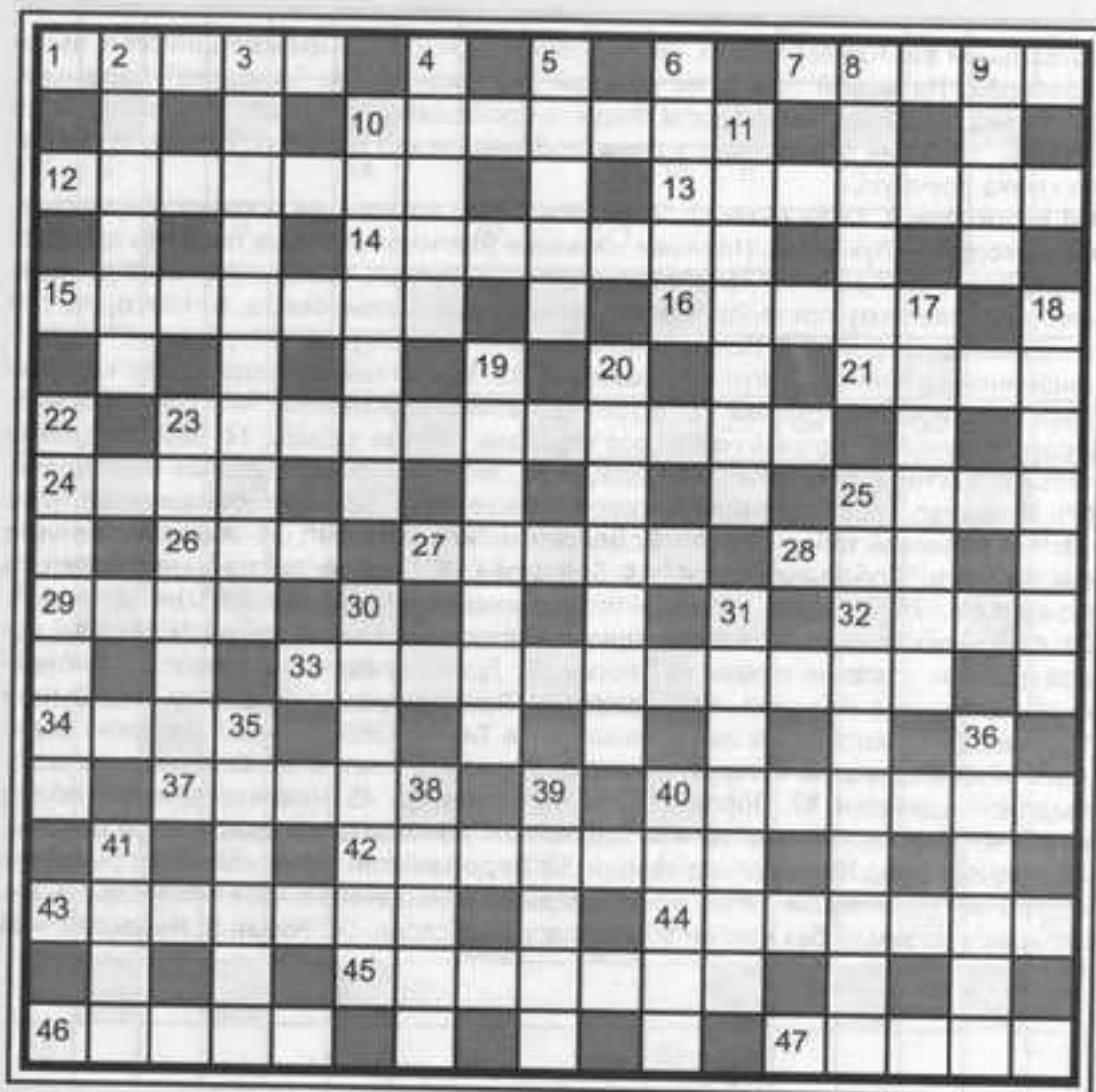
По вертикали. 1. Сила дьявола. 2. Первое слово в названии сказки Х. Андерсена, если второе — Лукойе. 3. Прежнее название Вьетнама. 4. Представитель арабского народа, у которого нет своего государства. 5. Вулкан, покоренный Эмпедоклом, что позволяет ему претендовать на славу первого альпиниста. 6. Новгородский сход лавины людей. 7. В Испании ночью, по А. Пушкину, он "струит эфир". 8. Возвышенное селение. 9. Бегун по проводам. 12. Единственная мадонна, на которую упал луч лирики Петрарки. 13. Журавль Латинской Америки, чей пронзительно-меланхолический ночной голос, раз услышав, нельзя забыть. 14. Звукоподражательная частица, обозначающая бряцание, звон. 16. Доверительная обстановка. 17. Искусство, порожденное жертвоприношением. 18. Другое название Трои. 20. Чин в русской табели о рангах с эпитетом "коллежский". 21. Жестокое занятие Шарикова в "Собачем сердце" М. Булгакова. 25. Еще не постриженный житель монастыря. 26. Хищник, обычно не трогающий кур во дворе, где он живет. 27. Французская форма стихотворения с повторением части строк. 29. Металл, какой древние египтяне возили из Персии. 30. Древнеславянский кумир. 31. Библейская наложница Авраама, изображенная Рембрандтом и Рубенсом. 37. Остров Одиссея. 38. Религиозный центр ламаизма в Тибете. 39. Показной документ водителя. 40. Женщина, за которой можно пойти на край света. 41. Хипповая часть лошадиной прически. 42. Порошок для рук штангиста. 45. Непредсказуемый порыв ветра. 47. Старинный зимний крытый экипаж на полозьях с дверцами и окнами. 49. Родной город Нонны Мордюковой. 50. Ведомая иглы. 51. Раковина, скрытая пустота в металлическом литье. 52. Медведь по отношению к лисе в сказках. 53. Его запирают на замок без ключа. 55. Неподсудное слово. 56. Роман В. Набокова. ■

Г Р Д У Ч Е

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали. 1. Жерех. 6. Брюки. 9. Облом. 11. Витте. 12. Дебил. 13. Лекок. 14. Конституция. 15. Виола. 18. Карга. 21. Натюрморт. 26. Звание. 27. Ростра. 28. Куропатка. 29. Ришар. 30. Налим. 31. Атом. 32. Бокс. 33. Эберс. 35. Парад. 37. Останкино. 38. Чернов. 39. Ротару. 40. Авторитет. 45. Домра. 48. Урфин... 51. Квадриллион. 52. Вальс. 53. Центр. 54. Оптик. 55. ...манси... 56. Дерен. 57. Ярлык.

По вертикали. 1. Жадов. 2. Ребро. 3. Холка. 4. Глинка. 5. Штуцер. 6. Беляк. 7. Юнкер. 8. Искра. 10. Метсю. 11. Вотум. 16. Инвар. 17. Ландштейнер. 19. Акселератор. 20. ...гарем. 21. Некрасова. 22. Термостат. 23. Рела. 24. Остролист. 25. Транспорт. 33. Эбеко. 34. Шнур. 36. Дерби. 41. Власть. 42. Окрик. 43. Ислам. 44. Ехидна. 45. Довод. 46. Маляр. 47. Ахсон. 48. Унция. 49. Финал. 50. Нырок.

Э Р У Д И Т

По горизонтали. 1. Африканский лес, где пигмеи еще тысячелетия назад знали про окапи. 7. ... делла Кверча — самый крупный итальянский скульптор раннего Возрождения. 10. Барон, учитель будущего императора Павла I. 12. Углевод, которого нет в грибах. 13. Основатель первого в России издательства по изобразительному искусству. 14. Вредное насекомое, способное наградить собаку цепнями. 15. В 1830 году А. Пушкин написал: "Пью за ... Мери, милой Мери моей". 16. Предел во избежание беспредела. 21. Философ, которого от "догматического сна" разбудили рассуждения Юма. 23. Изобретение француза Жилло в печатном воспроизведении иллюстраций. 24. Французский город, где уток не режут, а душат. 25. "Язык ангелов" или "райский язык" в Иране. 26. Возможная причина обрушения стен Иерихона, сотворенная осаждавшими. 27. Порода, из-за которой накренилась Пизанская башня. 28. Демон, дух у корейцев. 29. "Оружие бессилия" (С. Сегюр).

32. Объект охоты Остапа Бендера. 33. Положение, отбирающее зарплату, давая негласное добро на разбой. 34. Художник, чей дом стал музеем импрессионизма "Мармоттан". 37. В Древней Греции — ..., в Риме — тибия. 40. Звездный взрыв, например, вспышка на Солнце. 42. Курица, названная по итальянскому порту, откуда ее завезли в США. 43. Эпитет А. Белого (по Вяч. Иванову) в стихотворении О. Мандельштама "Голубые глаза и горячая лобная кость..." 44. Другое название пуховки в Южной Америке за малоподвижность. 45. Полусукно, исчезнувшее вместе с "пошехонской стариной". 46. Законник, которого в средние века называли писцом. 47. Старинный боевой челн, чьи борта от выстрелов защищали толстые пучки камыша.

По вертикали. 2. Червь, проточивший дно шхуны Колумба "Санта-Мария", из-за чего она потонула. 3. Композитор, которого, по свидетельству С. Рихтера, последними словами ругал С. Прокофьев, хотя был многим ему обязан. 4. Французский скульптор, чьи работы дышат пафосом барокко. 5. Физиолог, основатель и первый директор Международного института физиологии в Турине. 6. Пещерный светильник. 8. Самый маленький сокол. 9. Дерево, чьими листьями гавайцы крыли хижины. 10. Процесс укладки сена или соломы на воз. 11. Личность. 17. ...Егоровна — пустомеля. 18. Живописец, чьей матерью была художница Валадон, натурщица Э. Дега. 19. Эквадорский писатель, попавший через "Зону канала" на "Девственный остров", где через "Семь дней и семь змей" написал "Реквием для дьявола". 20. Девушка, иссушающая сердце. 22. Японское искусство вырезания бумажных птичек, весьма интересовавшее Л. Толстого. 23. "Благоверная..." — невеста в допетровское время. 25. Трудовая хромоножка в канун и после праздника. 30. Каждый из ста "большого света знатоков" в стихотворении А. Полежаева "Александр Петровичу Лозовскому". 31. Немецкий философ-младогегельянец, не раз сидевший в тюрьме за долги. 35. Учитель Платона в математике и ученик в философии. 36. Английский кинорежиссер, чья фигура напоминала журналистам "дыню на ножках". 38. Система цветного телевидения. 39. Старший управитель аппаратом храмовых служителей в Шумере. 40. Бактериолог и биохимик, получивший Нобелевскую премию совместно с И. Мечниковым. 41. Грызун в хатке. ■

ОТВЕТЫ НА ЭРУДИТ, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали. 2. Шея. 4. Жизнь. 7. Ягов. 10. Лепаж. 13. Характеристика. 14. Пиннок. 15. Сайра. 16. Умбон. 17. Ченслер. 20. Бенкендорф. 22. Колот. 24. Змий. 25. Ван. 26. Щур. 28. Финн. 31. Гювеч. 32. Джентльмен. 34. Пеликан. 35. Свада. 36. Адрон. 39. Отоми. 40. Доказательство. 41. Цкаро. 42. Тейп. 43. Кобра. 44. Вал.

По вертикали. 1. Ленивец. 2. Шаховской. 3. Ежак. 5. Интерьер. 6. Нары. 8. Григорович. 9. Врач. 11. Базар. 12. Осьмина. 15. Серов. 18. Округ. 19. Афины. 21. Дзюдо. 22. Киреевский. 23. Тафья. 27. Рюген. 28. Фемистокл. 29. Этюдизм. 30. Зедделер. 33. Маммери. 34. Поиск. 37. Юдит. 38. Утро. 39. Овца.

Тот факт, что известные писатели вдруг обратились к детской литературе, уже никого не удивляет. Это модное поветрие обогатило детские библиотеки не одним шедевром. Теперь же за перо решили взяться и режиссеры.

Если быть более точными, Клайв Баркер — не только режиссер, но и сценарист, художник, драматург, постановщик и продюсер. Личность фактически одиозная. Кто из нас не смотрел, замирая от ужаса, "Восставших из ада"?

Недавно в издательстве "Эксмо" вышла первая часть его уникальной тетралогии для детей. Идея масштабного и необычного литературно-художественного проекта пришла к автору неожиданно. Последние несколько лет Клайв Баркер увлекся созданием "странных" картин, изображавших неведомый мир и его обитателей. Заканчивая 250-е полотно, автор понял, что фактически нарисовал историю о приключениях обычной девочки, попавшей на таинственный архипелаг, который и получил название "Абарат". Он принял решение о создании тетралогии (4 романа, 400 картин) и предложил проект издателям и киностудиям. Ознакомившись с работами, и те, и другие ухватились за предложение, несмотря на то, что текст романа существовал только в виде синопсиса.

Иллюстрации к книге заслуживают отдельного упоминания: каждый том тетралогии будет похож на яркий красочный альбом. Рисунки Баркера невозможно перепутать с произведениями других художников. Они довольно своеобразны. Определить, в чем их магия, с ходу невозможно: иллюстрации к "Абарату" притягивают, пугают и завораживают одновременно. Однако критики и читатели относительно рисунков единодушны: никто другой, кроме самого Баркера, просто не справился бы со столь сложной работой. Именно поэтому рассматривать сюжет "Абарата" в отрыве от иллюстраций — абсолютно некорректно. Точно так же, как отделять рисунки Экзюпери или Туве Янссон от текстов их произведений.

Главная героиня "Абарата" — Кэнди, очень похожа на кэрролловскую Алису в Стране Чудес. Только если последней надо погнаться за Белым кроликом с карманными часами, чтобы попасть в Очень Странное Место, то Кэнди уже живет в нем. Многие взрослые жители не замечают странностей своего города. А тем временем загадочных вещей в скучном, на первый взгляд, городке не так уж и мало. Откуда, например, в пыльных степях взялись в большом количестве всевозможные бесподобно красивые морские ракушки? Жители родного города Кэнди не желают знать ответа на этот вопрос. И только маленькая Кэнди отваживается взглянуть правде в глаза.

Сам Баркер объясняет появление своей книги в небольшом стихотворении:

*Мне книга приснилась —
Сама бесконечность,
Безбрежное море страниц,
Где что ни строчка, то новые дали,
Новые выси,
И страны, и души.
В тех странах тоже кто-то спал
Однажды в полдень.
Но чтобы эти грезы записать,
Нужна была рука.
И я повиновался.*

В 2000 году студия "The Walt Disney", не имея на руках текста книги (беспрецедентный случай!), — купила права на ее экранизацию, заплатив автору 4 миллиона долларов в качестве аванса.

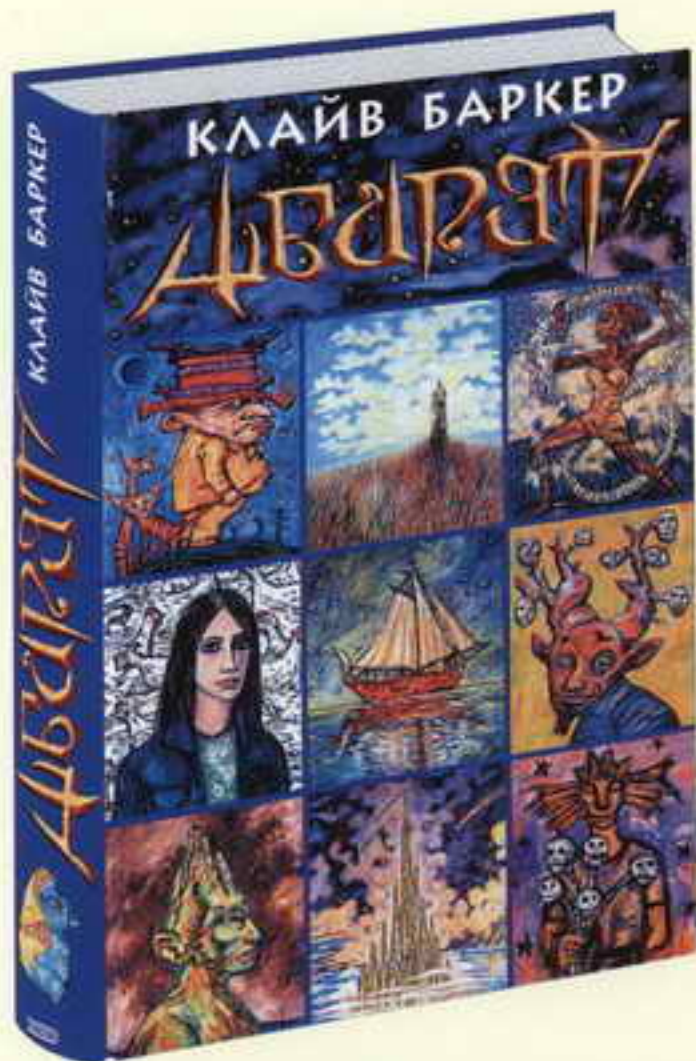
В 2003 году "The International Horror Guild Awards" признала вышедший в издательстве "HarperCollins" "АБАРАТ" (1-ю часть тетралогии) книгой года в номинации "Graphic Story, Novel, or Other Illustrated Narrative".

В этом же году издательство "ЭКСМО" приобрело права на русскоязычное издание. И совсем недавно "Абарат" вышел на русском языке. Книга идентична мировому изданию, в оформлении обложки и текста использованы более 100 авторских иллюстраций.

Завершить создание тетралогии Клайв Баркер намерен к 2010 году.

К слову сказать, "АБАРАТ" — не первая иллюстрированная книга Баркера. В 1992 году вышла детская сказка "The Thief of Always: A Fable" (Вечный вор), в этом же году внесена Министерством образования Великобритании в список обязательной литературы для чтения в средней школе.

Критики уже называют "Абарат" современной классикой детской литературы. Остается с нетерпением ждать выхода экранизации книги Баркера и надеяться, что фильм окажется достоин своего оригинала.

IRBiS
K-СИСТЕМС

ПОИГРАЕМ?

IRBiS M

IRBiS L

IRBiS Favorite

IRBiS Lux

Специально для игроков
и профессионалов!

КОМПЬЮТЕР IRBiS

на базе процессора Intel® Pentium® 4
с технологией Hyper-Threading

3 ГОДА
ГАРАНТИЯ

Москва (095) 783-0115
С.-петербург (812) 327-6556
www.k-systems.ru

K
SYSTEMS

Розничные продажи: М-ВИДЕО (095) 777-777-5,
МИР (095) 780-0000, ТЕХНОСИЛА (095) 777-8-777,
ЭЛЬДОРАДО (095) 5-000-000
K-СИСТЕМС (095) 948-36-00 (доставка и установка)

Intel, логотип Intel Inside, Pentium являются зарегистрированными товарными знаками Intel Corporation и ее филиалов в США и других странах.